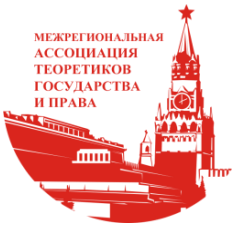

Юридическая мысль

2020 3 (119)

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2001 ГОДУ

ISSN 2071-4920

9 772071 492787

Журнал «Юридическая мысль» с 2010 г. входил
в ПЕРЕЧЕНЬ ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 34
ББК 67

Учредитель и издатель
ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург)
Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права

Главный редактор
М.Б. Ревнова, ректор ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург),
кандидат юридических наук

Заместитель главного редактора
С.А. Комаров, президент Межрегиональной ассоциации
теоретиков государства и права,
научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург),
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки и образования РАЕ

Ответственный секретарь редакционной коллегии
А.В. Яковлев, доцент кафедры теории и истории государства
и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург),
кандидат юридических наук

Редакционная коллегия:

Р.Н. Дусаев, заведующий кафедрой общеправовых дисциплин юридического факультета Петрозаводского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

Т.Л. Комарова, проректор по науке и инновациям ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент;

Б.А. Ревнов, доцент кафедры конституционного и административного права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук;

Е.В. Середа, профессор кафедры уголовного права и процесса ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук; профессор;

О.Э. Старовойтова, профессор кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор.

Редакционно-издательский совет:

С.А. Комаров, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РАЕ, председатель совета;

В.А. Винокуров, профессор кафедры теории и истории государства и прав ФГБУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России», Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, член совета;

С.М. Воробьев, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Юридического факультета Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, член совета;

Ф.Х. Галиев, профессор кафедры теории государства и права Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, доцент, член совета;

А.М. Дроздова, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета, доктор юридических наук, профессор, член совета;

Е.С.Ч. Ковальски, директор Российской школы права Юридического факультета Университета Лазарского (Uczelni Łazarskiego) в Варшаве, Республика Польша, доктор honoris causa ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор политических наук, профессор, член совета;

М.Е. Крук-Ярош (Maria Kruk – Jarosz), заместитель декана по вопросам докторантуры Университета Лазарского (Uczelni Łazarskiego) в Варшаве, Республика Польша, доктор honoris causa ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, член совета;

Г.А. Мартьянов, доцент кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, член совета;

Е.В. Мицкая, заведующая кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор, член совета;

Н.И. Полищук, вице-президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Юридического факультета Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, член совета;

А.В. Попова, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет), доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, член совета;

Г.С. Скачкова, зав. сектором трудового права и права социального обеспечения ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук», доктор юридических наук, профессор, член совета;

С.П. Стёпкин, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского государственного социального университета, кандидат юридических наук, доцент, член Комиссии Ассоциации юристов России, член совета;

Кари Сюнберг (Kari Synberg), профессор факультета общественных и экономических наук Университета Восточной Финляндии, член правления Географического общества Финляндии, Финляндская Республика, доктор honoris causa Юридического института (Санкт-Петербург), доктор географических наук, член совета;

Н.А. Фролова, профессор кафедры теории государства и права им. Г.В. Мальцева ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор, член совета.

ПОДПИСКА
в объединенном каталоге Пресса России «Подписка-2020»
Подписной индекс – 82596 (годовая подписка на 2020 г.)
Подписка в Агентстве: по тел. (499) 152-8850 и/или (495) 661-2030,
по e-mail: arpk@akdi.ru arpk@bk.ru izdatcat@eg-online.ru
в **Каталоге российской прессы «ПОЧТА РОССИИ»**
Подписной индекс – 24220 (второе полугодие 2020 г.)
Журнал выходит 4 раза в год
Телефон редакции: (812) 325-98-90
Адрес в Интернете: http://lawinst-spb.ru;
E-mail: lawinst-spb@mail.ru

Founder and Publisher
Law Institute (St. Petersburg)
Interregional Association of Theorists of State and Law
Chief Editor
M.B. Revnova, Rector of the Law Institute (St. Petersburg), PhD
Deputy Chief Editor
S.A. Komarov, President of the Interregional Association of theoreticians of the state and law, scientific director of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, honored worker of science and education of RAE
Executive Secretary of the Editorial Board
A.V. Yakovlev, associate Professor of the Department of theory and history of state and law of the Law Institute (St. Petersburg), PhD

Editorial team:

R.N. Dusaev, Head of common law disciplines Faculty of Law of Petrozavodsk State University, Doctor of Law, Professor;

T.L. Komarova, Vice-Rector for Science and Innovation of the Law Institute (St. Petersburg), PhD, associate professor;

B.A. Revnov, associate Professor of Department of constitutional and administrative law of law Institute (Saint Petersburg), PhD;

E.V. Sereda, professor of criminal law and procedure of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor;

O.E. Starovoitova, Professor of Theory and History of State and Law of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor.

Editorial and publishing Council:

S.A. Komarov, President of the Interregional Association of theoreticians of the state and law, scientific director of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, honored worker of science and education of RAE, Chairman of the Council;

V.A. Vinokurov, Professor of the Department of theory and history of state and rights of the "St. Petersburg University of Emercom of Russia", Honored lawyer of the Russian Federation, Doctor of law, Professor, member of the Council;

S.M. Vorobiev, Professor of the Department of theory of state and law, international and European law, faculty of Law, Academy of the FSIN of Russia, Doctor of law, Professor, member of the Council;

F.H. Galiev, Professor of Theory of State and Law of the Bashkir State University, Doctor of Law, associate professor, member of the Council;

A.M. Drozdova, professor of the Department of legal culture and protection of human rights of the North-Caucasus Federal University, Doctor of Law, Professor, member of the Council;

E.S.Ch. Kowalski, Head of the Russian law, professor of legal theory and legal logic, Deputy Dean of Science Faculty of Law of the University of Lazarski (Uczelni Łazarskiego) in Warsaw (Poland), Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Political Sciences, Professor, member of the Council;

M.E. Kruk-Jarosz (Maria Kruk-Jarosz), deputy dean for doctoral studies of the University of Lazarski (Uczelni Łazarskiego) in Warsaw (Poland), Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

G.A. Martianov, associate Professor of the Department of theory and history of state and law of the Law Institute (St. Petersburg), candidate of law, member of the Council;

E.V. Mitskaya, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and process of the South Kazakhstan State University of Auezov (Kazakhstan), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

N.I. Polishchuk, vice-president of the Interregional Association of theoreticians of State and Law, Professor of Theory of State and Law, International and European Law Faculty of Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor, member of the Council;

A.V. Popova, a professor of the Department of legal regulation of economic activity, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Ph.D., associate professor, member of the Council;

G.S. Skachkova, Head sector labor law and social security law of the «Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences», Doctor of Law, Professor, member of the Council;

S.P. Stepkin, associate Professor of the Department of civil law disciplines of the Russian state social University, Candidate of law, associate Professor, member of the Commission of the Association of lawyers of Russia, member of the Council;

Kari Syunberg (Kari Synberg), professor of the Faculty of Social and Economic Sciences of the University of Eastern Finland, a board member of the Geographical Society of Finland, the Republic of Finland, Doctor of Geographical Sciences, Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), member of the Council;

N.A. Frolova, a professor of the Department of Theory of State and Law named by G.V. Maltsev of «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration», Doctor of Law, Professor, member of the Council.

Информация для авторов:

Ваши материалы (объемом до 0,6-1,0 усл.-печ. л.) направляйте по адресу:
199106, Санкт-Петербург, ул. Гаванская, 3.
Юридический институт (Санкт-Петербург).
Тел. (812) 325-4625. E-mail: lawinst-spb@mail.ru;
119415, г. Москва, ул. Удальцова, дом 19, корп. 1, оф. 12
МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»
Тел. (499) 431-5806. E-mail: matgip2017@yandex.ru

Каждая статья должна сопровождаться рецензией!

Просьба указывать свою должность, ученую степень, звание,
фамилию, имя и отчество, почтовый адрес и телефон.

Свидетельство о регистрации ПИ № 2-4890 от 15 декабря 2000 г.
Формат 80x108/16. Подписано в печать 20.09.2020. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 8,6. Уч.-изд. л. 8,8. Тираж 200 экз. Заказ № _____.
Отпечатано в типографии “OneBook.ru” ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5, «Технополис».

© «Юридическая мысль», № 3 (119), 2020

На обложке – фрагмент картины
С. Дали «Рафаэлевская голова, разлетающаяся на куски» (1951)

Юридическая мысль

2020 НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ 3 (119)
ОСНОВАН В 2001 ГОДУ

СОДЕРЖАНИЕ

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Ахвердян А.Г.
Справедливость как результат обеспечения баланса прав и обязанностей..... 10

Бирюкова Г.М.
Психологические аспекты изучения коррупции 16

Борзов А.А.
Философско-правовые учения Марсилия Падуанского о государстве..... 33

Винокуров В.А., Шафигулин К.В.
Безопасность государства и право человека на проживание на исконной территории, признанной особо охраняемой..... 44

Дусаев Р.Н., Туманов Р.В.
Особенности формирования доходной части бюджетов финляндских муниципалитетов после реформы 1995 года 59

Масленников Д.В., Ревнова М.Б.
Диалектика субъективного и объективного в обосновании права классиками немецкой философии 74

Хабибулаев А.Х.
Становление и развитие отечественного законодательства о морской перевозке грузов в период конца XVII до периода правления Екатерины II 92

Чернышов А.В.
Исторические этапы формирования приказа как правового акта органа государственного управления..... 115

12.00.03 – Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право

Мусатов В.В.
Смарт-контракты для цифровой экономики: новая нормальность 129

12.00.08 – Уголовное право и криминология, Уголовно-исполнительное право

Гареев М.Ф.
Общественное воздействие как иная мера уголовно-правового характера..... 139

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

Лебедева (Скачкова) А.Е.
Эффективность прокурорского надзора за исполнением законов органами предварительного расследования на стадии возбуждения уголовных дел о преступлениях в бюджетной сфере 150

В помощь преподавателю

Бастрыкин А.И.
Лекция: «Цифровые технологии современной криминалистики»..... 161

CONTENT

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of law and state studies

Akhverdyan A.G.
Fairness as a result of balancing rights and obligations 13

Biryukova G.M.
Psychological aspects of the study of corruption 25

Borzov A.A.
Philosophical and legal teachings of Marsil of Padua
about the state 38

Vinokurov V.A., Shafigulin K.V.
State security and the human right to live in the original
territory recognized as specially protected 51

Dusaev R.N., Tumanov R.V.
Features of the formation of the revenue side of the budgets of Finnish
municipalities after the reform of 1995 66

Maslennikov D.V., Revnova M.B.
Dialectics of the subjective and the objective in the substantiation
of law by the classics of German philosophy 83

Khabibulaev A.Kh.
Formation and development of domestic legislation on the carriage
of goods by sea from the end of the XVII to the period
of the reign of Catherine II 103

Chernyshov A.V.
Historical stages of the formation of an order as a legal act of
a public administration body 122

12.00.03 – Civil law, business law, family law, private international law

Musatov V.V.
Smart contracts for the digital economy: the new normality 134

12.00.08 – Criminal law and criminology, Penal law

Gareev M.F.
Public influence as another measure of criminal law 144

12.00.11 – Judicial activity, prosecutor's activity, human rights and law enforcement

Lebedeva (Skachkova) A.E.
Efficiency of Prosecutor's supervision over the implementation of laws by preliminary investigation bodies at the stage of initiation of criminal cases on crimes in the budget sphere 155

To help the lecturer

Bastrykin A.I.
Lecture: "Digital technologies of modern forensic science" 174

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

УДК 34.03
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.001

Справедливость как результат обеспечения баланса прав и обязанностей

А.Г. Ахвердян*

Аннотация. Человеческая цивилизация на протяжении всего своего существования искала эффективные механизмы обеспечения принципа справедливости в рамках своей жизнедеятельности, так как справедливость является одной из базовых фундаментальных основ для построения и качественного развития государственности. В связи с этим автор рассматривает пропорциональный баланс прав и обязанностей человека и гражданина как один из основных критериев справедливости в обществе.

Ключевые слова: государство, человек, гражданин, личность, права, обязанности, право, законодательство, обеспечение, свобода, ограничения, справедливость, гуманизация.

«Трудно и потому особенно похвально –
прожить всю жизнь справедливо,
обладая полной свободою творить
несправедливость»

Платон

Понятие «справедливость» играет очень существенную роль в жизни общества. Основная часть решений органов государственной власти, а также жизнь внутри самого социума осуществляется преимущественно на основе принципа справедливости. Для начала надо определить понятие «справедливость», а также что оно из себя представляет.

В теории государства и права считается, что основная идея естественного права состоит в признании бытия высших, постоянно действующих, независимых от государства норм и принципов, олицетворяющих разум, справедливость, объективный порядок ценностей, и действующих непосредственно «по природе», без закрепления в положительном праве [3,

* **Ахвердян Арутюн Гайкович,** адъюнкт факультета подготовки научно–педагогических кадров Академии ФСИН России (г. Рязань, Российская Федерация). E-mail: arutyun92@mail.ru

с. 78]. В.Г. Графский указывает, что справедливость – это «первая добродетель социальных институтов» [1, с. 164].

Г.Ю. Канарш в контексте политики и социальной философии определяет справедливость как правильное соотношение базисных политических ценностей свободы и блага, свободы и равенства [2, с. 245].

В свою очередь В.И. Хайруллин в своем труде отмечает, что справедливость – категория и характеристика правовая, а не внеправовая (не моральная, нравственная, религиозная и т.д.). Более того, только право и справедливо. Согласно данной позиции право – это высшая категория; право самодостаточно. Оно не руководствуется принципом справедливости, а само порождает справедливость, которая заимствуется другими предметными областями [6, с. 100].

Т.Н. Радько считает, что справедливость является универсальной категорией, которая не может принадлежать только праву, должна выражаться и закрепляться «юридическая справедливость». Это значит, что право не должно допускать произвол, становиться инструментом одного класса или группы людей, должно воздавать должное правонарушителю, не позволять одним наживаться за счет других, допускать незаслуженное обогащение – в этом будет заключаться справедливость права [4, с. 264]. Однако он не отделяет справедливость полностью от права, с чем мы полностью согласны. Закрепляя в праве меру свободы личности, государство в этих же пределах самоограничивается в собственных решениях и действиях, берет на себя обязательство обеспечить справедливость в отношениях с каждой личностью [3, с. 183].

Таким образом, следует отметить, что справедливость и право в целом существуют неразрывно друг от друга, исходя из той позиции, что право является основным регулятором общественной жизни, и от такого насколько оно «справедливо», от этого зависят такие категории человеческой жизнедеятельности, как отношение к праву, правосознание, правовая культура, правовой нигилизм и т.д. Отсюда уровень исполнения правовых норм непосредственно связан с уровнем принятия их человеком, то есть если человек определяет их для себя справедливыми, необходимыми для себя и общества, то он неукоснительно их исполнит, однако в противном случае могут возникнуть ровно противоположные результаты.

Мы полагаем, что особую актуальность данный принцип получил именно в XXI веке, в период, когда общественные отношения получили большое развитие в рамках всеобщего научно–технического прогресса, когда права человека стали массово охватывать все правовое пространство. Однако при этом последние десятилетия очень незначительное внимание уделяется обязанностям человека и гражданина, что, на наш взгляд, является неправильным.

Права и обязанности являются ключевыми понятиями правовой науки. Посредством прав и обязанностей происходит воздействие на сознание и поведение людей. Именно через права и обязанности претворяются в жизнь такие фундаментальные ценности, как свобода и справедливость [5, с. 10].

Права и обязанности являются также составными элементами такого понятия как «свобода». В связи с этим, в конечном счете, свобода сводится

не только к правам, но также и к обязанностям, так как человек имея лишь права, может допустить произвол в их реализации в рамках правоотношений. Тем самым также следует задать вопрос, который можно определить так: «Если права всех граждан важны и должны быть исполнены, то кто обязан их исполнить?».

Ответ на данный вопрос, на наш взгляд, достаточно прост, и для своего решения требует наличия у каждого субъекта права в соответствующей пропорции прав и обязанностей. Мы полагаем, что данная пропорция должна составлять как минимум «50/50», исходя из того положения, что каждое право должно иметь корреспондирующую ей обязанность, как механизм обеспечения ее реализации.

По мнению А.А. Рудакова, проявление свободы в обязанностях, в отличие от прав, весьма ограничено и всегда в той или иной степени связано с корреспондирующим правом. Некоторые авторы подчёркивают особую значимость свободы обязанного лица в проявлении активности в рамках правового требования, свободы удовлетворения не только интересов управомоченного, но и своих собственных, свободы без всякого внешнего принуждения вести себя, оставаясь в рамках правового поля, свободы в постановке цели в рамках правового требования, преодолении трудностей в процессе исполнения обязанностей. Однако поведение обязанного лица связано с возможностью, признанной законодателем необходимой [5, с. 10–11].

В.Г. Графский в качестве меры обеспечения справедливости в обществе определяет, что необходимо строго соблюдать определенные формальные требования: закон не должен иметь обратной силы, он должен быть официально одобренным, ясным в своих требованиях, исполняемым процедурно и относительно стабильным. Декреты и приказы должны иметь ранг подзаконных актов и соответствовать требованиям закона; применение норм права должно совершаться только при надлежащем соблюдении законных процедур [1, с. 171].

Таким образом, мы наглядно видим прямую связь прав от обязанностей и их влияние на реализацию принципа справедливости в жизни общества. Исходя их вышесказанного можно наглядно проследить эту связь, говорящую о том, что сколькими благами человек пользуется, в каком количестве его права реализуются, ровно в таком количестве и содержании он должен исполнять возложенные на него обязанности. Именно исходя из этого баланса, на наш взгляд, формируется как раз эта самая категория справедливости. Если данный механизм будет реализовываться во всех сферах общественной жизни, то в данной ситуации мы можем говорить о справедливом распределении общественных благ, о справедливо организованном государственном и общественном строе.

Библиографический список

1. *Графский, В.Г.* Справедливость и право / В.Г. Графский // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2012. – № 5. – С. 163–174.

2. *Канарш, Г.Ю.* Справедливость / Г.Ю. Канарш // Философская антропология. – 2018. – Т. 4. – № 1. – С. 244–262.

3. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 506 с.

4. *Радько, Т.Н.* Теория государства и права: учебник. 2–е изд. М.: Проспект. – 2010. – 495 с.

5. *Рудаков, А.А.* Мера свободы и справедливости в правах и обязанностях / А.А. Рудаков // В сборнике: Правовые проблемы укрепления российской государственности // Под редакцией В.Ф. Воловича, А.М. Барнашова, В.М. Зуева. – Томск: Томский государственный университет. – 2008. – С. 10–11.

6. *Хайруллин, В.И.* Справедливость как комплексная ценность / В.И. Хайруллин // Государство и право. – 2010. – № 3. – С. 100–103.

Для цитирования: *Ахвердян А.Г.* Справедливость как результат обеспечения баланса прав и обязанностей //Юридическая мысль. – 2020. – № 3 (119). – С. 10–13. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.001

Fairness as a result of balancing rights and obligations

Arutyun G. Akhverdyan *

Annotation. Throughout its existence, human civilization has been looking for effective mechanisms to ensure the principle of justice within the framework of its life, since justice is one of the basic fundamental foundations for the construction and qualitative development of statehood. In this regard, the author considers the proportional balance of the rights and duties of a person and a citizen as one of the main criteria of justice in society.

Key words: state, person, citizen, personality, rights, obligations, law, legislation, security, freedom, restrictions, justice, humanization.

> "It is difficult and therefore especially commendable – to live your whole life justly, having complete freedom to do injustice"
>
> *Plato*

The concept of "justice" plays a very significant role in the life of society. The main part of the decisions of state authorities, as well as life within the society itself, is carried out mainly on the basis of the principle of justice. First, you need to define the concept of "justice", as well as what it is.

In the theory of state and law, it is believed that the main idea of natural law is the recognition of the existence of higher, constantly operating, state-independent norms and principles that embody reason, justice, an objective order of values, and acting directly "by nature", without consolidation in positive law [3, p. 78]. V.G. Grafsky points out that justice are "the first virtue of social institutions" [1, p. 164].

* **Akhverdyan Arutyun Gaikovich,** Adjunct of the Faculty of Training Scientific and Pedagogical Personnel of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: arutyun92@mail.ru

G.Yu. Canarsh in the context of politics and social philosophy defines justice as the correct ratio of the basic political values of freedom and welfare, freedom and equality [2, p. 245].

In turn, V.I. Khairullin in his work notes that justice is a legal category and characteristic, and not extra-legal (not moral, moral, religious, etc.). Moreover, only right and fair. According to this position, law is the highest category; the right is self-sufficient. It is not guided by the principle of justice, but generates justice itself, which is borrowed by other subject areas [6, p. 100].

T.N. Radko believes that justice is a universal category, which cannot belong only to law; "legal justice" should be expressed and consolidated. This means that the law should not allow arbitrariness, become an instrument of one class or group of people, should pay tribute to the offender, not allow some to profit from others, allow undeserved enrichment – this will be the justice of the law [4, p. 264]. However, it does not completely separate justice from law, with which we fully agree. Securing in law the measure of individual freedom, the state within the same limits self-restrains in its own decisions and actions, undertakes the obligation to ensure justice in relations with each individual [3, p. 183].

So, it should be noted that justice and law as a whole exist inseparably from each other, proceeding from the position that law is the main regulator of public life, and such categories of human life depend on how "fair" it is, as an attitude to law, legal awareness, legal culture, legal nihilism, etc. Hence, the level of compliance with legal norms is directly related to the level of their acceptance by a person, that is, if a person determines them to be fair for himself, necessary for himself and society, then he will strictly fulfill them, but otherwise exactly opposite results may occur.

We believe that this principle received particular relevance precisely in the 21st century, at a time when social relations were greatly developed within the framework of general scientific and technological progress, when human rights began to en masse across the entire legal space. However, in recent decades, very little attention has been paid to the duties of a person and a citizen, which, in our opinion, is wrong.

Rights and obligations are key concepts in legal science. Through rights and obligations, there is an impact on the consciousness and behavior of people. It is through rights and obligations that such fundamental values as freedom and justice are implemented [5, p. 10].

Rights and obligations are also constituent elements of such a concept as "freedom". In this regard, ultimately, freedom is reduced not only to rights, but also to obligations, since a person, having only rights, can admit arbitrariness in their implementation within the framework of legal relations. Thus, one should also ask a question that can be defined as follows: "If the rights of all citizens are important and must be fulfilled, then who is obliged to fulfill them?".

The answer to this question, in our opinion, is quite simple, and for its solution it requires that each subject has a right in an appropriate proportion of rights and obligations. We believe that this proportion should be at least "50/50", proceeding from the provision that each right should have a corresponding duty, as a mechanism to ensure its implementation.

According to A.A. Rudakov, the manifestation of freedom in duties, in contrast to rights, is very limited and is always to one degree or another associated with the corresponding law. Some authors emphasize the special importance of the freedom of the obligated person in the manifestation of activity within the framework of the legal requirement, the freedom to satisfy not only the interests of the governed, but also their own, freedom to behave without any external compulsion, remaining within the legal framework, freedom to setting goals within the framework of a legal requirement, overcoming difficulties in the process of fulfilling duties. However, the behavior of the obliged person is associated with the possibility recognized by the legislator as necessary [5, p. 10–11].

V.G. Grafsky, as a measure of ensuring justice in society, determines that certain formal requirements must be strictly observed: the law must not have retroactive effect, it must be officially approved, clear in its requirements, executed procedurally and relatively stable. Decrees and orders must have the rank of bylaws and comply with the requirements of the law; application of the rule of law should be carried out only with proper observance of legal procedures [1, p. 171].

So, we clearly see a direct connection between rights and obligations and their impact on the implementation of the principle of justice in the life of society. Based on the foregoing, this connection can be clearly traced, indicating that how many benefits a person uses, in what amount of his rights are realized, in exactly this amount and content he must fulfill the duties assigned to him. It is on the basis of this balance, in our opinion, that this very category of justice is formed. If this mechanism is implemented in all spheres of public life, then in this situation we can talk about a fair distribution of public goods, about a justly organized state and social system.

Bibliographic list

1. Grafsky, V.G. Justice and law / V.G. Grafsky // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2012. No. 5. P. 163–174.

2. Kanarsh, G.Yu. Justice / G.Yu. Canarsh // Philosophical anthropology. 2018. T. 4. No. 1. P. 244–262.

3. Komarov, S.A. General theory of state and law: a textbook for universities / S.A. Komarov. 9th ed., Rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. 506 p.

4. Radko T.N. Theory of state and law: textbook. 2nd ed. Moscow: Prospect, 2010. 495 p.

5. Rudakov, A.A. Measure of freedom and justice in rights and responsibilities / A.A. Rudakov // In the collection: Legal problems of strengthening the Russian statehood // Edited by V.F. Volovich, A.M. Barnashov, V.M. Zuev. Tomsk: Tomsk State University. 2008. P. 10–11.

6. Khairullin, V.I. Justice as a complex value / V.I. Khairullin // State and Law. 2010. No. 3. P. 100–103.

For citation: Akhverdyan A.G. Justice as a result of ensuring the balance of rights and obligations // Legal thought. 2020. No. 3 (119). P. 13–15. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.001

УДК 340.131.6
DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.002

Психологические аспекты изучения коррупции

Г.М. Бирюкова*

Аннотация. В данной статье представлен анализ основных причин коррупции, психологические особенности должностных лиц, организующие коррупционную среду. Представлены психологические особенности взаимодействия и механизмы коррупционного поведения в системе «взяткодатель – коррупционер».

Ключевые слова: коррупционное поведение, мотивы коррупционной деятельности, коррупционные ситуации.

В настоящее время проблема коррупции во всех ее проявлениях остается в нашей стране одной из самых острых, причем настолько острой, что она даже превратилась в реальную значимую угрозу национальной безопасности. По уровню коррумпированности Россия, по данным «Трансперенси Интернейшнл» занимает «почетное» 147 место по рейтингу коррупции из 180, т.е. после первой сотни развитых государств. По данным ВЦИОМ три четверти россиян считают уровень коррупции в стране высоким и очень высоким.

В средствах массовой информации (СМИ) встречаются высказывания аналитиков о том, что количество денег, представляющих собой различные взятки, «откаты», «подарки и подношения» по своим размерам сопоставимы с бюджетом страны. Все это наносит огромный экономический и моральный ущерб, буквально разлагает страну. Население, в первую очередь страдающее от коррупции, реагирует на данную ситуацию крайне отрицательно, отсюда и реальный рейтинг многих ветвей власти весьма низок.

Колоссальнейший вред коррупции, естественно, хорошо осознается, поэтому звучащие «сверху и снизу» призывы бороться с ней произносятся все чаще и громче. В СМИ постоянно циркулирует информация о разоблачениях «чиновников-мздоимцев», «оборотней в погонах» и пр., уличенных в коррупции. Коррупционные разоблачения достигают все более высоких государственных постов, однако значимых изменений пока не происходит.

В этой связи А.Б. Артемьев и С.А. Комаров считают, что невозможно быстро современными государственно-правовыми средствами в Российской Федерации эффективно бороться с коррупцией [1, с. 18]. Они считают целесообразным провести специальные исследования коррупции, которое должно касаться следующих вопросов: понятие коррупции, относится ли коррупция к социальным, экономическим или юридическим явлениям; происхождение коррупции, какие объективные факторы породили данное

* ***Бирюкова Галина Михайловна***, профессор Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья имени Лесгафта (Санкт-Петербург), доктор философских, кандидат психологических наук, профессор. E-mail: gal.mi@mail.ru

явление и позволили ему развиваться на протяжении достаточно долгого временного периода; эволюция коррупции в разных государствах с момента ее происхождения и по настоящее время, уменьшалась ли она в определенные временные периоды или же постоянно возрастала, какие объективные факторы влияли на ее уменьшение или увеличение; какую роль играет коррупция в обществе, государстве, ее сущность, функции, цели, задачи, признаки и разновидности; возможна ли борьба с коррупцией, ее цели, методы ограничения коррупции и т. п.

Столь масштабное исследование, возможно, потребует существенных ресурсов (временных, людских, материальных и т. п.), но оно необходимо, не только для дальнейшего развития государственно-организованного общества в России, но и для всех стран мира, включая международные организации, поскольку, как показала практика, коррупция представляет собой явление мирового масштаба. Думается, наиболее перспективным в плане проведения подобного исследования является эволюционный подход к исследованию государственно-правовых явлений [1, с. 19].

Очевидно, что для спасения страны нужна политическая воля и сегодня она становится все более очевидной, от деклараций следует переходить к более решительным мерам, носящим радикальный характер, но пока значительных успехов не происходит. Борьба с коррупцией должна вестись многовекторно, в том числе и с помощью психологических знаний, так как многое в коррупции имеет отчетливое базовое психологическое содержание. Именно психология личности коррупционера, формирование коррупционной направленности, процессы трансформации ценностей и потребностей в сугубо материальные, утрата моральной нормативности в регуляции поведения и деятельности, деформация чувства ответственности и многое другое является сегодня вызовом для ученых, работающих в самых различных областях знаний.

Этими и многими другими коррупционными составляющими и проблемами призваны заниматься и профессиональные психологи, и социологи, и социальные психологи, исследования которых смогут внести свой вклад в общую систему борьбы с коррупцией. В то же время конструктивных психологических научных исследований по проблеме коррупции не так много [4]. Объясняется это, прежде всего, «закрытостью» коррупции как негативного социально-экономического явления, недоступности и высокой сложности ее прямого научного изучения.

К сказанному следует добавить, что и социальный заказ на такие исследования нельзя назвать четко озвученным. Несмотря на громкие призывы борьбы с коррупцией от нее сейчас «кормятся» немало влиятельных должностных лиц и реально лишиться такого «куска пирога» никому не хочется. Отсюда происходит и действие пресловутого и хорошо известного «механизма торможения», в конечном счете, влияющего и на научные исследования коррупции.

Прежде, чем приступить к изложению психологической позиции по отношению к проблеме изучения коррупции, отметим, что даже из самого канонического определения коррупции следует, что:

– существуют лица, которые в силу уникального сочетания своих индивидуальных особенностей весьма *склонны* к коррупции, то есть у них

существует какая-то природно обусловленная предрасположенность к коррупции [2];

– таковыми определенные лица *становятся* (становятся склонными) вследствие «процесса научения» («деньгами и дорогими подарками», примерами, убежденностью в безнаказанности и пр.). Напомним, научение – это процесс и результат приобретения индивидуального опыта, приводящего к изменению сознания и самосознания.

Заметим, со временем представители второй группы могут превратиться и превращаются в представителей первой группы. Каких больше? Наверняка вторых, причем много больше.

Известно, что коррупционность возникает вследствие действия ряда важнейших причин, которых насчитывается около двух десятков. Однако, для нас важны не столько сами причины, они, в основном, носят организационный характер, сколько *психологическая притягательность* самой коррупции.

Проведенный в данном контексте анализ коррупционных ситуаций по различным источникам информации показал следующее. У коррупционеров преобладают в первую очередь сильные материальные потребности, а также статусные потребности, ценимые в определенных значимых для них социальных группах. В силу низкой моральной и профессиональной нормативности поведения и отношений удовлетворение материальных и статусных потребностей осуществляется за счет так называемых «легких», «быстрых», «больших», «неподконтрольных» денег, а также тех возможностей и выигрышей, которые они в результате предоставляют. Они сводятся к следующему.

1. *Экономия усилий.* Коррупция дает возможность получать так называемые «легкие деньги», т.е. делать работу, затрачивая меньше усилий. Если это удается, возникает чувство удовлетворения, так как в такой ситуации наблюдается выигрыш через уменьшение затраченных сил, так как взятка не требует больших усилий.

2. *Экономия в затратах времени.* Коррупция дает возможность получать «быстрые деньги». Взятка берется за секунды, а это огромная экономия времени! Еще К.Маркс говорил, что всякая экономия, в конечном счете, сводится к экономии времени. Люди к этому стремятся, а в коррупционной среде образовались очень большие возможности таким образом «экономить время».

Большие деньги позволяет полностью перепоручить выполнение рутинных и «мелких» дел другим. Можно полностью сосредоточиться на решении «актуальных и масштабных» задач, что так же способствует удовлетворению потребности в самореализации, повышению самооценки, формированию привлекательного образа «Я», позволяет экономить «драгоценное время».

3. *Экономия собственных материальных ресурсов и приумножение их.* «Большие деньги» завораживают, они существенно больше, чем заработок. У многих людей проявляется отчетливое стремление экономить свои ресурсы и непропорционально затратам их приумножать.

4. *Экономия отрицательных психических ресурсов.* Деньги «неподконтрольные»: не нужно платить налоги с них, не нужно объяснять их происхождение.

5. Расширение *возможностей удовлетворения материальных потребностей*. Через возросшие возможности удовлетворения растущих материальных потребностей появляются иные по масштабу возможности решения личных и материальных проблем, а так же проблем ближних («больше могу себе позволить»), отсюда все-таки какая-то самореализация.

Все, что ранее казалось нереальным и недоступным, с обретением неподконтрольных денег стало простым «повседневным» делом: обучение детей в престижных школах и университетах Запада, строительство роскошных особняков, отдых на дорогих зарубежных курортах, дорогие автомобили, яхты и многое другое – все это сейчас реально дают большие деньги. Но не просто большие деньги, а очень большие деньги. Иными словами, в коррупции еще проявляется своеобразная гедонистическая функция взяток.

6. *Удовлетворение потребности быть среди тех, кто «умеет жить».* «Я не хуже, чем те люди, которые «умеют жить» – это проявление удовлетворения значимой «потребности в принадлежности», в результате чего происходит компенсация «собственного греха».

7. *Повышение социального статуса, уважительное отношение*, так как в «мире чистогана» главное – это деньги. В наше время большие деньги являются чуть ли не главным фактором оценки социального статуса и успеха личности («если такой умный, то почему бедный?»). Социальный статус возрастает вследствие того, что деньги позволяют увеличить масштаб решаемых задач, обеспечить общение и взаимодействие с «престижными людьми», повысить и без того большие личные возможности, а это в свою очередь удовлетворяет потребность в уважении и самоуважении. Высокий социальный статус повышает привлекательность самооценки и делает образ «Я» комплиментарным.

8. *Ощущение «силы и превосходства»* («если быстро могу получить немалые деньги, значит, я умнее других»), что так же способствует повышению самоуважения, формированию привлекательного образа «Я». Это в свою очередь компенсирует комплексы неполноценности, которые есть у многих людей, например, «чувство ничтожности» по Э.Фромму или «твари дрожащей» по Ф.Ницше.

9. Большие деньги в коррумпированной среде способствуют *формированию сторонников* («круговая порука»), чтобы среда, столь комфортная для них, была бы устойчивой. Сторонники становятся гарантом защиты, групповая сплоченность в свою очередь дает ощущение «чувства силы».

Таковы основные психологические причины притягательности коррупции. Описанные причины притягательности коррупции имеют то свойство, что они провоцирует и других стремиться к ней, очень многим хочется использовать ее огромные возможности, что создает для самих коррупционеров «нездоровую конкуренцию», которая их, естественно, не устраивает, что подталкивает их к новым противоправным действиям. Это своеобразная «обратная сторона» коррупции.

Психологические факторы притягательности коррупции для некоторой категории людей приводят к формированию и действию *психологического механизма* превращения законопослушной личности в коррупционера. В его формировании особую роль играет психологический эффект *интериориза-*

ции, когда коррупционные внутренние условия формируются на основе принятия и усвоения внешних норм деятельности и отношений в коррупционной среде, с ее специфическими ценностями, пренебрежением этическими нормами поведения и коррупционными отношениями и пр. В то же время, данный процесс не носит исключительно однонаправленного характера. В нем на определенных этапах начинает проявляться и эффект *экстериоризации*, а в этом случае внешние условия находятся под влиянием внутренних структур и факторов, проявляющихся в развитии коррупционной направленности, когда внешние нормы и ценности в организации становятся зависимыми и от внутренних норм, интересов и ценностей коррумпированных ее членов. Так, коррупционеры, попадая в какую-либо профессиональную среду взаимодействий, постепенно превращают ее в коррупционную.

Теперь рассмотрим *коррупционную деятельность* с точки зрения ее психологического содержания. Как показал проведенный анализ проблемы, для коррупционной деятельности характерными признаками являются: скрытность; «подушки безопасности» (много подстраховок); «круговая порука». Все это в свою очередь уменьшает шансы разоблачения коррупционера, а значит и его непосредственного или опосредованного психологического изучения. В то же время косвенные исследования позволили определить содержание психологической структуры коррупционной деятельности.

Мотивы коррупционной деятельности, как отмечалось, в основном являются материально-потребительскими, а также связанными с повышением статуса в определенной социальной группе. Наряду с этим встречаются мотивы, обусловленные некоторыми личностными особенностями коррупционера.

Главные цели коррупционной деятельности направлены на быстрое личное обогащение, «обогащение любой ценой». Личностные смыслы коррупционной деятельности обусловлены материально-потребительским мировоззрением, когда «деньги являются самым главным в жизни, главным мерилом достижений», при этом средства их достижения не подвергаются нравственному регулированию. К этому следует добавить, что у некоторых должностных лиц именно направленность на «кормление от должности», а не добросовестное выполнение своих обязанностей также влияет на личностные смыслы.

Психологическое содержание коррупционной деятельности было определено в результате экспертной оценки проблемы, в которой принимали участие специалисты в области психологии, юриспруденции, преподаватели учебных заведений правоохранительных органов. Экспертный анализ проблемы содержания коррупционной деятельности осуществлялся в виде индивидуального стандартизированного интервью с последующим обобщением результатов. Эксперты отметили, что коррупционная деятельность содержит все известные психологические составляющие, как и любая другая деятельность, поэтому целесообразно сосредоточиться преимущественно на ее процессуальных характеристиках. По мнению экспертов, коррупционная деятельность в самом общем виде всегда осуществляется поэтапно.

Первый этап. Осуществляется так называемое «зондирование», т.е. выявление возможности перевода законопослушного гражданина в коррупционера, а для этого необходимо направленное формирование четкого представления о ситуации и объекте коррупции. Заинтересованными в коррупционной деятельности лицами анализируются следующие характеристики «возможного» коррупционера:

– личностные особенности объекта коррупции (особенно решительность, принципиальность, твердость), а также его психические состояния;

– значимость и сила его интересов; возможность достижения их «иными средствами», «другим путем»;

– уровень правовой компетентности;

– особенности реагирования на ситуацию преград;

– коммуникативные качества («не проболтается ли?»).

На основании анализа получаемой в общении и взаимодействиях с объектом информации строится «психологический портрет объекта» и прогноз возможных коррупционных взаимодействий и их исходы («сколько брать», «как себя вести, если…» и пр.).

Второй этап. Искусственно создаются преграды, блокирующие интересы объекта. Обычно это «затягивание времени», «переадресовка принятия решений», «актуализация ограничений или запретов, реальных, а также создание мнимых» и пр. Главное на данном этапе показать объекту, что «решение его вопроса чрезвычайно сложное» и для этого «надо приложить немалые усилия, не предусмотренные должностными обязанностями». Таким образом, осуществляется формирование образа коррупционера как «своеобразного спасителя».

Третий этап – «выжидание». Выжидание направлено как на проверку психологического портрета человека, так и на выявление реакций в результате психической напряженности от затягивания решения и неопределенности. Тем самым у объекта возрастает вероятность возникновения желания «пожертвовать частью ради получения целого». В процессе выжидания делаются «зондирующие действия» с целью дополнительной проверки возможного реагирования объекта на ситуацию.

Четвертый этап – «откровенный разговор». На данном этапе «психологически подготовленный» объект информируется об условиях решения его вопроса. В результате принимается решение о даче взятки. Данное решение реализуется.

Пятый этап – «решение вопроса», то есть удовлетворение интересов объекта. Окончательное подчеркивание «трудностей и лишений», которые были при «решении вопроса».

Эксперты отмечали, что иногда коррупционная деятельность осуществляется итерационно, то есть как последовательное приближение к желаемому результату или поэтапное решение проблем объекта коррупции. В случае возможных сомнений или нечеткого образа ситуации у коррупционера существенно усиливаются контрольные функции.

Эксперты отмечали, что на всех этапах коррупционной деятельности повышенное внимание уделяется контрольным функциям. Особенно наглядно проявляется внешний контроль и самоконтроль. Коррупция всегда

связана с риском, поэтому коррупционеры стремятся его минимизировать за счет высокого уровня контроля. Контроль осуществляется как с помощью проверок, так и наблюдения. Особенно внимательно контролируются эмоциональные реакции и поведение объекта коррупции. Иногда проверка осуществляется в виде ответов на контрольные вопросы. Контрольные вопросы отражают те или иные стороны психологических характеристик объекта и ситуации. Проверка и контроль требуют от коррупционера развития психологических умений, в частности, проницательности.

Повторимся, отмеченная психологическая структура коррупционной деятельности является результатом научения в коррупционной среде, поэтому, чтобы не формировался опыт такой деятельности, необходимо разрушение самой среды.

Таковы общие психологические характеристики коррупционной деятельности. Безусловно, они не исчерпывающие. Для их дополнения и уточнения необходимы специальные исследования.

Теперь обратимся к результатам психологических исследований *личности коррупционеров*. При этом мы опирались на результаты проведенного психологического анализа разнородной психологической информации, связанной с проблемой коррупции. На основании циркулирования межличностной доверительной информации, основанной на личном опыте вынужденного взаимодействия с коррумпированными субъектами, анализа публикаций и передач в СМИ и другой информации был составлен обобщенный психологический портрет типичного коррупционера. Он представляет собой неструктурированную совокупность зафиксированных типичных психологических характеристик коррупционера.

Итак, коррумпированная личность (должностное лицо) характеризуется:

– доминированием материальных ценностей и интересов («главное – деньги»);

– безнравственностью, бесстыдством («деньги – любой ценой»; «деньги – не пахнут»)

– безответственностью («главное успеть взять…»);

– наглостью, дерзостью в своем бесстыдстве;

– жадностью (аппетиты коррупционеров постоянно растут быстрыми темпами);

– цинизмом, вызывающе презрительным отношениям к общепринятым нормам морали;

– эгоистичностью;

– в системе нормативной регуляции поведения доминируют двойные стандарты.

Заметим, что при всех таких личностных особенностях опытные коррупционеры, как правило, – хорошие практические психологии, весьма проницательные люди, с развитой специфически направленной системой рефлексии. Многие из них могут быстро «оценить» другого человека с точки зрения того, «сколько можно с него взять». В связи с этим вспоминаются известные стихи В.В.Маяковского про взяточников:

«Эх, удалось бы – думает чиновник –
Этак на триста бабочку выдоим» [3].

Нередко в процессе общения с людьми они осуществляют своеобразный зондаж, рисуя крайне негативные сценарии развития событий, если взятки не будет. При этом они очень внимательно анализируют эмоциональные реакции «потенциально дающего», стараются определить его главные личностные особенности, чтобы наиболее быстро и точно «подвести к желаемому решению». Обычно им это удается.

К тому же коррупционеры, как правило, артистичны. В процессе деловых взаимодействий любят «играть» социально позитивные роли (например, «спасителя»), скрывая свое «истинное лицо».

Как относятся сами взяточники к тому, что они берут взятки и их за это оценивают столь негативными характеристиками? Мучает ли их совесть? Вероятно, в какой-то мере, да, потому что они постоянно придумывают для этого оправдания, подводят своеобразный «идеологический базис». Распространенное оправдание, как у А.Н. Островского в «Доходном месте», мол, не взятка это вовсе, а подарок, благодарность за услугу. Еще один распространенный психологический прием самооправдания – преувеличение значимости содеянного ими «доброго дела», которое они, вообще говоря, обязаны делать, выполняя свои служебные функции. При этом обычно они настоятельно подчеркивают, сколько им пришлось сделать того, что «делать они вовсе не обязаны», «какие были большие трудности», «сколько пришлось преодолеть, выстрадать».

Однако со временем и в силу отмеченных причин коррупции и развращающего действия безнаказанности эти самооправдания становятся ненужными, так как у взяточника формируется твердое убеждение, что «раз он решает какие-то вопросы, ему обязаны давать» и никак иначе. При этом забывается полностью, что решение вопросов входит в его служебные функциональные обязанности.

При дальнейшей разработке психологического портрета типичного взяточника целесообразно опираться на систематизированные модели обобщения информации. Если обратиться к психологическим исследованиям структуры личности, в частности, к структурно-функциональной динамической системе личности [5], то можно увидеть, что отмеченные качества типичного коррупционера принадлежат к подсистеме направленности личности и в какой-то мере – профессиональной подсистеме или подсистеме опыта. Отметим сразу, что подсистема направленности (или социально-психологическая подсистема, подсистема социальных свойств) формируется у человека в процессе воспитания и научения под влиянием социальной или профессиональной среды. Получается, что если опираться на данную психологическую информацию, коррумпированными личностями все же скорее становятся, а не рождаются. Отсюда следует вполне определенный вывод: чтобы уменьшить количество коррупционеров, надо уменьшить уровень коррупционности профессиональной среды в целом. Правда, в соответствии с принципом психологического детерминизма, все внешние проявлении в поведении, деятельности и в отношениях человека опосредуются его внутренними условиями. Если внутренние условия являются устойчивыми (например, связанными с религиозным сознанием, с четким пониманием добра и зла, греха и блага), то влияние внешней среды не столь велико.

Особо отметим, что значительная часть внутренних условий связана с воспитанием, принятием тех или иных стандартов или образцов поведения. Иными словами, можно сформировать антикоррупционную направленность личности с помощью воспитания. Последний момент является принципиальным для организации борьбы с коррупцией.

Таким образом, дедуктивно можно предположить, что свойства коррумпированной личности формируются под влиянием:

– среды воспитания (принятие с детства соответствующих ценностей, стандартов поведения и отношений, жизненных принципов). Отсюда особое внимание надо уделять семье, школе, воспитательной роли СМИ;

– профессиональной среды с ее стандартами отношений;

– социальной среды общения, социального статуса в ней;

– уникального сочетания природно обусловленных свойств.

Вышесказанное лишний раз свидетельствует о необходимости комплексных мер в борьбе с коррупцией, так как реализация какого-то одного направления не даст желаемых результатов. Это свидетельствует о том, что для организации эффективной борьбы с этим злостным явлением, необходимо проведение глубоких научных исследований, которые должны стать основой продуманных законодательных и организационных мер. Ведущее место в них должны занимать психологические исследования, так как коррупционное поведение направляется коррупционным сознанием, коррупционной направленностью личности, а сознание, личность, поведение и отношения – категории, прежде всего, психологические. К тому же именно в психологии проблемы личности, ее поведения и отношений разработаны наиболее полно и конструктивно, с выходом на уровень конкретных психологических рекомендаций.

Библиографический список

1. *Артемьев А.Б., Комаров С.А.* Коррупция как объективное явление: концепция исследования: статья //Юридическая мысль. – 2010. – № 4. – С. 14–19.

2. Вспомним хотя бы персонаж книги В. Каверина «Два капитана» М. Ромашова (Ромашка), коррупционные склонности которого проявились с детства.

3. *Маяковский В.В.* Внимательное отношение к взяточникам //URL: // https://www.culture.ru/poems/20045/vnimatelnoe-otnoshenie-k-vzyatoch nikam.

4. *Решетников М.* Психология коррупции: утопия и антиутопия. – СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа, 2008. – 127 с.; *Зазыкин В.Г.* Психологические особенности коррупции. – М.: МГАДА, 2010. – 80 с.; Психолого-акмеологические технологии противодействия коррупции в системе государственной службы / Под ред. А.А.Деркача. – М.: РАГС, 2010. – 228 с.; *Змановская Е.В.* Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения): учебное пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 288 с.

5. *Платонов К.К.* Система психологии и теория отражения. – М.: Наука, 1982. – 309 с.

Для цитирования: *Бирюкова Г.М.* Психологические аспекты изучения коррупции // Юридическая мысль. – 2020. – № 3 (119). – С. 16–24. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.002

Psychological aspects of the study of corruption

Galina M. Biryukova *

Annotation. This article presents an analysis of the main causes of corruption, psychological characteristics of officials, organizing a corruption environment. The psychological features of interaction and mechanisms of corrupt behavior in the system "bribe-giver – corrupt official" are presented.

Key words: corrupt behavior, motives for corruption, corruption situations.

Currently, the problem of corruption in all its manifestations remains one of the most acute in our country, and so acute that it even turned into a real significant threat to national security. In terms of corruption, Russia, according to Transparency International, is ranked 147th out of 180 in terms of corruption, ie. after the first hundred developed countries. According to VTsIOM, three quarters of Russians consider the level of corruption in the country to be high and very high.

In the media (mass media) there are analysts' statements that the amount of money representing various bribes, kickbacks, gifts and gifts is comparable in size to the country's budget. All this causes enormous economic and moral damage, literally corrupts the country. The population, primarily suffering from corruption, reacts extremely negatively to this situation, hence the real rating of many branches of government is very low.

The colossal harm of corruption, of course, is well understood, therefore the calls to fight it from “above and below” are being uttered more and more often. The media constantly circulates information about the exposure of “bribery officials”, “werewolves in uniform”, etc., convicted of corruption. Corruption revelations reach higher and higher government positions, but no significant changes have yet taken place.

In this regard, A.B. Artemiev and S.A. Komarov believe that it is impossible to effectively fight corruption in the Russian Federation with modern state legal means [1, p. eighteen]. They consider it expedient to conduct special research on corruption, which should address the following issues: the concept of corruption, whether corruption refers to social, economic or legal phenomena; the origin of corruption, what objective factors gave rise to this phenomenon and allowed it to develop over a sufficiently long time period; the evolution of corruption in different states from the moment of its origin to the present, whether it decreased at certain time periods or constantly increased, what objective factors influenced its decrease or increase; what role does corruption play in society, the state, its essence, functions, goals, objectives, signs and varieties; is it possible to fight corruption, its goals, methods of limiting corruption, etc.

Such a large-scale study may require significant resources (time, human, material, etc.), but it is necessary, not only for the further development of

* ***Biryukova Galina Mikhailovna***, professor at the Lesgaft National State University of Physical Culture, Sports and Health (St. Petersburg), Doctor of Philosophy, Candidate of Psychological Sciences, Professor. E-mail: gal.mi@mail.ru

a state-organized society in Russia, but also for all countries of the world, including international organizations, since, as practice has shown, corruption is a global phenomenon. It seems that the most promising in terms of conducting such a study is an evolutionary approach to the study of state and legal phenomena [1, p. 19].

It is obvious that political will is needed to save the country, and today it is becoming more and more obvious, from declarations it is necessary to move on to more decisive measures of a radical nature, but so far no significant progress has been made. The fight against corruption should be carried out in a multi-vector manner, including with the help of psychological knowledge, since much of corruption has a distinct basic psychological content. It is the psychology of the personality of a corrupt person, the formation of a corrupt orientation, the processes of transformation of values and needs into purely material ones, the loss of moral normativeness in the regulation of behavior and activity, the deformation of a sense of responsibility and much more that is today a challenge for scientists working in various fields of knowledge.

These and many other corruption components and problems are intended to be dealt with by professional psychologists, sociologists, and social psychologists, whose research can contribute to the overall system of combating corruption. At the same time, there are not so many constructive psychological scientific studies on the problem of corruption [4]. This is explained, first of all, by the “closed nature” of corruption as a negative socio-economic phenomenon, inaccessibility and high complexity of its direct scientific study.

To what has been said, it should be added that the social order for such research cannot be called clearly articulated. Despite the loud calls for the fight against corruption, many influential officials are now "feeding" from it, and no one really wants to lose such a “piece of the pie”. This is the origin of the notorious and well-known “braking mechanism”, ultimately influencing the scientific research of corruption.

Before proceeding with the presentation of the psychological position in relation to the problem of studying corruption, we note that even from the most canonical definition of corruption it follows that:

– there are people who, due to the unique combination of their individual characteristics, are very prone to corruption, that is, they have some kind of natural predisposition to corruption [2];

– certain persons become (become inclined) as such as a result of the “learning process” (“money and expensive gifts”, for example, the conviction of impunity, etc.). Recall that learning is a process and result of the acquisition of individual experience, leading to a change in consciousness and self-consciousness.

Note that over time, representatives of the second group can and do turn into representatives of the first group. Which is more? Surely the second, and much more.

It is known that corruption occurs due to the action of a number of important reasons, of which there are about two dozen. However, it is not the reasons themselves that are important for us; they are mainly of an organizational nature, but the psychological attractiveness of corruption itself.

The analysis of corruption situations carried out in this context using various sources of information showed the following. Corrupt officials are dominated primarily by strong material needs, as well as status needs valued in certain social groups that are significant to them. Due to the low moral and professional normativeness of behavior and relations, the satisfaction of material and status needs is carried out at the expense of the so-called "easy", "fast", "big", "uncontrollable" money, as well as those opportunities and benefits that they provide as a result. They boil down to the following.

1. *Saving effort*. Corruption makes it possible to receive so-called "easy money", i.e. do the job with less effort. If this succeeds, a feeling of satisfaction arises, since in such a situation there is a gain through a decrease in the expended forces, since a bribe does not require much effort.

2. *Time savings*. Corruption makes it possible to get "quick money". The bribe is taken in seconds, which is a huge time saving! Even K. Marx said that any savings ultimately boil down to saving time. People are striving for this, and in the corruption environment there are very great opportunities to "save time" in this way.

Big money allows you to completely delegate the execution of routine and "small" matters to others. You can fully focus on solving "urgent and large-scale" tasks, which also contributes to meeting the need for self-realization, increasing self-esteem, forming an attractive image of "I", saves "precious time".

3. *Saving your own material resources and increasing them*. "Big money" fascinates, they are much more than earnings. Many people have a clear desire to save their resources and increase them disproportionately to their costs.

4. *Saving negative mental resources*. The money is "out of control": no need to pay taxes on it, no need to explain its origin.

5. *Expansion of opportunities to meet material needs*. Through the increased opportunities to meet the growing material needs, there are other in scale opportunities for solving personal and material problems, as well as the problems of neighbors ("I can afford more"), hence all the same some kind of self-realization.

Everything that previously seemed unreal and inaccessible, with the acquisition of uncontrollable money, has become a simple "everyday" business: teaching children in prestigious schools and universities in the West, building high-rise mansions, resting in expensive foreign resorts, expensive cars, yachts and much more. All this now really gives a lot of money. But not just big money, but very big money. In other words, corruption still exhibits a kind of hedonistic function of bribery.

6. Satisfaction of the need to be among those who "know how to live". "I am no worse than those people who "know how to live" – this is a manifestation of the satisfaction of a significant "need for belonging", as a result of which there is a compensation for "their own sin".

7. Raising social status, respectful attitude, since in the "world of cash" the main thing is money. In our time, big money is almost the main factor in assessing the social status and success of an individual ("if so smart, then why poor?"). Social status increases due to the fact that money allows you to increase the scale of tasks to be solved, to ensure communication and interaction with "prestigious

people", to increase the already great personal capabilities, and this in turn satisfies the need for respect and self-respect. High social status increases the attractiveness of self-esteem and makes the image of "I" complimentary.

8. Feeling of "strength and superiority" ("if I can quickly get a lot of money, then I am smarter than others"), which also contributes to an increase in self-esteem, the formation of an attractive image of "I". This, in turn, compensates for the inferiority complexes that many people have, for example, the "feeling of insignificance" according to E. Fromm or "trembling creature" according to F. Nietzsche.

9. Big money in a corrupt environment contributes to the formation of supporters ("mutual responsibility"), so that the environment so comfortable for them would be stable. Supporters become guarantors of protection, group cohesion, in turn, gives a sense of "a sense of strength".

These are the main psychological reasons for the appeal of corruption. The described reasons for the attractiveness of corruption have the property that they provoke others to strive for it; very many people want to use its enormous opportunities, which creates "unhealthy competition" for the corporators themselves, which, naturally, does not suit them, that pushes them to new illegal actions. This is a kind of "reverse side" of corruption.

Psychological factors of attraction of corruption for a certain category of people lead to the formation and operation of a psychological mechanism for the transformation of a law-abiding person into a corrupt person. The psychological effect of internalization plays a special role in its formation, when internal corruption conditions are formed on the basis of acceptance and assimilation of external norms of activity and relations in a corrupt environment, with its specific values, disregard for ethical norms of behavior and corrupt relations, etc. At the same time, this process is not exclusively unidirectional. In it, at certain stages, the effect of exteriorization begins to manifest itself, and in this case, external conditions are influenced by internal structures and factors that manifest themselves in the development of corruption, when external norms and values in the organization become dependent on internal norms and interests, and the values of its corrupt members. So, corrupt officials, getting into any professional interaction environment, gradually turn it into a corrupt one.

Now let us consider corruption in terms of its psychological content. As the analysis of the problem has shown, the characteristic features of corrupt activity are: secrecy; "Airbags" (a lot of safety net); "Circular hand". All this, in turn, reduces the chances of exposing the corruptor, and hence of his direct or indirect psychological study. At the same time, indirect studies have made it possible to determine the content of the psychological structure of corruption.

The motives for corruption, as noted, are mainly material-consumer, as well as associated with an increase in status in a particular social group. Along with this, there are motives due to some personal characteristics of the corrupt official.

The main goals of corruption are aimed at quick personal enrichment, "enrichment at any cost". The personal meanings of corruption activities are conditioned by the material-consumer worldview, when "money is the most important thing in life, the main measure of achievement", while the means of

achieving them are not subject to moral regulation. It should be added to this that for some officials it is the focus on "feeding from office", and not the conscientious fulfillment of their duties, that also affects personal meanings.

The psychological content of corruption was determined as a result of an expert assessment of the problem, in which specialists in the field of psychology, jurisprudence, teachers of educational institutions of law enforcement agencies took part. An expert analysis of the problem of the content of corruption activities was carried out in the form of an individual standardized interview with subsequent generalization of the results. The experts noted that corruption contains all the known psychological components, like any other activity, so it is advisable to focus primarily on its procedural characteristics. According to experts, corruption in its most general form is always carried out in stages.

First step. The so-called “probing” is carried out, i.e. identification of the possibility of transferring a law-abiding citizen to a corruptor, and this requires a directed formation of a clear understanding of the situation and the object of corruption. Persons interested in corrupt activities analyze the following characteristics of a “possible” corrupt official:

– personal characteristics of the object of corruption (especially decisiveness, adherence to principles, firmness), as well as his mental states;

– the significance and strength of his interests; the possibility of achieving them “by other means”, “by another way”;

– the level of legal competence;

– features of response to the situation of obstacles;

– communicative qualities (“will he blab out?”).

Based on the analysis of the information received in communication and interactions with the object, a “psychological portrait of the object” and a forecast of possible corruption interactions and their outcomes (“how much to take”, “how to behave if ...”, etc.) are built.

Second phase. Artificially created barriers blocking the interests of the object. Usually this is “wasting time”, “redirecting decision-making”, “actualizing restrictions or prohibitions, real, as well as creating imaginary ones”, etc. The main thing at this stage is to show the object that “the solution of his question is extremely difficult” and for this “considerable efforts must be made that are not provided for by official duties”. So, the formation of the image of a corrupt official as a “kind of savior” is carried out.

The third stage is “waiting”. Expectation is aimed both at checking the psychological portrait of a person, and at identifying reactions as a result of mental tension from delaying decisions and uncertainty. Thus, the object increases the likelihood of the desire to “sacrifice a part for the sake of obtaining the whole”. In the process of waiting, "probing actions" are made in order to additionally check the possible response of the object to the situation.

The fourth stage is “frank conversation”. At this stage, the "psycho-logically prepared" object is informed about the conditions for resolving its issue. As a result, a decision is made to give a bribe. This solution is being implemented.

The fifth stage is “solving the issue”, that is, meeting the interests of the object. Final emphasis on the “difficulties and hardships” that were in the “solution of the issue”.

Experts noted that sometimes corrupt activities are carried out iteratively, that is, as a consistent approach to the desired result or a step-by-step solution to the problems of the object of corruption. In case of possible doubts or an unclear image of the situation, the control functions of the corrupt official are significantly enhanced.

Experts noted that at all stages of corruption activities, increased attention is paid to control functions. External control and self-control are especially evident. Corruption is always associated with risk, therefore corrupt officials seek to minimize it through a high level of control. Control is carried out both through checks and observation. Emotional reactions and behavior of the object of corruption are especially closely monitored. Sometimes verification is carried out in the form of answers to control questions. Control questions reflect certain aspects of the psychological characteristics of an object and a situation. Verification and control require a corrupt official to develop psychological skills, in particular, insight.

We repeat, the noted psychological structure of corruption is the result of learning in a corrupt environment, therefore, in order not to form the experience of such activities, it is necessary to destroy the environment itself.

These are the general psychological characteristics of corruption. They are certainly not exhaustive. Special studies are needed to supplement and clarify them.

Now let's turn to the results of psychological studies of the personality of corrupt officials. In doing so, we relied on the results of the psychological analysis of heterogeneous psychological information related to the problem of corruption. Based on the circulation of interpersonal confidential information based on personal experience of forced interaction with corrupt subjects, analysis of publications and broadcasts in the media and other information, a generalized psychological portrait of a typical corrupt official was compiled. It is an unstructured set of fixed typical psychological characteristics of a corrupt official.

So, a corrupt person (official) is characterized by:

– dominance of material values and interests (“the main thing is money”);

– immorality, shamelessness (“money – at any cost”; “money – does not smell”)

– irresponsibility (“the main thing is to have time to take ...”);

– insolence, insolence in their shamelessness;

– greed (the appetites of corrupt officials are constantly growing at a rapid pace);

– cynicism, defiantly contemptuous attitude to generally accepted moral norms;

– selfishness;

– double standards prevail in the system of normative regulation of behavior.

Note that with all such personality traits, experienced correctors, as a rule, are good practical psychologists, very perceptive people, with a developed specifically directed system of reflection. Many of them can quickly “evaluate” another person in terms of “how much you can take from him”. In this regard, I recall the famous poems of V.V. Mayakovsky about bribe-takers:

“Eh, it would be possible – the official thinks -
That way we will milk a butterfly for three hundred” [3].

Often in the process of communicating with people, they carry out a kind of sounding, drawing extremely negative scenarios for the development of events if there is no bribe. At the same time, they very carefully analyze the emotional reactions of the “potential giver”, try to determine his main personal characteristics in order to most quickly and accurately “lead to the desired solution”. Usually they succeed.

Besides, corrupt officials are usually artistic. In the process of business interactions they like to “play” socially positive roles (for example, “savior”), hiding their “true face”.

How do the bribe takers themselves feel about taking bribes and assessing them with such negative characteristics? Does conscience torment them? Probably, to some extent, yes, because they constantly come up with justifications for this, bring a kind of "ideological basis". A common excuse, like A.N. Ostrovsky's in “Profitable Place”, they say, is not a bribe at all, but a gift, gratitude for the service. Another widespread psychological technique of self-justification is the exaggeration of the significance of the “good deed” they have done, which, generally speaking, they are obliged to do while performing their official functions. At the same time, they usually insistently emphasize how much they had to do that “they were not obliged to do at all”, “what great difficulties were”, “how much they had to overcome, suffer”.

However, over time and due to the noted reasons for corruption and the expansion of impunity, these self-justifications become unnecessary, since the bribe-taker forms a firm conviction that “once he decides some issues, he must be given” and nothing else. At the same time, it is completely forgotten that the solution of issues is included in his official functional duties.

In the further development of the psychological portrait of a typical bribe-taker, it is advisable to rely on systematized models of information generalization. If we turn to psychological studies of the structure of personality, in particular, to the structural-functional dynamic system of the personality [5], we can see that the noted qualities of a typical corrupt official belong to the subsystem of the orientation of the personality and, to some extent, to the professional subsystem or experience subsystem. We note right away that the orientation subsystem (or the socio-psychological subsystem, the subsystem of social properties) is formed in a person in the process of upbringing and learning under the influence of the social or professional environment. It turns out that if we rely on this psychological information, they are more likely to become corrupted individuals than to be born. Hence follows a quite definite conclusion: in order to reduce the number of corrupt officials, it is necessary to reduce the level of corruption in the professional environment as a whole. True, in accordance with the principle of psychological determinism, all external manifestations in the behavior, activity and relationships of a person are mediated by his internal conditions. If the internal conditions are stable (for example, associated with religious consciousness, with a clear understanding of good and evil, sin and good), then the influence of the external environment is not so great.

We especially note that a significant part of the internal conditions are associated with upbringing, the adoption of certain standards or patterns of be-

havior. In other words, it is possible to form an anti-corruption orientation of the individual with the help of education. The last point is fundamental for organizing the fight against corruption.

So, deductively, it can be assumed that the properties of a corrupt person are formed under the influence of:

– the environment of upbringing (the adoption from childhood of appropriate values, standards of behavior and relationships, life principles). Hence, special attention should be paid to the family, school, educational role of the media;

– the professional environment with its standards of relations;

– social environment of communication, social status in it;

– a unique combination of naturally determined properties.

The above once again testifies to the need for comprehensive measures in the fight against corruption, since the implementation of any one area will not give the desired results. This indicates that in order to organize an effective fight against this malicious phenomenon, it is necessary to conduct deep scientific research, which should become the basis for well-thought-out legislative and organizational measures. Psychological research should take the leading place in them, since corruption behavior is guided by the corrupt consciousness, the corruption orientation of the individual, and consciousness, personality, behavior and relationships are categories, primarily psychological. In addition, it is in psychology that the problems of the personality, its behavior and relationships are developed most fully and constructively, with access to the level of specific psycho-logical recommendations.

Bibliographic list

1. Artemiev A.B., Komarov S.A. Corruption as an objective phenomenon: research concept: article // Legal thought. 2010. No. 4. P. 14–19.

2. Let us recall at least the character of V. Kaverin's book “Two Captains” M. Romashov (Daisy), whose corruption tendencies manifested themselves from childhood.

3. Mayakovsky V.V. Attentive attitude to bribe-takers // URL: // https:/ www. culture.ru/poems/20045/vnimatelnoe-otnoshenie-k-vzyatoch nikam.

4. Reshetnikov M. Psychology of corruption: utopia and dystopia. SPb.: East European Institute of Psychoanalysis, 2008. 127 p.; Zazykin V.G. Psychological features of corruption. Moscow: MGADA, 2010. 80 p.; Psychological and Acmeological Technologies for Counteracting Corruption in the System of Public Service / Ed. A.A. Derkach. Moscow: RAGS, 2010. 228 p.; Zmanovskaya E.V. Deviantology: (Psychology of deviant behavior): a tutorial. Moscow: Publishing Center “Academy”, 2008. 288 p.

5. Platonov K.K. The system of psychology and the theory of reflection. Moscow: Nauka, 1982. 309 p.

For citation: Biryukova G.M. Psychological aspects of the study of corruption // Legal thought. 2020. No. 3 (119). P. 25–32. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.002

УДК 340.123
DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.003

Философско-правовые основания учения Марсилия Падуанского о государстве*

А.А. Борзов**

Аннотация. Учение представителя раннего итальянского гуманизма, выдающегося философа и правоведа, Марсилия Падуанского [1270(80) – 1342(43)] о государстве актуализирует платоновские политико-правовые идеалы. Мысль Платона о сущностном единстве человека и государства, формируемом общим источником их добродетели – идеей справедливости, составляет теоретическое основание гуманизма падуанца, его философско-правового учения о совокупной воле людей как источнике государственного суверенитета.

Ключевые слова: Марсилий Падуанский, Платон, Аристотель, философия права, суверенитет, государство.

Учение выдающегося итальянского философа и правоведа Марсилия Падуанского [1270(80) – 1342(43)] о государстве не случайно стало одним из важнейших теоретических предпосылок политико-правовых воззрений гуманистов эпохи Возрождения. Именно политическое устройство Падуи вдохновляло ученого на формирование ранней концепции суверенного государства, выходящего за пределы средневековой рыхлой, основанной на договорных отношениях между сюзереном и вассалом, государственности.

Далеко не случайным представляется зарождение ренессансной философско-правовой мысли именно в Падуе. С одной стороны, Падуя была одним из центров развития права и правовой мысли в Италии, с другой, стала подлинным источником ренессансного гуманизма. В. Пикргеймер, который изучал в Падуе право, обсуждая идеал правоведа-гуманиста, писал: «В своей духовной силе и, наконец, в своей проницательности этот город и даже каждый житель его не уступают никакому другому. Члены городского Совета красноречивы и умны, большинство из них изучало законы сверх необходимой нормы» [5, с. 239].

Для интеллектуальной традиции ренессансного гуманизма была характерна апелляция к авторитету Платона, которого во многом противопоставляли Аристотелю. Стиль мышления Стагирита гуманисты отождествляли с наследием церкви, университетской схоластикой, вообще со средневековой культурой. Философско-политический платонизм с его отсылкой к идеаль-

* Статья опубликована в порядке оказания финансовой помощи автору за счет средств МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права».

** **Борзов Александр Александрович,** ректор Санкт-Петербургского института искусства и реставрации. E-mail: lawinst-spb@mail.ru; matgip2017@yandex.ru

ной модели независимого города-государства был ближе гуманистическому мышлению, опиравшемуся на идеалы сообщества свободных граждан, объединенных прекрасной идеей справедливости, чем аристотелевский проект надполисной державы. Для Платона государство было выражением абсолютной нравственной идеи, одной из возможных форм проекции в мир свободного человека идеи абсолютного блага [4, с. 249; 3, с. 9].

Поскольку для платоника-гуманиста справедливость составляет основную добродетель человека и одновременно основное качество идеального государства, постольку основой государственности является согласие людей относительно идеалов и ценностей справедливости. Человек имеет с государством одну и ту же природу, выражающуюся в добродетели справедливости. Поэтому человек и только человек соразмерен государству. И только объединенная воля всех людей может стать основой государства, если целью ее являются высшие нравственные ценности.

В соответствии с этой гуманистически интерпретированной платонической парадигмой Марсилий Падуанский в своем трактате «Защитник мира» впервые разрабатывает учение о народном суверенитете как порождающем основании государства и государственной власти, которая органично и прочно вошла в пространство европейской политической и правовой культуры [1, с. 178]. Следуя идеалам гуманизма, Марсилий Падуанский писал: «право издавать человеческие законы принадлежит только всем гражданам или преобладающей их части… Эта совокупность граждан или же ее преобладающая часть, которая представляет всех их…, только совокупности граждан или ее преобладающей части принадлежит право устанавливать и издавать законы» [6, с. 127].

Общая справедливость может быть результатом проекции позитивного качества только всех граждан в совокупности. А значит, один, человек не может породить государство. Поэтому и право устанавливать законы не может принадлежать одному человеку, считает Марсилий Падуанский: «Один человек, принимающий во внимание больше свои собственные интересы, чем общие, особенно движимый невежеством или озлобленностью, или обеими этими причинами, неминуемо будет создавать плохие, а значит тиранические законы. По таким же соображениям право создавать закон не может принадлежать кучку людей… они тоже будут злоупотреблять им, создавая его не в общих интересах, а в интересах меньшинства…, это право должно принадлежать всем гражданам или их преобладающей части» [6, с. 128–129].

Но эти рассуждению касаются внутренней логики становления понятия государства. Что же касается вопроса о его историческом возникновении, то здесь взгляды Марсилия Падуанского ближе к перипатетическим, устанавливающим логику внешнего движения от объединения семей к селениям, а от селений – к государствам в собственном смысле слова. В своем «Защитнике мира» он пишет: «Именно от несовершенных форм общения люди дошли до совершенных сообществ, их строев правления и образов жизни. Поскольку развитие природы, а также искусства, которое является её имитацией, всегда идёт от наименее совершенного [вида] к более совершенному, то люди справедливо уверены, что обладать истиной можно,

только зная первопричины явлений, их основные принципы, обращаясь к самым их истокам. Начиная исследование по этому методу, не следует упускать из виду, что гражданские общества согласно разнообразию населённых земель и эпох создавались с немногого, а затем в результате прогрессивного роста они достигли своего совершенства. Первой и наиболее простейшей связью между людьми, первопричиной всех остальных была та, что объединяет мужчину с женщиной… Результатом этой связи явилось размножение людей, которые изначально селились в единственном доме, численность людей уже оказалась такой, что этот единственный дом стал им недостаточен, возникла необходимость создавать большое количество домов, скопление которых получило название посёлка или деревни… При увеличении количества деревень сообщество расширялось, и это было закономерным из-за растущего числа людей… По мере того как численность людей разрасталась, увеличивался их опыт, изобретались более искусные ремёсла, появлялись правила или образы жизни, постепенно определились различные слои населения. В конце концов, человеческий разум и опыт открыли то, что необходимо для хорошей жизни людей и её исполнения; в результате возникло совершенное сообщество, называемое государством, со своими отдельными частями, анализ которого мы собираемся теперь начать» [6, с. 75 – 78]. Ориентация на аристотелевский историзм позволяет взглянуть на Марсилия Падуанского как на своего рода предтечу идеи «духа истории» в европейской философии права [2, с. 119–120; 7, с. 22].

Аристотелевское различие форм государств на «правильные» и «неправильные» Марсилий Падуанский также принимает, однако, обосновывает по-своему, связывая с вопросом о воплощении в них воли народа. Только впитывая в себя волю народа, государство является политическим объединением, и исторически, и по сути своей, производным от человека, от его семей и селений. Здесь можно без ошибки увидеть полностью оригинальное прочтение Аристотеля, которое совершенно вписывается в гуманистическую философско-правовую парадигму.

Комментируя мысль классика, Марсилий Падуанский говорит: «… любое правление устанавливается по воле или против воли подданных. В первом случае – это тип весьма правильного правления, во втором – тип неправильный. Мы подразделяем и тот, и другой типы ещё на три разных подвида… Один из видов правильного правления и, возможно, также самый совершенный – это королевская монархия. Опираясь на наши предпосылки и исходя из указанных способов, мы поведём нашу дискуссию заново, утверждая, что король, или монарх, будучи избран жителями или гражданами, получает управление по праву. Равно, если он пришёл к власти без выборов; лишь потому, что он был первым, кто поселился в этой округе; либо он или его предки, от которых он происходит, купили землю и право на неё, либо получили её путём справедливой борьбы, или каким-то другим законным способом, например путём дарения, которое было произведено за значительные заслуги.

Чем больше каждый из вышеперечисленных способов основан на согласии подданных и на законе, изданном для общего блага, тем больше такой правитель соответствует истинной королевской монархии. Но от неё

всё равно попахивает тиранией, ибо она удаляется от своих характерных черт, т. е. от согласия подданных и от закона, установленного для их общего блага… Отсюда мы более наглядно видим, что выборный тип правления является лучшим по сравнению с теми, которые им не являются… этот способ утверждения правителей является более продолжительным в совершенном сообществе. Потому по возможности надо приближать все другие способы к последнему, а не наоборот» [6, с. 104].

Близкие по духу рассуждения мы найдем и в трактовке соотношения власти народа и монарха в XIII главе трактата «Защитник мира»: «Таким образом, право создавать и утверждать законы принудительным предписанием их соблюдения принадлежит только общей массе граждан или ее преобладающей части… Или же это право принадлежит тому или тем, кому граждане его доверили» [6, с. 138]. Согласно Марсилию Падуанскому, подлинным источником государственной власти может быть только народ. Народ, правда, может быть управляем монархом, но лишь постольку, поскольку последний концентрирует в своей власти волю общества. В противном случае он может быть отрешен народом от власти.

Следовать воле народа, согласно учению гуманиста, монарх будет прежде всего тогда, когда он станет неуклонно опираться на требования законов и править согласно установленному законодательству: «Правитель в своей деятельности должен неуклонно придерживаться закона, не выходить за пределы дарованных ему полномочий, являться образцом и мерой любых общественных дел… Если правитель использует свое стремление и право в соответствии с законом, он никогда не совершит ничего, требующего соизмерения его деяния с публичными правилами и последующего исправления…, правитель обязан строго выполнять свои функции, выступать примером в общественных делах для всех других людей. В этом случае нет необходимости оценивать его деятельность и влиять на него со стороны. Но поскольку правитель является человеком, обладающим человеческими помыслами и страстями, толкающими его на ошибки и порочные деяния, ему случается совершать и что-то незаконное.

В таком случае правитель становится предметом надзора со стороны того, кто согласно закону имеет право оценивать его поступки и воздействовать на него. Без такого надзора правитель превратился бы в деспота, угнетающего и попирающего граждан… Предъявление правителю обвинений в нарушении закона или совершении недостойных поступков, вынесение приговора или его исполнение должны быть доверены законодателю или нескольким утвержденным законодателем людям. Во избежание раскола или мятежа в обществе, вызванных сопротивлением правителя. Нужно также на некоторое время приостановить выполнение его обязанностей, дабы соответствующие санкции применялись не к действующему правителю, а только к лицу, нарушающему закон [6, с. 182–183].

Апелляция к авторитету закона также характерна для гуманистического мировоззрения. Средневековое мышление довольствовалось интуицией права, которая в идеале должна быть естественным образом присуща мудрому правителю и судье, действующему в традициях естественного права. Просвещенный разум гуманиста, напротив, требует закона, уста-

новленного в соответствии с определенной процедурой, доведенного до всех граждан, зафиксированного письменно. Закон должен быть, однако, справедлив. Соотношение принципов законности и справедливости Марсилий Падуанский определяет следующим образом: «... истинные знания того, что является справедливым и полезным для государства, не всегда являются законом, если только они не даются как принудительная заповедь для их же соблюдения или не созданы с помощью такой заповеди; тем не менее, истинное знание справедливого и полезного обязательно требует, чтобы закон был совершенным.

Конечно, иногда ложные представления справедливого и полезного становятся законами, поскольку содержат в себе заповедь их соблюдения, либо они были созданы с помощью заповеди, как это наблюдается в странах неких варваров. Последние считают справедливым то, что с убийцы снимается его вина и любое наказание, когда он предлагает адекватную цену возмещения [родственникам убитого] за своё преступление. Тем не менее, именно у них наблюдается абсолютная несправедливость, и как следствие их законы не являются абсолютно совершенными.

Такие законы могут иметь требуемую форму – властного предписания их соблюдения; однако они не содержат другого требуемого условия, а именно истинного знания о справедливости... Таким образом, под законом понимаются правила справедливого и полезного в городе-государстве, выражением которых являются традиции, обычаи, всенародные постановления и любые подобные правила обязательного характера, установленные властью» [6, с. 111].

Ранний гуманизм, ярким представителем и отчасти основоположником которого был Марсилий Падуанский, имел чрезвычайно большое значение для развития политико-правовой мысли, так как с ним формируется то представление об идеале личности, общества и государства, которому предстоит стать ведущим в Новое время. Этот идеал был ориентирован на то, чтобы стать определяющим началом в обществе, преобразуя человека и морально-правовые нормы, регулирующие его жизнь.

Социально-правовой идеал гуманистов ждала несколько иная историческая судьба, чем идеал познания. Последний, ориентированный на гностические традиции, связанный со стремлением к мистическому единению с первоосновами бытия, был чужд рассудочной науке Нового времени, создававшей научную картину мира. Особенно это характерно для позднего итальянского гуманизма XV – XVI вв. А вот гуманистический идеал человека, отчетливо заявленный Марсилием Падуанским, оказался созвучен восходящей эпохе с ее представлениями о самоценности активной, независимой личности как субъекте правоотношений в суверенном государстве нового типа.

Эти представления были напрямую связаны с началом развития в XV – XVI веках ранних капиталистических общественных отношений, разрушающих старые сословные перегородки. В XIV веке эти процессы пока еще ограничивались северо-итальянскими городами, с тем, однако, чтобы в последующею эпоху обнаружить свое универсальное значение для развития человека, права и государства.

Библиографический список

1. *Борзова Е.П.* Мировая политика и мировая культура: проблемы взаимосвязи // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 3 (8). – С. 175–180.

2. *Гайнутдинов Р.И., Масленников Д.В.* Идея духа истории в трактовке Монтескье и Гегеля // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2019. – Т. 20. – № 4. – С. 112–123.

3. *Гусев О.Ю., Масленников Д.В., Ревнова М.Б.* Церковь и духовный смысл права // Юридическая мысль. – 2017. – № 1 (99). – С. 8–14.

4. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. – М.: Юрлитинформ, 2019.

5. *Зенн М.* История права – Культурно-исторический очерк. – СПб, Издательство Юридического института (Санкт-Петербург), 2016.

6. *Марсилий Падуанский.* Защитник мира. Defensor pacis / Пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г.П. Лупарева. – М.: Дашков и Ко, 2014.

7. *Масленников Д.В., Ревнова М.Б.* Отношение религии и государства в философии права Г.В.Ф. Гегеля // Юридическая мысль. – 2018. – № 1 (105). – С. 20–25.

Для цитирования: *Борзов А.А.* Философско-правовые учения Марсилия Падуанского о государстве // Юридическая мысль. – 2020. – No. 3 (119). – С. 33–38. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.003

Philosophical and legal teachings of Marsil of Padua about the state*

Alexander A. Borzov**

Annotation. The teaching of the representative of early Italian humanism, an outstanding philosopher and lawyer, Marsil of Padua [1270 (80) – 1342 (43)] about the state actualizes Plato's political and legal ideals. Plato's thought about the essential unity of man and the state, formed by the common source of their virtue – the idea of justice, constitutes the theoretical basis of Padua's humanism, his philosophical and legal doctrine of the collective will of people as a source of state sovereignty.

Key words: Marsilius of Padua, Plato, Aristotle, philosophy of law, sovereignty, state.

The doctrine of the outstanding Italian philosopher and jurist Marsil of Padua [1270 (80) – 1342 (43)] about the state not accidentally became one of the most important theoretical premises of the political and legal views of the humanists of the Renaissance. It was the political structure of Padua that inspired the scientist to form the early concept of a sovereign state, going

* The article was published in order to provide financial assistance to the author at the expense of the Interregional Association of State and Law Theorists.

** ***Borzov Alexander Alexandrovich***, rector of the St. Petersburg Institute of Art and Restoration. E-mail: lawinst-spb@mail.ru; matgip2017@yandex.ru

beyond the medieval loose statehood based on contractual relations between a suzerain and vassal.

The birth of the Renaissance philosophical and legal thought in Padua is far from being accidental. On the one hand, Padua was one of the centers for the development of law and legal thought in Italy, on the other, it became a true source of Renaissance humanism. W. Pickrheimer, who studied law in Padua, discussing the ideal of the humanist jurist, wrote: “In its spiritual strength and, finally, in its insight, this city and even every inhabitant of it are not inferior to any other. The members of the City Council are eloquent and intelligent, most of them studied laws beyond the necessary norm” [5, p. 239].

The intellectual tradition of Renaissance humanism was characterized by an appeal to the authority of Plato, who was in many ways opposed to Aristotle. The humanists identified the Stagirite style of thinking with the heritage of the church, university scholasticism, and generally with medieval culture. Philosophical and political Platonism, with its reference to the ideal model of an independent city-state, was closer to humanistic thinking, based on the ideals of a community of free citizens, united by a wonderful idea of justice, than the Aristotelian project of a superpolis state. For Plato, the state was the expression of an absolute moral idea, one of the possible forms of projection into the world of a free person of the idea of absolute good [4, p. 249; 3, p. 9].

Since for the Platonist-humanist justice is the main virtue of a person and at the same time the main quality of an ideal state, the basis of statehood is the consent of people regarding the ideals and values of justice. Man has the same nature with the state, which is expressed in the virtue of justice. Therefore, a person and only a person are proportionate to the state. And only the united will of all people can become the basis of the state, if its goal is the highest moral values.

In accordance with this humanistically interpreted platonic paradigm, Marsily of Padua in his treatise "Defender of Peace" for the first time develops the doctrine of popular sovereignty as the generative foundation of the state and state power, which organically and firmly entered the space of European political and legal culture [1, p. 178]. Following the ideals of humanism, Marsil wrote: “the right to issue human laws belongs only to all citizens or their predominant part ... This totality of citizens or its predominant part, which represents all of them ... only the totality of citizens or its predominant part has the right to establish and issue laws” [6, p. 127].

General justice can be the result of a projection of the positive quality of only all citizens in the aggregate. This means that one person cannot create a state. Therefore, the right to establish laws cannot belong to one person, says Marsil: “One person who takes into account his own interests more than general ones, especially driven by ignorance or anger, or both of these reasons, will inevitably create bad, and therefore tyrannical laws. For the same reasons, the right to create a law cannot belong to a handful of people ... they will also abuse it, creating it not in the general interests, but in the interests of the minority ... this right should belong to all citizens or their predominant part” [6, p. 128–129].

But these arguments relate to the internal logic of the formation of the concept of the state. As for the question of its historical origin, here the views

of Marsil of Padua are closer to peripatetic ones, establishing the logic of the external movement from uniting families to villages, and from villages to states in the proper sense of the word. In his Defender of the World, he writes: "It is from imperfect forms of communication that people have come to perfect communities, their systems of government and ways of life. Since the development of nature, as well as art, which is its imitation, always goes from the least perfect [type] to the most perfect, then people are rightly convinced that it is possible to possess the truth only knowing the root causes of phenomena, their main principles, referring to their very origins. When starting research using this method, one should not lose sight of the fact that civil societies, according to the diversity of populated lands and eras, were created from a little, and then, as a result of progressive growth, they reached their own perfection. The first and simplest connection between people, the root cause of all the others was the one that unites a man with a woman ... The result of this connection was the multiplication of people who initially settled in a single house, the number of people already turned out to be such that this single house became insufficient for them, it became necessary to create a large number of houses, the cluster of which was called a settlement or a village ... With an increase in the number of villages, the community expanded, and this was natural due to the growing number of people ... As the number of people grew, alas Their experience was improved, more skillful crafts were invented, rules or ways of life appeared, and various layers of the population were gradually determined. In the end, human reason and experience has discovered what is necessary for a good life for people and its fulfillment; as a result, a perfect community arose, called the state, with its separate parts, the analysis of which we are going to start now" [6, p. 75–78]. Orientation to Aristotelian historicism allows us to look at Marsilius of Padua as a kind of forerunner of the idea of the "spirit of history" in European philosophy of law [2, p. 119–120; 7, c. 22].

Marsilius of Padua also accepts the Aristotelian difference between the forms of states into "right" and "wrong", however, he justifies in his own way, linking it with the question of the embodiment of the will of the people in them. Only by absorbing the will of the people, the state is a political union, both historically and in essence, derived from a person, from his families and villages. Here you can see without error a completely original reading of Aristotle, which perfectly fits into the humanistic philosophical and legal paradigm.

Commenting on the thought of the classic, Marsil of Padua says: "... any government is established at the will or against the will of the subjects. In the first case, this is a type of very correct government, in the second, the type is incorrect. We subdivide both types into three more different subspecies ... One of the types of correct government, and perhaps also the most perfect, is the royal monarchy. Based on our assumptions and proceeding from the indicated methods, we will lead our discussion anew, arguing that the king, or monarch, being elected by residents or citizens, receives government by right. Equally, if he came to power without elections; just because he was the first to settle in the area; either he or his ancestors, from whom he is descended, bought the land and the right to it, or received it through a just struggle, or in some other legal way, for example, through a gift that was made for significant merit.

The more each of the above methods is based on the consent of the subjects and on a law issued for the common good, the more such a ruler corresponds to a true royal monarchy. But it still smacks of tyranny, for it moves away from its characteristic features, that is, from the consent of its subjects and from the law established for their common good ... From here we see more clearly that the elected type of government is better than those which they are not ... this way of establishing rulers is more lasting in a perfect community. Therefore, if possible, it is necessary to bring all other methods closer to the latter and not vice versa" [6, p. 104].

We will find reasoning similar in spirit in the interpretation of the correlation between the power of the people and the monarch in Chapter XIII of the treatise "Defender of the World": "Thus, the right to create and approve laws by compulsory prescription of their observance belongs only to the general mass of citizens or its predominant part ... Or is it the right belongs to one or to those to whom the citizens entrusted it" [6, p. 138]. According to Marsil of Padua, only the people can be the true source of state power. The people, however, can be ruled by the monarch, but only insofar as the latter concentrates in his power the will of society. Otherwise, he may be removed from power by the people.

The monarch will follow the will of the people, according to the teachings of the humanist, first of all when he begins to unswervingly rely on the requirements of laws and rule in accordance with the established legislation: "The ruler in his activities must adhere to the law unswervingly, not go beyond the powers granted to him, be a model and measure any public affairs ... If the ruler uses his desire and right in accordance with the law, he will never do anything that requires comparing his actions with public rules and subsequent correction ... the ruler is obliged to strictly fulfill his functions, to act as an example in public affairs for all other people ... In this case, there is no need to evaluate his activities and influence him from the outside. But since the ruler is a person with human thoughts and passions, pushing him to mistakes and vicious deeds, he happens to do something illegal.

In this case, the ruler becomes the subject of supervision by the one who, according to the law, has the right to evaluate his actions and influence him. Without such supervision, the ruler would turn into a despot, oppressing and trampling on citizens ... Charges against the ruler for breaking the law or committing unworthy deeds, passing a sentence or its execution must be entrusted to the legislator or several people approved by the legislator. To avoid schism or rebellion in society caused by the resistance of the ruler. It is also boring to suspend the performance of his duties for some time, so that the appropriate sanctions are applied not to the current ruler, but only to a person who breaks the law [6, p. 182–183].

The appeal to the authority of the law is also characteristic of the humanistic worldview. Medieval thinking was content with the intuition of law, which, ideally, should be naturally inherent in a wise ruler and judge, acting in the tradition of natural law. The enlightened mind of a humanist, on the other hand, requires a law established in accordance with a certain procedure, communicated to all citizens, fixed in writing. The law must, however, be fair. Marsilius of Padua defines the ratio of the principles of legality and justice in the

following way: with the help of such a commandment; nevertheless, true knowledge of what is just and useful necessarily requires that the law be perfect.

Of course, sometimes false ideas of what are just and useful become laws, because they contain a commandment to observe them, or they were created with the help of a commandment, as is observed in the countries of certain barbarians. The latter consider it fair that the murderer is removed from his guilt and any punishment when he offers an adequate price of compensation [to the relatives of the murdered man] for his crime. Nevertheless, it is they who have absolute injustice, and as a result, their laws are not absolutely perfect. Such laws can take the required form – the imperative prescription of their observance; however, they do not contain another required condition, namely true knowledge of justice ... Thus, the law means the rules of the just and useful in the city-state, the expression of which are traditions, customs, popular decrees and any similar rules of a mandatory nature, established captivated by the power" [6, p. 111].

Early humanism, of which Marsilius of Padua was a bright representative and partly the founder, was extremely important for the development of political and legal thought, since with it the idea of the ideal of the individual, society and state, which is to become the leading one in the New time, is formed. This ideal was aimed at becoming a defining principle in society, transforming a person and the moral and legal norms that govern his life.

The socio-legal ideal of the humanists faced a somewhat different historical fate than the ideal of knowledge. The latter, focused on the Gnostic traditions, associated with the desire for mystical unity with the fundamental principles of being, was alien to the rational science of the New Time, which created a scientific picture of the world. This is especially characteristic of the late Italian humanism of the 15th – 16th centuries. But the humanistic ideal of man, clearly stated by Marsil of Padua, turned out to be in tune with the rising era with its ideas about the intrinsic value of an active, independent person as a subject of legal relations in a sovereign state of a new type.

These views were directly related to the beginning of the development in the 15th – 16th centuries of early capitalist social relations, destroying the old class barriers. In the XIV century, these processes were still limited to the North Italian cities, in order, however, in the next era to reveal their universal significance for the development of man, law and state.

Bibliographic list

1. Borzova E.P. World politics and world culture: problems of interconnection // Bulletin of the St. Petersburg State University of Culture and Arts. 2011. No. 3 (8). P. 175–180.

2. Gainutdinov R.I., Maslennikov D.V. The idea of the spirit of history as interpreted by Montesquieu and Hegel // Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy. 2019. T. 20. No. 4. P. 112–123. P. 119–120.

3. Gusev O.Yu., Maslennikov D.V., Revnova M.B. Church and the spiritual meaning of law // Legal thought. 2017. No. 1 (99). P. 8–14.

4. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. Logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the question of the speculative-logical foundations of the metaphysics of law. Moscow: Jurlitinform, 2019.

5. Zenn M. History of Law – Cultural and Historical Sketch. St. Petersburg, Publishing House of the Law Institute (St. Petersburg), 2016.

6. Marsilius of Padua. Protector of the world. Defensor pacis / Per. with French BOO. Yessenova; scientific. ed., entry. Art., note. G.P. Luparev. Moscow: Dashkov and Co, 2014.

7. Maslennikov D.V., Revnova M.B. Relation of religion and state in the philosophy of law of G.V.F. Hegel // Legal thought. 2018. No. 1 (105). P. 20–25.

For citation: Borzov A.A. Philosophical and legal doctrines of Marsil of Padua about the state // Legal thought. 2020. No. 3 (119). P. 38–43. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.003

УДК 342.7
ББК 67.400.2; 67.400.3
DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.004

Безопасность государства и право человека на проживание на исконной территории, признанной особо охраняемой

В.А. Винокуров*
К.В. Шафигулин**

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы безопасности государства, связанные с проживанием лиц на исконной территории, которая признана особо охраняемой природной территорией. Проанализированы законы, действующие в Российской Федерации, выявлены проблемы, связанные с отсутствием нормальной регламентации жизни и деятельности лиц, проживающих на землях своих предков, которые были отнесены к категории земель, особо охраняемых государством. Обозначены особенности проживания на таких территориях лиц, отнесенных к коренным малочисленным народам России. Одновременно прослежена связь между вопросами национальной безопасности и ограничением права человека проживать и осуществлять необходимую для своей жизни деятельность на исконной территории.

В целях соблюдения установленных принципов безопасности государства, включая экологическую безопасность, а также для соблюдения прав лиц, проживающих на особо охраняемых природных территориях, в статье сформулированы предложения по внесению изменений в федеральные законы «Об особо охраняемых природных территориях» и «Об охране озера Байкал».

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации; право человека и гражданина на проживание; ограничение прав и свобод; территория России, исконная территория; особо охраняемые природные территории; коренные малочисленные народы, самостоятельные этнические общности; озеро Байкал; Байкальская природная территория; безопасность государства, экологическая безопасность.

Конституция Российской Федерации (далее – Основной Закон государства, Основной Закон страны) относит вопросы безопасности к ведению Российской Федерации [1, п. «м» ст. 71]. Во исполнение указанной конституционной нормы был принят Федеральный закон «О безопасности» [2], которым провозглашены основные принципы обеспечения безопасности, включая деятельность по обеспечению экологической безопасности. В числе указанных принципов,

* **Винокуров Владимир Анатольевич**, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы Министерства по чрезвычайным ситуациям России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: pravo.kaf_tigp@mail.ru

** **Шафигулин Кирилл Витальевич**, выпускник ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России». E-mail: pravo.kaf_tigp@mail.ru

изложенных в статье 2 – соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина; приоритет предупредительных мер в целях обеспечения безопасности. Утвержденные Президентом Российской Федерации 30 апреля 2012 года Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, должны реализовываться, в том числе на принципе обеспечения благоприятных условий жизнедеятельности человека [3, подп. «б» п. 8].

Названные выше исходные начала деятельности государства позволяют заметить, что отсутствие учета прав и законных интересов лиц, проживающих на исконных территориях, которые признаются особо охраняемыми природными территориями, с одной стороны, нарушает продекларированные в документах принципы обеспечения национальной безопасности, а с другой стороны, приводит к непониманию коренным населением политики государства, в результате которой ущемляются их права, что дает почву для выражения населением недовольства деятельностью властей. Примером недовольства населения является ситуация, возникшая вокруг горы Куштау в Республике Башкортостан [4]. Для недопущения социального взрыва, необходимо учитывать интересы лиц, права которых ограничили, а также компенсировать им невозможность осуществления обычной хозяйственной деятельности в связи с изменившимися условиями, в том числе и в случаях признания территории особо охраняемой.

Основной Закон государства определяет, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории, а также устанавливает, что «Каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства» [1, ч. 1 ст. 9; ч. 1 ст. 27].

В целях реализации указанных конституционных норм был принят ряд законов, к числу которых, в частности, относятся: Закон Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» [5], Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» [6] и Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [7].

В первом из названных законов повторены конституционные нормы о праве каждого гражданина России на выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации и о том, что ограничение этого права допускается только на основании закона. Одновременно указанным законом России определены случаи, наличие которых допускает (но в соответствии с отдельными законами) ограничение для граждан нашего государства прав на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации Российской Федерации, а именно: в пограничной зоне; в закрытых военных городках; в закрытых административно-территориальных образованиях; в зонах экологического бедствия; на отдельных территориях и в населенных пунктах, где в случае опасности распространения инфекционных и массовых неинфекционных заболеваний и отравлений людей введены особые условия и режимы про-

живания населения и хозяйственной деятельности; на территориях, где введено чрезвычайное или военное положение [5, ст. 1; ст. 8].

Второй из поименованных законов, определяя категории особо охраняемых природных территорий (государственные природные заповедники, национальные и природные парки, заказники и др.), особенности их создания и развития, не регулирует вопросы проживания на этих территориях тех, кто там живет, причем проживает довольно давно, до момента объявления территории своего проживания особо охраняемой. Имеются лишь упоминания о том, что, например, на территории государственных природных заповедников должны выделяться участки «частичного хозяйственного использования», где допускается деятельность, направленная на обеспечение функционирования государственного природного заповедника, то есть работников организации или органа, управляющего заповедником, и деятельность, направленная на обеспечение жизнедеятельности граждан, проживающих на его территории.

Аналогичная норма содержится и в отношении национальных парков, где без специального разрешения допускается пребывание физических лиц – работников учреждения, осуществляющего управление национальным парком, или органа, в ведении которого находится национальный парк, а также физических лиц, проживающих на территории национального парка. На территориях других видов особо охраняемых природных территорий проживание физических лиц не предусмотрено. Исключение возможно лишь для малочисленных этнических общностей, проживающих на территориях государственных природных заказников, где «допускается использование природных ресурсов в формах, обеспечивающих защиту исконной среды обитания указанных этнических общностей и сохранение традиционного образа их жизни» [6, ст. 9; ст. 15, ст. 24].

По третьему из указанных выше законодательному акту зафиксировано определение коренных малочисленных народов Российской Федерации, под которыми понимаются «народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями» [7, ст. 1].

Исходя из этой дефиниции, под малочисленными этническими общностями следует понимать коренные малочисленные народы, но с учетом указанных признаков: определенная территория, свой образ жизни, небольшая численность, осознание себя самостоятельной этнической общностью. На наш взгляд, довольно сложным для понимания является признак, по которому малочисленный народ должен осознавать себя самостоятельной этнической общностью, чтобы считать себя коренным малочисленным народом России, относящимся к малочисленной этнической общности.

Попытки объяснить, что означает приведенная выше формулировка закона предпринималась российскими учеными. Так, С.О. Иванов посчитал, что «Наличие этого признака [*имеется в виду осознания самостоятельными этническими обществами*] подтверждается фактом отнесения себя некоторыми российскими гражданами именно к представителям одного из пере-

численных народов, а также фактом компактного расселения этих народов» [8, с. 96], по сути, включив в этот признак другие признаки коренного малочисленного народа (наименование народа и территорию его проживания).

Президент ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации С.Н. Харючи верно, на наш взгляд, классифицирует осознание коренным малочисленным народом себя самостоятельной этнической общностью как субъективный признак, но, к сожалению, не раскрывает его [9, с. 17]. Н.В. Исаева, рассматривая понятие этнической общности, замечает, что эта правовая категория «не имеет единого научного обоснованного и юридически закрепленного понимания», а также приходит к выводу, что современное законодательство, регламентирующее, в том числе финансовые вопросы национально-культурных автономий, в конечном итоге приводит к неравенству этнических общностей в зависимости от их численности и заселённости по территории страны, что противоречит статье 19 Конституции России [10, с. 15, 19].

Наряду с этим, авторы современного учебника «Конституционное право: университетский курс» (в его первом издании) сформулировали определение этнической общности, указав, что «С точки зрения большинства отечественных и значительного количества зарубежных авторов, этническая общность есть реально существующая внешне обособленная самовоспроизводящаяся биосоциальная общность людей с выраженным в этнониме (самоназвании) общим самосознанием, естественно-исторически сформировавшаяся на единой территории под влиянием сопутствующих природных, экономических, социальных, организационно-управленческих факторов и обладающая отличительными этнокультурными и языковыми особенностями, отличительными чертами психологического склада характера и физиологического внешнего облика» [11, с. 174–175]. Указанное определение можно взять за основу для выработки соответствующей дефиниции.

Таким образом, названные российские законы, признают право гражданина России на выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации, а также необходимость регулирования вопросов охраны объектов национального достояния, к которым относятся особо охраняемые природные территории, и нужность в сохранении самобытного социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов Российской Федерации, защиты их исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов. В то же время, в указанных нормативных правовых актах отсутствует законодательное регулирование вопросов, связанных с проживанием на особо охраняемых территориях лиц, не относящихся к коренным малочисленным народам, которые проживали и проживают на земле своих предков, ведут хозяйственную деятельность и осуществляют промыслы, необходимые для нормальной жизни. Упоминание о том, что данным лицам можно проживать на этих территориях, не является таким регулированием и лишь фиксирует очевидное.

В современных российских законах отсутствует также норма, разъясняющая, что следует понимать под «осознанием самостоятельной этнической общностью», которое требуется, чтобы народ (при наличии конкретных признаков) считался коренным малочисленным народом Российской

Федерации. По нашему мнению, Единого перечня коренных малочисленных народов Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 года № 255 [12], на который ссылаются многие авторы как на факт такого осознания, для решения этого вопроса явно недостаточно.

Посетив летом 2020 года остров Ольхон на озере Байкал, авторы ознакомились с проблемами, возникающими в жизни и деятельности на этой территории лиц, не относящихся к коренным малочисленным народам (бурятам, русским), проживающим на этом крупнейшем байкальском острове, где жили их предки задолго до принятия Федерального закона «Об охране озера Байкал» [13].

Федеральный закон «Об охране озера Байкал» определяет правовые основы охраны озера Байкал, включая режим охраны, нормативы предельно допустимых вредных воздействий и другие вопросы государственного регулирования в области охраны озера Байкал, но, к сожалению, не содержит конкретных норм, посвященных проживанию граждан России и иных лиц на исконной территории, которая данным актом определена как Байкальская природная территория. Лишь, как указано в данном Федеральном законе, на Байкальской природной территории «определяются территории традиционного природопользования», но в установленном законодательством Российской Федерации порядке [13, ст. 9].

Современное законодательство в этой части представлено пока только Федеральным законом «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», который «регулирует отношения в области образования, охраны и использования территорий традиционного природопользования для ведения на этих территориях традиционного природопользования и традиционного образа жизни лицами, относящимися к малочисленным народам, и общинами малочисленных народов, а также лицами, не относящимися к малочисленным народам, но постоянно проживающими в местах их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности, ведущими такие же, как и малочисленные народы, традиционное природопользование и традиционный образ жизни, в порядке, установленном законами субъектов Российской Федерации» [14, ст. 3], то есть не затрагивает вопросы проживания на охраняемых территориях лиц, не относящихся к коренным малочисленным народам, и тем, кто ведет природопользование не так, как коренные малочисленные народы.

Отсутствие законодательного регулирования со стороны государства, то есть вопросов, каким образом могут жить и осуществлять деятельность лица любых народов и народностей на исконной территории, которые стали особо охраняемыми, при наличии жесткой регламентации любой деятельности на таких территориях (с исключениями только для малочисленных коренных народов), приводит к тому, что интересы лиц, проживающих на исконных территориях, но которые не относятся к малочисленным коренным народам, реально не учитываются.

Решения в отношении жизнедеятельности данных лиц принимаются практически всегда не в их пользу, так как с точки зрения надзорных ор-

ганов, эти лица всегда выступают нарушителями, поскольку, скажем, осуществляют добычу (вылов) рыбы для своего пропитания и возможной реализации, несмотря на отсутствие лицензии, которую не выдают, поскольку они не относятся к коренным малочисленным народам; содержат скот, который, по мнению контролеров, «загрязняет природную территорию», а, значит, собственников скота следует штрафовать и т. п.

Наличествуют ограничения в праве указанных лиц не столько проживать на исконной территории, сколько осуществлять деятельность, которая позволяет им достойно жить. Ограничение права человека возможно, но, как указано в Конституции Российской Федерации, «федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [1, ч 3 ст. 55].

В данном случае права коренного населения, проживающего на особо охраняемых территориях, могут быть ограничены, вероятнее всего, в целях защиты прав и законных интересов других лиц. Но при этом нельзя забывать о правах самих этих лиц, не относящихся к коренным малочисленным народам. Ограничивая их права на достойное проживание на исконной территории, необходимо предусмотреть компенсацию, что, на наш взгляд, станет разумным решением существующей проблемы. Российские ученые неоднократно отмечали обязанность государства компенсировать права и свободы в случае их ограничения, так как ***высшей ценностью являются человек, его права и свободы,*** а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина есть обязанность государства [15, с. 17; 16, с. 8].

Отсутствие законодательного регулирования указанных выше вопросов, связанных с проживанием лиц, не относящихся к малочисленным народам, на исконной территории, признанной особо охраняемой, приведет к протестам со стороны данного населения и массовым нарушениям законодательства, то есть в конечном итоге – к проблеме безопасности государства.

Проанализировав вышеперечисленные законодательные акты Российской Федерации, а также проблемы жизни и деятельности, возникающие у лиц, не относящихся к коренным малочисленным народам и проживающих на исконной территории, предлагается внести изменения в следующие федеральные законы:

1) в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях», в котором в статье 2:

– пункт 1 дополнить подпунктом «д» следующего содержания:

«д) проживание на соответствующей территории лиц, для которых эта территория является исконной для проживания.»;

– дополнить пунктом 15 следующего содержания:

«15. В случае проживания населения на территории, отнесенной к особо охраняемым территориям, Положением об особо охраняемой природной территории в обязательном порядке фиксируются различные виды использования земельных участков лицами, проживающими на этой территории, в том числе участки для постоянного проживания этих лиц, включая жилые дома, бани, сараи и другие хозяйственные постройки, и участки для содержания и выгула домашнего скота и птицы. При отсутствии такой

возможности, лицам, проживающим на территории, отнесенной к особо охраняемым территориям, предусматриваются разовые и регулярные выплаты в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.»;

2) в Федеральный закон «Об охране озера Байкал»:

– статью 5 дополнить абзацем следующего содержания:

«учета прав и законных интересов лиц, проживающих на Байкальской природной территории»;

– часть вторую статьи 8 дополнить предложениями следующего содержания: «При этом указанные особенности должны обеспечивать нормальную жизнедеятельность населения, проживающего на Байкальской природной территории. При отсутствии возможности обеспечивать нормальную жизнедеятельность населения, проживающего на Байкальской природной территории, Правительство Российской Федерации устанавливаются компенсационные меры лицам, проживающим на Байкальской природной территории.»;

– пункт 1 статьи 14 после слов «устанавливается с учетом результатов научных исследований в соответствии с законодательством Российской Федерации» дополнить словами «, а также с учетом численности населения, реально проживающего на Байкальской природной территории,».

Предложенные меры восстановят справедливость в отношении лиц, проживающих на исконной территории, которую признали особо охраняемой природной территорией, включая Байкальскую природную территорию, в том числе ликвидируют неравенство между указанными лицами и коренными малочисленными народами России, что, безусловно, будет способствовать укреплению национальной безопасности.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). – 2020, 4 июля, № 0001202007040001.

2. Федеральный закон «О безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 2.

3. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденные Президентом Российской Федерации 30 апреля 2012 года // Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: http://www.kremlin.ru/event/president/news/15177 (дата обращения 10 сентября 2020 года).

4. Конфликт вокруг Куштау: хронология, участники и подробности // Информационно-политический канал «ПОЛИТ.РУ» [Электронный ресурс] // URL: https://polit.ru (дата обращения 30 августа 2020 года).

5. Закон Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 32. – Ст. 1227.

6. Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 12. – Ст. 1024.

7. Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 18. – Ст. 2208.

8. *Иванов С.О.* Проблемы правовой защиты отдельных народов Российской Федерации // Право и политика. – 2004. – № 6. – С. 88–99.

9. *Харючи С.Н.* Развитие законодательства о защите прав коренных малочисленных народов в Российской Федерации // Журнал российского права. – 2006. – № 7. – С. 13–22.

10. *Исаева Н.В.* Федерализация и конституционное право народов на самоопределение в дискурсе правовой идентичности // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 2. – С. 15–19.

11. Конституционное право: университетский курс. В 2 т. Т. II: учебник / под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова. – М.: Проспект, 2015. – 528 с.

12. Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 года № 255 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 14. – Ст. 1493.

13. Федеральный закон «Об охране озера Байкал» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 18. – Ст. 2220.

14. Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 20. – Ст. 1972.

15. *Смирнов А.В.* К вопросу о критериях ограничения конституционных прав и свобод: принцип компенсации // Журнал конституционного правосудия. – 2010. – № 1. – С. 15–21.

16. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров и др.; под ред. С.А. Комарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 333 с.

Для цитирования: *Винокуров В.А., Шафигулин К.В.* Безопасность государства и право человека на проживание на исконной территории, признанной особо охраняемой // Юридическая мысль. – 2020. – № 3 (119). – С. 44–51. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.004

State security and the human right to live in the original territory recognized as specially protected

Vladimir A. Vinokurov[*], **Kirill V. Shafigulin**[**]

Annotation. The article deals with the issues of state security related to the residence of individuals in the ancestral territory, which is recognized as a specially protected natural territory. The article analyzes the laws in force in the Russian Federation and identifies problems related to the lack of normal regulation of the life and activities of people living on the lands of their ancestors, which were classified as lands specially protected by the state. The features of residence in such territories of persons

[*] ***Vinokurov Vladimir A.,*** Professor of the Theory and History of State and Law Department of FSBEE HE «Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia»; Doctor of Law; Honored Lawyer of the Russian Federation. E-mail: pravo.kaf_tigp@mail.ru

[**] ***Kirill V. Shafigulin,*** the graduate of the Saint Petersburg state University of SBS EMERCOM of Russia; assistant prosecutor of the district of Saint-Petersburg. E-mail: pravo.kaf_tigp@mail.ru

classified as indigenous small-numbered peoples of Russia are indicated. At the same time, there is a link between national security issues and restrictions on the right of a person to live and carry out activities necessary for their life on the ancestral territory.

In order to comply with the established principles of state security, including environmental safety, as well as to respect the rights of persons living in specially protected natural territories, the article contains proposals for amendments to the Federal laws "On specially protected natural territories" and "on the protection of lake Baikal".

Keywords: The Constitution of the Russian Federation; the right of man and citizen to live; restriction of rights and freedoms; the territory of Russia, the primordial territory; specially protected natural territories; small indigenous peoples, independent ethnic communities; lake Baikal; Baikal natural territory; state security, environmental security.

The Constitution of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Basic Law of the State, the Basic Law of the country) assigns security issues to the jurisdiction of the Russian Federation [1, p. “м” art. 71]. In pursuance of this constitutional norm, the Federal Law “On Safety” [2] was adopted, which proclaimed the basic principles of ensuring safety, including activities to ensure environmental safety. Among the above principles set forth in Article 2 – observance and protection of human and civil rights and freedoms; priority of preventive measures to ensure safety. The Fundamentals of State Policy in the field of environmental development of the Russian Federation for the period up to 2030, approved by the President of the Russian Federation on April 30, 2012, should be implemented, including on the principle of ensuring favorable conditions for human life [3, sub. “в” p. 8].

The above initial principles of the state's activity make it possible to note that the lack of consideration of the rights and legitimate interests of persons living in the ancestral territories, which are recognized as specially protected natural territories, on the one hand, violates the principles of ensuring national security declared in the documents, and on the other hand, leads to a lack of understanding by the indigenous population of the policy of the state, as a result of which their rights are violated, which gives rise to the expression of the population's dissatisfaction with the activities of the authorities. An example of the population's dissatisfaction is the situation around Mount Kushtau in the Republic of Bashkortostan [4]. To prevent a social explosion, it is necessary to take into account the interests of persons whose rights have been limited, as well as compensate them for the impossibility of carrying out ordinary economic activities due to changed conditions, including in cases of recognition of the territory as specially protected.

The Basic Law of the State determines that land and other natural resources are used and protected in the Russian Federation as the basis for the life and activities of the peoples living in the corresponding territory, and also establishes that “Everyone who is legally on the territory of the Russian Federation has the right to move freely, choose a place of stay and residence” [1, part 1 of art. 9; h. 1 tbsp. 27].

In order to implement these constitutional norms, a number of laws were adopted, which, in particular, include: the Law of the Russian Federation “On the right of citizens of the Russian Federation to freedom of movement,

choice of place of stay and residence within the Russian Federation" [5], The Federal Law "On Specially Protected Natural Areas" [6] and the Federal Law "On Guarantees of the Rights of the Indigenous Minorities of the Russian Federation" [7].

The first of these laws repeats the constitutional provisions on the right of every citizen of Russia to choose a place of stay and residence within the Russian Federation and that limitation of this right is allowed only on the basis of a law. At the same time, the specified Russian law defines cases, the presence of which allows (but in accordance with separate laws) restriction for citizens of our state of the rights to freedom of movement, choice of place of stay and residence within the Russian Federation of the Russian Federation, namely: border zone; in closed military camps; in closed administrative-territorial entities; in areas of ecological disaster; in certain territories and settlements, where, in the event of a danger of the spread of infectious and mass non-infectious diseases and human poisoning, special conditions and regimes for the population and economic activity have been introduced; in territories where a state of emergency or martial law has been introduced [5, art. 1; art. 8].

The second of the named laws, defining the categories of specially protected natural areas (state nature reserves, national and natural parks, wildlife sanctuaries, etc.), the peculiarities of their co-building and development, does not regulate the issues of living in these territories of those who are there lives, and has been living for a long time, until the declaration of the territory of his residence as specially protected. There are only references to the fact that, for example, on the territory of state natural reserves, areas of "partial economic use" should be allocated, where activities aimed at ensuring the functioning of the state natural reserve are allowed, that is, employees of the organization or body managing the reserve, and activities aimed at ensuring the livelihoods of citizens living in its territory.

A similar rule is also contained in national parks, where, without special permission, individuals are allowed to stay – employees of the institution that manages the national park, or the body in charge of the national park, as well as individuals living in the national park. In the territories of other types of specially protected natural areas, the residence of individuals is not provided. An exception is possible only for small ethnic communities living in the territories of state natural reserves, where "it is allowed to use natural resources in forms that ensure the protection of the original habitat of these ethnic communities and the preservation of their traditional way of life" [6, Art. 9; art. 15, art. 24].

According to the third of the above legislative acts, the definition of the indigenous small-numbered peoples of the Russian Federation is fixed, which means "peoples living in the territories of the traditional settlement of their ancestors, preserving their traditional way of life, economic activities and crafts, numbering less than 50 thousand in the Russian Federation people and self-conscious ethnic communities" [7, Art. 1].

Based on this definition, small ethnic communities should be understood as indigenous small peoples, but taking into account the indicated characteristics: a certain territory, their way of life, a small number, self-awareness of an

independent ethnic community. In our opinion, it is rather difficult to understand the sign according to which a small people should be aware of themselves as an independent ethnic community in order to consider themselves an indigenous small people of Russia belonging to a small ethnic community.

Attempts to explain what the above formulation of the law means was made by Russian scientists. So, S.O. Ivanov considered that "The presence of this feature [meaning the awareness of independent ethnic societies] is confirmed by the fact that some Russian citizens consider themselves to be representatives of one of the listed peoples, as well as the fact of the compact settlement of these peoples" [8, p. 96], in fact, including in this feature other signs of a small indigenous people (the name of the people and the territory of their residence).

President of the Association of Indigenous Minorities of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation S.N. Kharyuchi is correct, in our opinion, classifies the awareness of the indigenous small people as an independent ethnic community as a subjective sign, but, unfortunately, does not reveal it [9, p. 17]. N.V. Isaeva, considering the concept of ethnic community, notes that this legal category "does not have a single scientifically grounded and legally enshrined understanding", and also comes to the conclusion that modern legislation regulating, including financial issues of national and cultural autonomies, in ultimately leads to inequality of ethnic communities, depending on their number and population in the territory of the country, which is contrary to article 19 of the Constitution of Russia [10, p. 15, 19].

Along with this, the authors of the modern textbook "Constitutional Law: University Course" (in its first edition) formulated the definition of an ethnic community, indicating that "From the point of view of the majority of domestic and a significant number of foreign authors, an ethnic community is a really existing externally isolated a self-reproducing biosocial community of people with a common identity expressed in an ethnonym (self-name), naturally-historically formed on a single territory under the influence of concomitant natural, economic, social, organizational and managerial factors and possessing distinctive ethnocultural and linguistic characteristics, distinctive features of the psychological make-up character and physiological appearance" [11, p. 174–175]. The specified definition can be taken as a basis for the development of the corresponding definition.

So, the aforementioned Russian laws recognize the right of a citizen of Russia to choose a place of stay and residence within the Russian Federation, as well as the need to regulate issues of protection of national heritage objects, which include specially protected natural areas, and the need to preserve the original socio-economic and cultural development of the indigenous small-numbered peoples of the Russian Federation, protection of their original habitat, traditional way of life, economic activities and crafts. At the same time, in these regulatory legal acts there is no legislative regulation of issues related to the residence in specially protected areas of persons who are not indigenous peoples who lived and live on the land of their ancestors, conduct economic activities and carry out crafts necessary for a normal life. The mention that these persons can live in these territories is not such a regulation and only fixes the obvious.

In modern Russian laws, there is also no norm that explains what should be understood by "awareness of an independent ethnic community", which is required for a people (in the presence of specific characteristics) to be considered an indigenous small people of the Russian Federation. In our opinion, the Unified List of Indigenous Minorities of the Russian Federation, approved by the Resolution of the Government of the Russian Federation dated March 24, 2000, No. 255 [12], which many authors refer to as the fact of such awareness, is clearly not enough to resolve this issue.

Having visited the Olkhon island on Lake Baikal in the summer of 2020, the authors got acquainted with the problems arising in the life and activities in this territory of persons who do not belong to the indigenous peoples (Buryats, Russians) living on this largest Baikal island, where their ancestors lived long before the adoption of the Federal Law "On the Protection of Lake Baikal" [13].

The federal law "On the protection of Lake Baikal" defines the legal basis for the protection of Lake Baikal, including the protection regime, standards for maximum permissible harmful effects and other issues of state regulation in the field of protection of Lake Baikal, but, unfortunately, does not contain specific rules on the residence of Russian citizens and other persons in the ancestral territory, which by this act is defined as the Baikal natural territory. Only, as indicated in this Federal Law, on the Baikal natural territory "territories of traditional nature use are determined", but in the manner established by the legislation of the Russian Federation [13, Art. nine].

Modern legislation in this part is presented so far only by the Federal Law "On the Territories of Traditional Nature Use of the Indigenous Minorities of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation", which "regulates relations in the field of education, protection and use of territories of traditional nature management. for the conduct in these territories of traditional nature management and traditional way of life by persons belonging to small peoples and communities of small peoples, as well as by persons not belonging to small peoples, but permanently residing in places of their traditional residence and traditional economic activity – communities leading the same as small peoples, traditional nature management and traditional way of life, in the manner established by the laws of the constituent entities of the Russian Federation" [14, art. 3], that is, it does not touch upon the issues of residence in protected areas of persons who do not belong to indigenous small peoples, and those who conduct natural resource management differently from indigenous small peoples.

The lack of legislative regulation on the part of the state, that is, questions of how persons of any peoples and nationalities can live and carry out activities in the ancestral territory, which have become especially protected, in the presence of strict regulation of any activity in such territories (with exceptions only for a small number of indigenous peoples), leads to the fact that the interests of people living in the ancestral territories, but who do not belong to small indigenous peoples, are not really taken into account.

Decisions regarding the vital activity of these persons are almost always made not in their favor, since from the point of view of the supervisory authori-

ties, these persons always act as violators, since, say, they fish (catch) fish for their food and possible implementation despite the lack of a license, which is not issued, since they do not belong to indigenous peoples; keep livestock, which, in the opinion of the inspectors, "pollutes the natural territory," which means that the owners of the livestock should be fined, etc.

There are restrictions in the right of these persons not so much to live in the ancestral territory as to carry out activities that allow them to live with dignity. Restriction of human rights is possible, but, as indicated in the Constitution of the Russian Federation, "by federal law only to the extent necessary in order to protect the foundations of the constitutional order, morality, health, rights and legal interests of others, country and state security" [1, h. 3, Art. 55].

In this case, the rights of the indigenous population living in specially protected areas may be limited, most likely in order to protect the rights and legitimate interests of others. But at the same time, one should not forget about the rights of these persons themselves, who do not belong to the indigenous peoples. Restricting their rights to dignified living in their ancestral territory, it is necessary to provide for compensation, which, in our opinion, will be a reasonable solution to the existing problem. Russian scientists have repeatedly noted the obligation of the state to compensate for the rights and freedoms in the event of their limitation, since the highest value is a person, his rights and freedoms, and the recognition, observance and protection of human and civil rights and freedoms is the obligation of the state [15, p. 17; 16, p. 8].

The lack of legislative regulation of the above issues related to the residence of persons who do not belong to small peoples in the ancestral territory recognized as specially protected will lead to protests from this population and massive violations of the law, that is, ultimately – to the problem of state security.

After analyzing the above legislative acts of the Russian Federation, as well as the problems of life and work that arise among people who do not belong to indigenous peoples and live in the ancestral territory, it is proposed to amend the following federal laws:

1) the Federal Law "On Specially Protected Natural Areas", in which in Article 2:

– clause 1 shall be supplemented with sub-clause "e" as follows:

"E) residence in the respective territory of persons for whom this territory is the original residence.";

– add clause 15 as follows:

"15. If the population resides in a territory classified as a specially protected area, the Regulations on a Specially Protected Natural Territory without fail fixes various types of land use by persons living in this territory, including areas for permanent residence of these persons, including residential buildings, baths, sheds and other outbuildings, and areas for keeping and walking livestock and poultry. In the absence of such an opportunity, persons residing in the territory referred to as specially protected areas are provided with one-time and regular payments in the manner established by the Government of the Russian Federation.";

2) to the Federal Law "On the Protection of Lake Baikal":

– to supplement Article 5 with the following paragraph:

"Taking into account the rights and legitimate interests of persons living in the Baikal natural territory";

– the second part of Article 8 shall be supplemented with the following proposals: "In this case, the specified features should ensure the normal life of the population living in the Baikal natural territory. In the absence of an opportunity to ensure the normal life of the population living in the Baikal natural territory, the Government of the Russian Federation shall establish compensatory measures for the persons living in the Baikal natural territory.";

– Clause 1 of Article 14 after the words "established taking into account the results of scientific research in accordance with the legislation of the Russian Federation" shall be supplemented with the words "and also taking into account the population actually living in the Baikal natural territory,".

The proposed measures will restore justice to persons living in the ancestral territory, which was recognized as a specially protected natural territory, including the Baikal natural territory, including eliminating inequality between these persons and the indigenous minorities of Russia, which, of course, will be help to strengthen national security.

Bibliographic list

1. Constitution of the Russian Federation // Official Internet portal of legal information (www.pravo.gov.ru). 2020, July 4, No. 0001202007040001.

2. Federal Law "On Security" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 1. Art. 2.

3. Fundamentals of state policy in the field of environmental development of the Russian Federation for the period up to 2030, approved by the President of the Russian Federation on April 30, 2012 // Official website of the President of the Russian Federation [Electronic resource] // URL: http: // www. kremlin.ru/event/president/news/15177 (date of treatment September 10, 2020).

4. Conflict around Kushtau: chronology, participants and details // Information and political channel "POLIT.RU" [Electronic resource] // URL: https://polit.ru (date of treatment August 30, 2020).

5. Law of the Russian Federation "On the right of citizens of the Russian Federation to freedom of movement, choice of place of stay and residence within the Russian Federation" // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1993. No. 32. Art. 1227.

6. Federal Law "On Specially Protected Natural Areas" // Collected Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 12. Art. 1024.

7. Federal Law "On guarantees of the rights of the indigenous peoples of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 18. Art. 2208.

8. Ivanov S.O. Problems of legal protection of individual peoples of the Russian Federation // Law and Politics. 2004. No. 6. P. 88–99.

9. Kharyuchi S.N. Development of legislation on the protection of the rights of indigenous peoples in the Russian Federation // Journal of Russian law. 2006. No. 7. P. 13–22.

10. Isaeva N.V. Federalization and the constitutional right of peoples to self-determination in the discourse of legal identity // Constitutional and municipal law. 2010. No. 2. P. 15–19.

11. Constitutional law: university course. In 2 volumes. Vol. II: textbook / ed. A.I. Kazannik, A.N. Kostyukov. Moscow: Prospect, 2015. 528 p.

12. Unified list of indigenous small-numbered peoples of the Russian Federation, approved by the decree of the Government of the Russian Federation of March 24, 2000 No. 255 // Collected legislation of the Russian Federation. 2000. No. 14. Art. 1493.

13. Federal Law “On the Protection of Lake Baikal” // Collected Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 18. Art. 2220.

14. Federal law “On the territories of traditional nature management of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 20. Art. 1972.

15. Smirnov A.V. On the question of the criteria for limiting constitutional rights and freedoms: the principle of compensation // Journal of constitutional justice. 2010. No. 1. P. 15–21.

16. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / S. A. Komarov [and others]; ed. S.A. Komarov. 3rd ed., Rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 333 p.

For citation: Vinokurov V.A., Shafigulin K.V. State security and human right to live in the ancestral territory recognized as specially protected // Legal thought. 2020. No. 3 (119). P. 51–58. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.004

УДК 340.1
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.005

Особенности формирования доходной части бюджетов финляндских муниципалитетов после реформы 1995 года

Р.Н. Дусаев*
Р.В. Туманов**

Аннотация. Эта статья посвящена вопросам, связанным с особенностями формирования муниципальных бюджетов Финляндии после принятия Муниципального Кодекса 1995 года. Авторы анализируют новые источники поступления доходов в муниципальные бюджеты. Также они анализируют особенности налогообложения муниципальных концернов и консорциумов, которые были созданы некоторыми муниципалитетами при взаимном сотрудничестве.

Также тут сказано об экономической помощи и попытках государства стимулировать развитие муниципалитетов во время экономического кризиса, как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

Кроме того, в этой статье авторы также анализируют новые общегосударственные долгосрочные программы по выравниванию экономического развития муниципалитетов с низкими и высокими доходами.

Ключевые слова: Муниципальный кодекс, муниципальный бюджет, муниципальный концерн, межмуниципальный консорциум, краткосрочная и долгосрочная программа экономического развития муниципалитета, общегосударственные программы по выравниванию экономического потенциала муниципалитетов с высоким и низким уровнем доходов.

Для успешного исполнения муниципалитетами своих многочисленных функций по обслуживанию своих граждан и созданию им комфортной жизни требуются немалые финансовые средства, которые концентрируются в доходных частях их бюджетов. Прежде всего, последние образуются за счет подоходных налогов, собираемых с граждан муниципалитетов, а также налогов с собственности, принадлежащей им. Кроме того, в эти доходные части идут поступления от землеустройства и землепользования на территории тех же муниципалитетов, от штрафов, за административные правонарушения, совершенные там же, от различного рода комиссионных сборов и пенни в пользу муниципальных органов и т.п. Важным источником доходов является также определенная

* ***Дусаев Ростислав Науфальдович,*** профессор кафедры теории права и гражданско-правовых дисциплин Петрозаводского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. E-mail: iel@petrsu.ru

** ***Туманов Роман Викторович,*** заведующий кафедрой теории права и гражданско-правовых дисциплин Петрозаводского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: rvtumanov@yandex.ru

часть от корпоративного налога, если на территории муниципалитета расположена штаб-квартира или производственные мощности корпораций. Кроме того, с 2007 года доходная часть также формируется за счет части прибыли предприятий местной промышленности и торговли, объединенных в так называемые муниципальные концерны. Последняя составила ¼ доходов муниципальных бюджетов. Кроме того, возможны создания межмуниципальных концессий и их так называемых консолидированных бюджетов. В финляндских муниципалитетах также осуществляется государственная политика «выравнивания» доходов за счет перераспределения части «сверхприбыли» наиболее богатых муниципалитетов в пользу бедных. Помимо индивидуальной «точечной» помощи наиболее бедным муниципалитетам, существует практика государственного дотирования экономически слабых самоуправляющихся административных единиц, а также государственные программы развития наиболее редконаселенных муниципальных территорий и отделённых от центров экономического развития муниципалитетов.

Реформа местного самоуправления, прошедшая в Финляндской Республике в 1995 году, была шестым преобразованием коммунальной системы этой страны после достижения государственной независимости [20, с. 285–297). Муниципальный Кодекс 1995 года стал более компактным, с более выверенными временем и четкими определениями, чем его предшественники 1948 и 1976 годов. Но основная цель Кодекса состояла, как и в прежние годы – в достижении высокого уровня обслуживания людей, проживающих на территории муниципалитетов, чтобы способствовать достижению ими более комфортабельной жизни. Сейчас в Финляндии именно муниципалитеты руководят деятельностью предпринимателей, предоставляющих различного рода услуги их резидентам. Органы местного самоуправления в условиях кризиса пытаются сохранить рабочие места в общинах и даже создать новые. Ими же обеспечивается эффективное землепользование и охрана окружающей среды в пределах их границ [2, с. 13; 6; 10, с. 248–249].

Для достижения этих целей финляндские муниципалитеты были наделены значительной компетенцией, закрепленной Муниципальном Кодексе 1995 года. Она включает в себя те полномочия, которые необходимы для выполнения задач, поставленных Кодексом. На нее также влияют «Инструкции», которые принимаются советами каждого муниципалитета и определяют так называемую «специальную компетенцию» муниципалитетов [2, с. 17].

Поскольку Финляндия является членом Евросоюза, то стабильность этой специальной компетенции гарантируется Европейской Хартией о самоуправлении 1985 года [11, с. 84].

Многочисленные функции, осуществляемые подразделениями муниципальных правлений, учреждений и предприятий требуют немалого финансового обеспечения. Средства на них расписаны в доходных частях муниципальных бюджетов ежегодно принимаемых муниципальными правлениями (представительными органами).

Как уже упоминалось, доходная часть бюджета обычно состоит из поступлений от подоходных налогов, получаемых от резидентов, в число которых входят не только жители данного муниципалитета, но и с 70-х годов XX века – корпорации, основные производственные фонды которых раз-

мещены на территории данного муниципалитета [6, § 65, 4 osa]. Естественно, что муниципалитет получает лишь определенную толику корпоративного налога, большая часть которого по-прежнему уплачивается по месту нахождения штаб-квартиры корпорации. Законом предусмотрены также гарантии от двойного налогообложения. Доходная часть муниципального бюджета пополняется также за счет различного рода пошлин за выдачу разнообразных свидетельств и платежей за разные виды коммунального обслуживания физических и юридических лиц, расположенных на территории муниципалитета. Туда же зачисляются поступления из иных источников (например, от налога с оборота предприятий местной промышленности – так называемых «дочерних компаний», расположенных в муниципалитетах) [6, § 65, 4 osa].

Расходы муниципальных органов осуществляются строго в соответствии с бюджетами. При этом определено как и на что должны тратиться выделенные на различные цели средства. Изменения могут быть произведены только по специальному решению муниципального совета [3, с. 301–306].

После принятия последней статьи муниципального бюджета советами муниципалитета, данный орган должен определить и установить размер местной (муниципальной) ставки подоходного налога, ставку налога на имущество (недвижимость), а также определить иные налоговые (фискальные) критерии [6, § 66].

В связи с последними упомянутыми деталями, следует подчеркнуть, что в доходную часть муниципального бюджета с 2007 года входят налоги с прибыли предприятий местной промышленности, торговли и сельского хозяйства (в том числе и рыболовства, и оленеводства), которые существенно пополняют бюджеты некоторых муниципалитетов.

В Муниципальный Кодекс был, в качестве дополнения, введен §16а, в котором указывалось: «Любое объединение, преследующее экономические цели, в котором существует (и работает) бухгалтер считается «дочерним» предприятием муниципалитета. Такое дочернее объединение называется муниципальным концерном». Последний относится к компаниям с ограниченной ответственностью.

Поскольку развитие экономики муниципалитета имеет большое значение для повышения его доходов, для облегчения налогового бремени на его граждан-резидентов и, в конечном итоге, отражается на развитии муниципалитета в целом, то, начиная с 2007 года, когда появились первые муниципальные концерны, в Муниципальный Кодекс было введено и другое дополнение в виде § 25а. Где закрепляется, что «… в руководство муниципальным концерном входят все члены правления муниципалитета, глава муниципалитета и мэр, а также другие муниципальные должностные лица, согласно «Инструкции», разрабатываемой и принимаемой муниципальным советом» [6, § 25а, 1 osa].

Руководство концерна ответственно за эффективное управление последним, за организацию контроля деятельности концерна [6, § 25а, 2 osa].

С момента организации эффективной деятельности концернов возросло денежное содержание муниципальных служащих без увеличения налогового бремени непосредственно на жителей муниципалитетов. Кроме того, концерны заметно повысили свою прибыль, так как мотивированные муниципальные должностные лица создают в границах муниципалитета режим наиболь-

шего благоприятствования для своих муниципальных концернов. Указанное новшество позволило с наименьшими потерями финляндским муниципалитетам выбраться из рецессии 2008 года и, вероятно, поможет преодолеть последствия экономического кризиса, вызванного пандемией 2020 года.

Деятельность муниципальных концернов находится под строгим и неустанным аудиторским контролем ревизионной муниципальной комиссии – единственной постоянной комиссии, избираемой непосредственно жителями муниципалитета, подобно выборам его главы и членов муниципального Совета.

Дополнительной юридической гарантией от возможных злоупотреблений должностных лиц, руководящих муниципальными концернами, являются положения § 68a Муниципального Кодекса, в котором прописаны особенности составления баланса муниципалитета, обладающего собственными концерном. Муниципалитет, чьи дочерние предприятия образовали муниципальный концерн обязан включать в свой консолидированный баланс в качестве его составной части – баланс муниципального концерна [6, § 68a].

При распространившемся в Финляндии после II Мировой войны двустороннем и многостороннем сотрудничестве муниципалитетов (так как последним не хватало собственных средств сначала на восстановление муниципального хозяйства – муниципальной экономики, а позднее – на строительство и совместное содержание малых межмуниципальных электростанций, межрайонных клиник и больших специализированных профессиональных училищ-колледжей, ай-ти центром и т.д.) в образуемый консолидируемый баланс двух или большего числа тесно сотрудничающих муниципалитетов – так называемого «межмуниципального консорциума» включались балансы муниципальных концернов, образованных ими.

Балансы концернов, как и балансы муниципалитетов, образовавших консорциум, должны быть представлены одновременно с консолидированным балансом консорциума [6, § 68a].

Таким образом, муниципалитеты могут образовывать предприятия (местной промышленности и торговли, объединенные в концерны), которые могут предоставлять свои услуги как внутри, так и вне границ подобного муниципального объединения. Эти предприятия-концерны муниципальных консорциумов также относятся к компаниям с ограниченной ответственностью [8, с. 288; 20].

Кризисы 2008 и 2014 годов показали, что муниципалитет может организовать, инвестировать и финансировать текущий сравнительно высокий уровень своих сервисов за счет будущих поколений (в этом случае муниципалитет производит заимствование средств, отдавать которые придется в будущем, увеличив тогда налоговое бремя резидентов). Хотя это навряд ли будет справедливо по отношению к будущему поколению, но существует надежда, что к тому времени страна выберется из кризиса и доходы резидентов возрастут [13, с. 167–170].

Муниципальное сотрудничество также подтолкнуло финляндских ученых к созданию нового метода выхода из кризисной ситуации – так называемому «эффекту масштаба». В межмуниципальных консорциумах создаются области совместного сотрудничества муниципалитетов, когда для их

поддержки объединяются одноименные фонды муниципального бюджетного финансирования. В созданные межмуниципальные службы, учреждения и предприятия (концерны) привлекаются лучшие специалисты сотрудничающих муниципалитетов. Внутренняя межмуниципальная конкуренция сотрудников в борьбе за вакантные места в образованных службах, учреждениях и предприятиях консорциума ведет к повышению производительности их труда, к появлению более высокопродуктивных сервисов у консорциума. Это способствует созданию с течением времени более благоприятных условий для развития муниципалитетов, которые успешно используются системами управления при проведении политики «эффекта масштаба» [17].

При помощи грантов и государственных дотаций у муниципалитетов возникает возможность для создания привлекательной инфраструктуры для перемещения на его территорию новых резидентов и предприятий с высоким уровнем доходов. К сожалению, это возможно лишь в долгосрочной, а не в краткосрочной перспективе [8, с. 291].

В краткосрочной перспективе возможности муниципалитета по увеличению своих доходов за счет муниципального (подоходного) налога и налогов на недвижимость ограничены относительной стабильностью налоговых ставок. Так за начало нынешнего десятилетия, как подсчитали в общефинляндском союзе муниципалитетов, величина налоговых поступлений в доходную часть бюджетов муниципалитетов не превысила половины общего объема поступлений в нее. В то время как доходы от прибыли, полученной картелированными предприятиями местной муниципальной промышленности и торговли, превысили четверть средств доходной части муниципального бюджета. Руководители муниципалитетов были весьма осторожны с займами (к тому же, долгосрочные займы с низкой процентной ставкой очень сложно получить), а потому величина займов, полученных муниципалитетами, не превысила пяти процентов доходной части муниципальных бюджетов. Весомую часть, превысившую четверть объема доходных бюджетных поступлений, составили дотации со стороны государства [18, с. 25].

Государственные дотации муниципалитетам первоначально были связаны с делегированием последним некоторых полномочий (например, по регистрации актов гражданского состояния). Позднее с помощью дотаций государство помогало муниципалитетам в кризисных ситуациях и пыталось выравнивать экономические различия между бедными и богатыми муниципалитетами [8, с. 290].

Кроме того, государство стало перераспределять часть «сверхдоходов» богатых муниципалитетов в пользу бедных. Но не стоит абсолютизировать этот метод, так как он может породить иждивенческие настроения у бедных муниципалитетов. А у богатых муниципалитетов постоянное проведение подобных вычетов может привести к снижению их деловой активности.

Помимо помощи отдельным экономически слабым муниципалитетам во второй половине этого десятилетия финляндское государство разработало и приняло ряд долгосрочных программ по повышению эффективности муниципальной политики по всей стране.

Так, например, в 2014 году в соответствие с программой долгосрочного развития территорий (2002 года) был принят «Закон о развитии и струк-

турном совершенствовании регионов», в котором предусматривалось: поддержание баланса развития регионов, диверсификация их экономической структуры, содействие сохранению рабочих мест в муниципалитетах и профессиональному обучению населения, повышение экономического потенциала муниципалитетов, развитие их производственной и сельскохозяйственной специализации наряду с сохранением традиционных для них ремёсел. И наконец – сближение экономических возможностей муниципалитетов путем первоначального выравнивания их экономического профиля, а затем – ускоренного развития их потенциала [1].

Главной целью для муниципалитетов Восточной и Северной Финляндии с низкой плотностью населения является стимулирование роста их населения. В соответствие с ней, в зону интенсивного развития (с государственной помощью) включены регионы Южного и Северного Саво, Северной Карелии, Центральной Остроботнии, Северной Остроботнии и Лапландии, так нуждающиеся в дополнительном стимулировании их развития [1]. Таким образом, Восточная и Северная Финляндия непосредственно являются объектами программы дополнительного стимулирования и государственной помощи. Этим регионам следовало оказать государственную в первую очередь, так как они в ней остро нуждались из-за своего бедственного состояния.

Во вторую очередь, в зону дополнительной государственной помощи оказались включёнными муниципалитеты: Сало, Сомеро, Каннакоски, Карстула, Киннула, Кивиярви, Кююярви, Пихтинудас, Саариярви, Виитасаари и Конневеси [1].

Остальная часть Финляндии отнесена к третьей очереди, в которой уровень материального стимулирования муниципалитетов все еще невысок, а открытие больших (промышленных, обрабатывающих или сельскохозяйственных) предприятий является неприемлемым, в каких бы целях их не пытались создать [12; 14, с. 16; 16]. Эти три очереди вошли в так называемую «модель перераспределения доходов» муниципалитетов.

Дальнейшим шагом роста доходов бедных общин стало создание системы развития муниципалитетов Финляндии согласно плану-проекту Министерства Экономических отношений и Трудовой занятости. К сожалению, полной реализации его положений пока мешают два фактора: отставка в 2019 году правительства, которое его разработало, и экономический кризис, вызванный пандемией 2020 года.

Взаимоотношения между государством и муниципалитетами характеризуются увеличением финансовой помощи последним (в виде разного рода дотаций, перераспределения сверхдоходов богатых муниципалитетов в пользу бедных, создания государственных долгосрочных программ по финансовой помощи и развитию муниципалитетов, находящихся в экономически отсталых регионах страны и т.п.).

Подобная усиливающаяся помощь со стороны государства, особенно в кризисные периоды, ведет к повышению государственного контроля над муниципалитетами формально при сохранении их автономного самоуправления.

Подводя итоги, можно отметить, что Муниципальный Кодекс 1995 года, по сути дела, юридически оформил новое направление муниципального

самоуправления. Оно объединило в себе разнообразную деятельность муниципалитетов, направленную на предоставление социальных благ и комфортное проживание резидентов муниципалитетов, которая должна сопровождаться максимальной эффективностью работы их исполнительно-распорядительного аппарата при рачительном расходовании выделенных на то средств муниципальных бюджетов.

В конце 90-х – начале 2000-х годов значительно диверсифицировались функции финляндских муниципалитетов. К сожалению, последнее не сопровождалось столь же бурным развитием муниципальной экономики (хозяйства). Как свидетельствуют сами финляндские ученых, пока еще муниципалитеты покрывали лишь три четверти их расходов благодаря сбору налогов (как с их резидентов, так и с определенной части корпоративных налогов), доходам их муниципальных концернов, а также различных платежей и пошлин и другим источникам доходов. Одна четвертая средств доходной части муниципальных бюджетов формировалась из государственных дотаций и перераспределения «сверхприбылей» богатых муниципалитетов в пользу бедных, долгосрочных правительственных программ развития «бедных» муниципалитетов [4, с. 261; 5, с. 157–184].

Как свидетельствуют финляндские ученые, пока еще остается значительный разрыв между доходными частями бюджетов богатых и бедных муниципалитетов, несмотря на попытки правительства сгладить его благодаря индивидуальным дотациям и общегосударственным экономическим программам [9, с. 239]. Однако, до сих пор, несмотря на предпринимаемые государством титанические усилия ему не удается создать полностью автономную от государства муниципальную экономику, которая обеспечивала бы всем муниципалитетам Финляндии перманентное поступательное экономическое развитие [15, с. 62]. Тем более, что этому помешали экономические кризисы 2008, 2014 и 2020 годов.

Библиографический список

1. Aluekehityslaki 2014 // URL (osoite): http://www.finlex.fi/fi/laki/alkup/2014/20140007

2. Hakamäki S., Harsitalo R., Hoikka P. An introduction to local government activities, administration and finance in Finland. Tampere, 1998.

3. Hannus A. Uusi Kunnanlaki. Helsinki, 1994.

4. Heuru K. Development of Municipal Administration in Finland // Kunnallistieteellinen Aikakauskirja. 2003. № 4.

5. Heuru K., Mennola E., Ryynänen A. Kunnallinen itsehallinto. Kunnallisoikeuden perusteet. Helsinki, 2008.

6. Kuntalaki 17.III.1995, № 365, §§ 1–109 // URL:https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/kumotta/1995/19950365, luettu 06.03.2020

7. Nyholm I., Haveri A., Majoinen K., Pekola-Sjöblom 2017. Tulevaisuuden kunta. Suomen kuntaliitto, Tampereen yliopisto, Valtiovarainministeriö. Helsinki, 2017.

8. Meklin P., Vakkuri J. Kuntien itsehallinnon taloudellinen perusta // Haveri A., Stenvall J., Majonen K. Ja toiset Kunnallisen itsehallinon peruskivet. Helsinki, 2011.

9. Pekola-Sjöblom M. Kuntalaisten mielipiteet ja kuntalaisuus elävän itsehallinnon tason määrittäjänä ja vahvistajana // Haveri A., Stenvall J., Majonen K. Kunnallisen itsehallinon peruskivet. Helsinki, 2011.

10. Pulma P. Kuntien itsehallinto, paikallinen demokratia ja valtio // Savolainen R (toim) Oma hallinto. Kansakunta rakentamassa 1809–2009. Helsinki, 2009.
11. Sallinen S. Kunnan itselen ottamat tehtävät ja nüden oikeudelliset rennaehdot. Tampere, 2007.
12. SANK 2017. Saaristoasiain neuvottelukunta // URL: http://www.finlex.fi/ sank luettu 06.03.2020.
13. Sunervo L.M. Monitulkintaisuus ja kuntatalouden tasapaino // Vakkuri J. (toim) Parasmahdollinen julkishallinto Tehokuuden monet tulkinnat. Helsinki, 2009.
14. Synberg K. Administrative reform and regional Policy in Finland: the past and future. Jyväskylä, 2017.
15. Tarasti L. 2016. Valtion aluehallinnonon ja maakuntahallinnon uudistaminen – lukuun ottamatta sosiaali – ja tervenden – huollon uudistamista / Valtiovarainministeriön julkaisu. Helsinki, 2016, N:o 3.
16. TEM 2017. Regional development system // URL: http://www.tem.fi/ew/ objectives/and/planning/of/regional/development. Alueiden kehittämislaki 2014 (accessed 20.03.2020).
17. Tilastokeskus. Kuntien ja kuntayhtyminet talous ja toimikunta // URL: http:// www.stat.fi/til/ktt/index.html luettu 18.04.2020.
18. Tilastokeskus. Kuntapalvelujen pelastusohjelma 2010–2013. Tulot ja menot. Kuntaliitto. Helsinki, 2013.
19. Valtiovarainministerio. Kunnan toiminta kilpailutilantessa markkinoilla ja toiminnan yhtinöittäminen / Valtiovarain – ministeriön julkaisuja. Helsinki, 2010. N:o 33.
20. Дусаев Р.Н., Сюнберг К.К. Эволюция законодательства Финляндии о городском самоуправлении // Таболин В.В. Город в теории и практике: правовые и урбанологические аспекты. М., 2020.

Для цитирования: *Дусаев Р.Н., Туманов Р.В.* Особенности формирования доходной части бюджетов финляндских муниципалитетов после реформы 1995 года // Юридическая мысль. – 2020. – № 3 (119). – С. 59–66. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.005

Features of the formation of the revenue side of the budgets of Finnish municipalities after the reform of 1995

Rostislav N. Dusaev*
Roman V. Tumanov**

Annotation. This article deals with questions peculiarities of Finland's municipal budgets formation after passing the Municipal Code of 1995. Authors analyze new sources of revenue return into municipal budgets. Also they analyze peculiarities of taxation to municipal concerns and consortiums, which were created by some of municipalities under mutual cooperation.

* ***Dusaev Rostislav Naufaldovich***, Professor of the Department of Theory of Law and Civil Law Disciplines of Petrozavodsk State University, Doctor of Law, Professor. E-mail: iel@petrsu.ru

** ***Tumanov Roman Viktorovich,*** Head of the Department of Theory of Law and Civil Law Disciplines of Petrozavodsk State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor. E-mail: rvtumanov@yandex.ru

It also talks about economic assistance and the state's attempts to stimulate the development of municipalities during the economic crisis, both in the short and long term.

There also was said economical aid about and attempts by the state to stimulate development of municipalities at the time of economical crisis as in shatters as in long term perspective.

Beside that in this article authors also analyze new common to whole state bong term programs about equalization of economical development of municipalities' with high level and low level incomes.

Keywords: Municipal code, municipal budget, municipal concern, inter-municipal consortium, short – term and long-term program of economic development of the municipality, national programs to equalize the economic potential of municipalities with high and low incomes.

For municipalities to successfully perform their many functions of serving their citizens and creating a comfortable life for them, considerable financial resources are required, which are concentrated in the revenue parts of their budgets. First of all, the latter are formed by income taxes collected from citizens of municipalities, as well as taxes on property belonging to them. In addition, these revenue units receive income from land management and land use in the same municipalities, from fines for administrative offenses committed there, from various types of Commission fees and pennies in favor of municipal bodies, etc.

An important source of income is also a certain part of the corporate tax, if the headquarters or production facilities of corporations are located on the territory of the municipality. In addition, since 2007, the revenue part is also formed from a part of the profits of local industry and trade enterprises United in so-called municipal concerns. The latter accounted for ¼ of municipal budget revenues. In addition, it is possible to create inter-municipal concessions and their so-called consolidated budgets.

Finnish municipalities also have a state policy of "equalizing" income by redistributing some of the "super-profits" of the richest municipalities to the poorer ones. In addition to individual "targeted" assistance to poorer municipalities, there is a practice of state subsidies to economically weak self-governing administrative units, as well as through state programs.

The reform of local self-government that took place in the Republic of Finland in 1995 was the sixth transformation of the municipal system of this country after the achievement of state independence [20, p. 285–297). According to it, the Municipal Code of 1995 has become more compact, with more precise time and clear definitions than its predecessors of 1948 and 1976. But the main goal of the Code was, as in previous years, to achieve a high level of service for people living in municipalities in order to help them achieve a more comfortable life.

Now in Finland, it is the municipalities that manage the activities of entrepreneurs who provide various services to their residents. Local governments in times of crisis are trying to save jobs in communities and even create new ones. They also ensure efficient land use and environmental protection within their borders [2, p. 13; 6, p. 13; 10, p. 248–249].

To achieve these goals, Finnish municipalities were given significant competence, as stipulated in the 1995 Municipal Code. It includes the powers that are necessary to perform the tasks set by the Code. It is also influenced by the "Instructions" that are adopted by the councils of each municipality; the latter define the so-called "special competence" of municipalities [2, p. 17].

Since Finland is a member of the European Union, the stability of this special competence is guaranteed by the European Charter of self-government of 1985 [11, p. 84].

Numerous functions performed by divisions of municipal boards, institutions and enterprises require considerable financial support. Funds for them are written in the revenue parts of municipal budgets adopted annually by municipal boards (representative bodies).

As already mentioned, the revenue part of the budget usually consists of income tax revenues received from residents, which include not only residents of the municipality, but also from the 70s of the XX century-corporations whose main production assets are located on the territory of this municipality [6, § 65, 4 osa].

Naturally, the municipality receives only a certain amount of corporate tax, most of which is still paid at the location of the corporate headquarters. The law also provides for guarantees against double taxation. The revenue part of the municipal budget is also replenished by various types of fees for issuing various certificates and payments for various types of public services for individuals and legal entities located on the territory of the municipality. Revenues from other sources (for example, from the turnover tax of local industrial enterprises – so-called "subsidiaries" located in municipalities) are also credited there [6, § 65, 4 osa].

Expenditures of municipal bodies are carried out strictly in accordance with budgets. At the same time, it is determined how and on what the funds allocated for various purposes should be spent. Changes can only be made by a special decision of the municipal Council [3, p. 301–306].

After the adoption of the last article of the municipal budget by the municipal councils, this body must determine and set the amount of the local (municipal) income tax rate, the property (real estate) tax rate, as well as determine other tax (fiscal) criteria [6, § 66].

In connection with the last mentioned details, it should be emphasized that the revenue part of the municipal budget since 2007 includes taxes on the profits of local industry, trade and agriculture (including fishing and reindeer husbandry), which significantly Supplement the budgets of some municipalities.

The Municipal Code was supplemented by section 16A, which stated: "Any Association that pursues economic goals, in which an accountant exists (and works), is considered a "subsidiary" of the municipality. Such a subsidiary is called a municipal concern". The latter applies to limited liability companies.

Since the development of the municipality's economy is of great importance for increasing its income, easing the tax burden on its resident citizens, and ultimately affecting the development of the municipality as a whole, since 2007, when the first municipal concerns appeared, another addition was introduced to the Municipal Code in the form of § 25A. Where it is stated that "... the

management of the municipal concern includes all members of the municipal Board, the head of the municipality and the mayor, as well as other municipal officials, according to the "Instructions" developed and adopted by the municipal Council" [6, § 25A, 1 osa].

The management of the concern is responsible for the effective management of the latter, for organizing the control of the group's activities [6, § 25A, 2 osa].

Since the organization of effective activities of the concerns, the monetary support of municipal employees has increased without increasing the tax burden directly on the residents of municipalities. In addition, concerns have significantly increased their profits, as motivated municipal officials create a most-favored-nation regime for their municipal concerns within the municipality's borders. This innovation allowed Finnish municipalities to recover from the 2008 recession with the least losses and is likely to help overcome the consequences of the economic crisis caused by the 2020 pandemic.

The activities of municipal concerns are under the strict and relentless audit control of the municipal audit Commission, the only permanent Commission directly elected by the residents of the municipality, similar to the election of its head and members of the municipal Council.

An additional legal guarantee against possible abuse by officials who manage municipal concerns is the provisions of section 68A of the Municipal Code, which prescribes the specifics of drawing up the balance sheet of a municipality that has its own concerns. A municipality whose subsidiaries have formed a municipal concern must include in its consolidated balance sheet, as part of it, the balance sheet of the municipal concern [6, § 68A].

When bilateral and multilateral cooperation of municipalities spread in Finland after World war II (since the latter lacked their own funds first for the restoration of the municipal economy-the municipal economy, and later for the construction and joint maintenance of small inter-municipal power plants, inter-district clinics and large specialized vocational schools – colleges, it centers, etc.), the consolidated balance of two or more closely cooperating municipalities-the so-called "inter-municipal consortium" – included the balances of municipal concerns formed by them.

The balance sheets of concerns, as well as the balance sheets of municipalities that have formed a consortium, must be presented simultaneously with the consolidated balance sheet of the consortium [6, §68A].

So, municipalities can form enterprises (local industry and trade, United in concerns) that can provide their services both inside and outside the borders of such a municipal Association. These enterprises-concerns of municipal consortia also belong to limited liability companies [8, p. 288; 20].

The crises of 2008 and 2014 showed that the municipality can organize, invest and Finance the current relatively high level of its services at the expense of future generations (in this case, the municipality borrows funds that will have to be paid back in the future, then increasing the tax burden of residents). Although this is unlikely to be true for the next generation, it is hoped that by that time the country will get out of the crisis and the income of residents will increase [13, p. 167–170].

Municipal cooperation has also prompted Finnish scientists to create a new method of overcoming the crisis – the so-called "scale effect". In inter-municipal consortia, areas of joint cooperation of municipalities are created when the same-named funds of municipal budget financing are combined to support them. The best specialists of the cooperating municipalities are involved in the created inter-municipal services, institutions and enterprises (concerns). Internal inter-municipal competition of employees in the struggle for vacancies in the consortium's educational services, institutions and enterprises leads to an increase in their labor productivity and the appearance of more highly productive services for the consortium. This contributes to the creation of more favorable conditions for the development of municipalities over time, which are successfully used by management systems in implementing "economies of scale" policies [17].

By the help of grants and state grants, municipalities have the opportunity to create an attractive infrastructure for moving new residents and high-income businesses to its territory. Unfortunately, this is only possible in the long term, not in the short term [8, p. 291].

In the short term, the ability of a municipality to increase its income through municipal (income) tax and real estate taxes is limited by the relative stability of tax rates. So at the beginning of this decade, as calculated in the all-Finland Union of municipalities, the amount of tax revenues in the revenue part of the budgets of municipalities did not exceed half of the total revenue to it. While the income from profits received cartellone enterprises, local industry and trade, over a quarter of funds revenues of the municipal budget.

Municipal leaders were very careful with loans (in addition, long-term loans with low interest rates are very difficult to obtain), and therefore the amount of loans received by municipalities did not exceed five percent of the revenue of municipal budgets. A significant part, which exceeded a quarter of the volume of budget revenues, was made up of grants from the state [18, p. 25]. State grants to municipalities were initially associated with the delegation of certain powers to the latter (for example, civil registration). Later, with the help of grants, the state helped municipalities in crisis situations and tried to equalize the economic differences between poor and rich municipalities [8, p. 290].

In addition, the state began to redistribute part of the "super-income" of rich municipalities in favor of the poor V. But do not absolutize this method, as it can create a dependent mood in poor municipalities. And for rich municipalities, the constant implementation of such deductions can lead to a decrease in their business activity. In addition to helping some economically weak municipalities, the Finnish state has developed and adopted a number of long-term programs to improve the effectiveness of municipal policies throughout the country in the second half of this decade.

For example, in 2014, in accordance with the program of long-term development of territories (2002), the "Law on development and structural improvement of regions" was adopted, which provided for: maintaining the balance of regional development, diversifying their economic structure, promoting the preservation of jobs in municipalities and professional training of the population, in-

creasing the economic potential of municipalities, developing their production and agricultural specialization, along with preserving their traditional crafts. Finally, the convergence of economic opportunities of municipalities by initially leveling their economic profile, and then-accelerated development of their potential [1].

The main goal for low-density municipalities in Eastern and Northern Finland is to encourage their population growth. In accordance with it, the zone of intensive development (with state assistance) includes the regions of southern and Northern Savo, Northern Karelia, Central Ostrobothnia, Northern Ostrobothnia and Lapland, so in need of additional stimulation of their development [I]. Thus, Eastern and Northern Finland are directly subject to the program of additional incentives and state assistance. These regions should have been provided with state aid in the first place, as they were in dire need of it due to their poor condition. Second, the following municipalities were included in the zone of additional state aid: Salo, Somero, Kannakoski, Karstula, Kinnula, Kivijarvi, Kujjarvi, Pihtinudas, Saarijarvi, Viitasaari and Konnevesi [1].

The rest of Finland is assigned to the third stage, where the level of financial incentives for municipalities is still low, and the opening of large (industrial, manufacturing or agricultural) enterprises is unacceptable, for whatever purpose they are not trying to create [14, p. 16; 12; 16]. These three stages were included in the so-called “revenue redistribution model” of municipalities. A further step in increasing the income of poor communities was the creation of a system for the development of municipalities in Finland according to the project plan of the Ministry of Economic relations and Employment. Unfortunately, the full implementation of its provisions is still hindered by two factors: the resignation in 2019 of the government that developed it and the economic crisis caused by the 2020 pandemic.

The relationship between the state and municipalities is characterized by an increase in financial assistance to the latter (in the form of various types of subsidies, redistribution of profits of rich municipalities in favor of poorer ones, creation by the state of long-term financial assistance programs and development of municipalities located in economically backward regions of the country, etc.). This increase in state support, especially in times of crisis, leads to increased state control over municipalities formally while maintaining their autonomous self-government.

Summing up, it can be noted that the Municipal Code of 1995, in fact, legally formalized a new direction of municipal self-government. It combines a variety of activities of municipalities aimed at providing social benefits and comfortable living for residents of municipalities, which should be accompanied by the maximum efficiency of their Executive and administrative apparatus, while carefully spending the funds allocated for this purpose from municipal budgets.

In the late 1990s and early 2000s, the functions of Finnish municipalities were significantly diversified. Unfortunately, the latter was not accompanied by the same rapid development of the municipal economy (economy). According to the Finnish experts themselves, so far municipalities have covered only three-quarters of their expenses due to tax collection (both from their residents and from a certain part of corporate taxes), the income of their municipal con-

cerns, as well as various payments and duties, and other sources of income. A quarter of municipal budget revenues were generated by state subsidies and the redistribution of “super-profits” from wealthier municipalities in favor of poorer, long-term state development programs for “poor” municipalities [4, p. 261; 5, p. 157–184].

According to Finnish scientists, there is still a significant gap between the revenue parts of the budgets of rich and poor municipalities, despite the government's attempts to smooth it out through individual subsidies and national economic programs [9, p. 239]. However, so far, despite the Titanic efforts made by the state, it has not been able to create a fully autonomous municipal economy that would ensure permanent progressive economic development for all municipalities in Finland [15, p. 62]. Moreover, this was prevented by the economic crises of 2008, 2014 and 2020.

Bibliographic list

1. Regional Development Act 2014 // URL (address): http://www.finlex.fi/fi/laki/alkup/2014/20140007

2. Hakamäki S., Harsitalo R., Hoikka P. An introduction to local government activities, administration and finance in Finland. Tampere, 1998.

3. Hannus A. New Municipal Law. Helsinki, 1994.

4. Heuru K. Development of Municipal Administration in Finland // Kunnallistieteen Aikakauskirja. 2003.

5. Heuru K., Mennola E., Ryynänen A. Municipal self-government. The basics of municipal law. Helsinki, 2008.

6. Municipal Act 17. III. 1995, № 365, §§ 1–109 / / URL: https:/ / www. finlex. fi / Fi/law / timeline/nultatta / 1995 / 19950365, read 06.03.2020

7. Nyholm I., Haveri A., Majoinen K., Pekola-Sjöblom 2017. Municipality of the future. Finnish Municipal Association, University of Tampere, Ministry of Finance. Helsinki, 2017.

8. Meklin P., Vakkuri J. Economic foundation of municipal self-government // Haveri A., Stenvall J., Majonen K. and others the foundation stones of municipal self-government. Helsinki, 2011.

9. Pekola-Sjöblom M. Opinions and communality of municipalities as a determiner and affirmer of the living level of self-government // Haveri A., Stenvall J., Majonen K. The foundation stones of municipal self-government. Helsinki, 2011.

10. Pulma P. Municipal autonomy, local democracy and state // Savolainen R (toim) own administration. Nation building 1809–2009. Helsinki, 2009.

11. Sallinen S. The tasks of the municipality itself and the legal conditions of nüde. Tampere, 2007.

12. SANK 2017. Advisory board on archipelago Affairs // URL: http://www.finlex.fi/sank read 06.03.2020.

13. Sunervo L. M. Ambiguity and balance of municipal economy / / Vakkuri J. (toim) best possible public administration many interpretations of power efficiency. Helsinki, 2009.

14. Synberg K. Administrative reform and regional Policy in Finland: the past and future. Jyväskylä, 2017.

15. Tarasti L. 2016. Reform of state regional administration and provincial administration – except for welfare and health care reform / Ministry of finance publication. Helsinki, 2016, No 3.

16. TEM 2017. Regional development system // URL: http://www.tem.fi/ew/objectives/and/planning/of/regional/development. Regions Development Act 2014 (accessed 20.03.2020).

17. Statistics Finland. Municipalities and municipal associations economy and commission // URL: http://www.stat.fi/til/ktt/index.html read 18.04.2020.

18. Statistics Finland. Municipal services rescue programme 2010–2013. Income and expenditure. Municipal Association. Helsinki, 2013.

19. Treasury. Municipal activities in competitive situations in the market and the incorporation of activities / publications of the Ministry of Finance. Helsinki, 2010. No 33.

20. Dusaev R.N., Syunberg K. K. Evolution of Finnish legislation on urban self-government // Tabolin V. V. City in theory and practice: legal and urban aspects. Moscow, 2020.

For citation: Dusaev R.N., Tumanov R.V. Features of the formation of the revenue side of the budgets of Finnish municipalities after the reform of 1995 // Legal thought. 2020. No. 3 (119). P. 66–73. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.005

УДК 340.12
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.006

Диалектика субъективного и объективного в обосновании права классиками немецкой философии

Д.В. Масленников*
М.Б. Ревнова**

Аннотация. Понимание абсолютности оснований духовных ценностей человека, позволяющее трактовать императивность норм права и морали как объективный результат акта его свободы, возможно лишь в актуализации процесса мышления. Эта актуализация должна быть и может быть только собственным актом человека, явлением субъективности его воли. Однако задача теоретического изображения этого процесса впервые могла быть поставлена и решена только классиками немецкой философии. Анализ их позиций позволяет сделать вывод о том, что право и мораль генетически не связаны друг с другом: право не опосредовано моралью и не является его абстракцией. При этом право и мораль содержательно не противоречат друг другу, поскольку являются результатом развития единой идеи абсолютного блага и между ними существует своего рода предустановленная гармония, заданная «духом истории».

Ключевые слова: мышление, субъективное, объективное, Кант, Фихте, Гегель, мораль, государство, право.

В XXI веке неизбежно будет возрастать актуальность немецкой классической философии для гуманитарного знания, включая и теорию права. Современное информационное общество, подменяя развитие мышления распространением информации, многократно усиливает степень отчуждения человека от объективного бытия. Все большую реальность обретают перспективы погружения сознания в мир, искусственно созданный индустрией информации из «фейков» и рассудочной идеологии. В этом мире окончательно потеряют свою значимость для человека духовные ценности, а значит и основанные на них нормы морали и права [1, с. 10–12].

Мораль и право должны осознаваться человеком как его собственное внутреннее содержание, следуя которому, он сохраняет и воспроизводит свою свободу активного *субъекта*. Но для того, чтобы нормы морали и права имели качества императивности и потеряли всякую иллюзию произволь-

* ***Масленников Дмитрий Владимирович,*** проректор по научной работе Русской христианской гуманитарной академии, доктор философских наук, профессор. E-mail: dwm61@inbox.ru

** ***Ревнова Мария Борисовна,*** ректор Юридического института (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

ности, это содержание должно быть *объективным* содержанием. В этом случае единство субъективности и объективности духовного содержания личности, воспринимаемого ею как ансамбль ценностей, может определяться как *абсолютное* единство.

Крупнейшие русские правоведы, например, И.В. Михайловский, говорили об абсолюте как последнем основании морали и права, которое должна раскрыть философия права: «как общая философия стремится познать не только абсолютные первоосновы мира, но и тот порядок, в котором эти первоосновы проявляются, способ реализации их в мире, так и философия права должна показать те общие пути, те принципы, при помощи которых абсолютная идея права как часть общемирового этического порядка реализуется в окружающей нас среде и в истории культуры» [14, с. 235]. Абсолют для И.В. Михайловского выступает в единстве разума и идеи блага, которое, в свою очередь, трансформируется в «синтез личной свободы и общего блага». Соглашаясь с этими определениями, мы, однако, должны уточнить, что само абсолютное не должно пониматься ни как только субъективное, ни как только объективное, поскольку в основании самого понятия абсолютного лежит их единство.

Это означает, что нужно решить двоякую задачу. Во-первых, удостовериться, что духовное содержание имеет качество *объективного* бытия. Эту проблему во всей ее сложности и одновременно обязательности для мышления впервые поставил Р. Декарт [10, с. 80–82]. Во-вторых, научиться мыслить *субъективность* как внутреннее активное начало теоретического мышления. Эту задачу стремился решить И. Кант, но с предельной ясностью как цель науки о праве и морали сформулировал только И. Г. Фихте.

Индустриальное общество, отчуждая человека от его родовой сущности (К. Маркс), тем самым воздвигает стену между ним и объективностью бытия (М. Хайдеггер). Трансформируясь в информационное общество, оно делает само это отчуждение условием своего воспроизводства. Человек может противостоять этим процессам, а, значит, и сохранить свою свободу, лишь актуализируя процесс *мышления*. Только мышление способно ввести качество объективности во внутреннее пространство личности человека, поскольку мышление, будучи процессом самой *всеобщей* сущности бытия, изначально является объективным процессом [5, с. 183–185]. Понимание объективности мышления присутствует во всякой действительной философии, но с предельной достоверностью оно было выражено, прежде всего, Парменидом [6, с. 165–168; 11, с. 45] и Декартом [15, с. 179–182]. Мышление, будучи актом свободы, задает дискурсивные формы суверенной правовой идеологии государства [13, с. 26–30].

Именно в этом смысле мышление как содержание сознания радикально отлично от «информации», которая может заполнять собою последнее. Мышление непосредственно связано с самой сущностью бытия, которая также есть всеобщее мышление. Ф.В.Й. Шеллинг вполне обоснованно говорил, что в лице человека природа осознает сама себя. Но еще Аристотель трактовал мышление человека как актуализацию в его душе всеобщего божественного перводвигателя. Мышление синтетично по своему понятию, что ясно показал И. Кант, доказывая первичность трансцендентального синтеза [7, с. 100–104].

Информация, напротив, фрагментарна, дискретна и, являясь результатом *произвольного* аналитического деления, установленного рассудком, никогда не достигает синтеза. Информационные блоки можно столь же произвольно складывать в любую картину мира, которая не будет иметь ничего общего с объективностью бытия. А значит, в этой картине не будет места для духовных ценностей, а для утверждения императивности норм морали и права останется лишь одна возможность – трактовать их как формы внешнего насилия над человеком.

Поэтому для человека нет иного пути к объективности бытия, кроме актуализации процесса *мышления*, которое изначально «прошито» объективностью. Эта «актуализация» должна и может быть только его собственным актом, *явлением субъективности воли* человека. Однако задача теоретического изображения этого процесса впервые могла быть поставлена и решена *только* классиками немецкой философией, поскольку только они смогли реально синтезировать античное видение всеобщего мышления как сущности бытия с новоевропейской идеей субъективности.

На первом этапе развития немецкой классической философии – на этапе трансцендентализма И. Канта и И.Г. Фихте – эта задача определялась как задача дедукции права и морали из высшего основоположения знания, представляющего собой высший синтез субъективности и объективности в субъекте. Возможность достижения этого связывалась и Кантом, и Фихте с реализацией метода трансцендентальной рефлексии, который предполагал включение в единую систему логического, этического и правового знания рефлексии самого философа [17, с. 15–22].

Расхождения между двумя классиками философии права начинаются с трактовки самих возможностей трансцендентальной рефлексии: Для Канта ее пределом было внутреннее содержание понятия свободы, полагание которого, тем не менее, декларировалось в качестве последнего условия дедукции достоверного знания. Для Фихте же само осуществление свободы субъекта и рефлексия относительно этого осуществления составляли действительное содержание первого основоположения науки.

У Канта рефлексия только фиксирует источник познания – активность свободного субъекта. Но она не может сама быть формой познания, поскольку не может быть дана в формах чувственности. По Канту, познание возможно только в форме опыта, соединяющего категории рассудка с содержанием созерцания. У Фихте же деятельность субъекта свободы обнаруживает себя в рефлексии в качестве объекта познания, не нуждаясь для этого в формах чувственного созерцания. В итоге для Фихте исходный пункт активности субъекта – это не абстрактная «вещь-в-себе», а деятельность абсолютного самосознания, процесс осуществления его свободы. Именно из этой деятельности Фихте стремится дедуцировать главные основоположения науки, которые могут быть развиты до конкретных определений естественного права. Эти определения получаются, таким образом, путем рефлексией над свободной деятельностью абсолютного Я и трансформацией результатов этой рефлексии в форму логических суждений. То есть мы «продвигаемся в нашей рефлексии до построения естественного права» [16, с. 21].

Согласно Фихте, абсолютное самосознание как источник дедукции всякого знания является практическим действием, а свобода – первичным условием осуществления этого действия. Самосознание и ее свобода являются не каким-то внешним объектом, а способом самореализации самого субъекта. Поэтому, считал Фихте, спрашивать о познании свободы бессмысленно, т.к. его идея сама является первичным условием всякого познания. Фактом сознания эту свободу делает акт рефлексии, который ученый не сводит, подобно Канту, к форме опыта. Единство действия и рефлексии, считал Фихте, и есть как раз то, что определяет достоверность и объективность первого основоположения науки: «Разуму принадлежит здесь только наблюдение за движением Я, обращение же на самого себя составляет деятельность самого Я, которое поэтому объективно по отношению к рефлексии» [17, с. 484].

Таким образом, обоснование норм права опирается у Фихте не на абстрактные «врожденные идеи разума» в духе Гроция и Вольфа и не на кантовское представление о высшем единстве самосознания как «вещи-в-себе», в действительности, представляющее собой еще большую абстракцию, чем теоретические выкладки правоведов-вольфианцев. Источником и основой права выступает объективная деятельность субъекта свободы, которую Фихте стремится интегрировать в свою теорию именно в качестве объекта. Высшее основоположение наукоучения Фихте имеет «двойную природу» субъекта и объекта, т.е. является «субъект-объектом». Подобное, совершенно новое в истории науки, решение (сделать началом научной теории не отражение объекта, а сам по себе объект, фиксируемой в неразрывной связи с рефлексией субъекта) дало возможность Фихте осуществить следующий шаг по пути обоснования права. А именно: обосновать, исходя из понятия «субъект-объекта» объективность других субъектов. И уже от этого переходить к принципам отношений, возможным между этими объективными «другими» субъектами. Эти принципы позволят развить абстрактное понятие другого субъекта до понятия личности, а возможную форму отношений между ними определить как право.

Логика развития этого содержания у Фихте примерно следующая. Источником и содержанием Я является его свобода, поскольку источник его деятельности должен быть заключен в самом субъекте [16, с. 20]. Реализация этой свободы возможна лишь при наличии некоторого противоположного ей чувственного мира [16, с. 26]. Однако в этом чувственном мире, который сам по себе не может содержать свободы в силу своей полной противоположности свободной сфере Я, должны, тем не менее, содержаться объекты, также заключающие в себе свободу, а такими могут быть лишь объекты, предполагающие «других разумных существ вне себя» [16, с. 31–38].

Сразу отметим, что для Фихте сам факт прямой дедукции из принципа свободы самосознание положения о необходимой объективности других лиц, имплицитно заключает в себе требование ограничения этой изначальной свободы, а равно и свободы других [16, с. 12]. Принципом отношения личности к таким объектам, т.е. к другим личностям (а именно: отношения, осуществляемого в соответствии с идеей своей внутренней свободы и предпо-

лагающего свободу других), согласно Фихте, как раз и является принцип «естественного правоотношения» [16, с. 41–45], согласно которому «мысленно представляют всякого члена общества ограничивающим своей внутренней свободой свою внешнюю свободу так, чтобы все другие рядом с ним также могли быть во внешнем отношении свободны» [16, с. 13]. Здесь же Фихте предлагает и свое предельно общее определение права как «общности между свободными существами как таковыми» [16, с. 13]. Последняя оговорка («как таковыми») не является случайной. Эта оговорка указывает на то, что для отношений права существенно только то, что они являются отношениями между абстрактными субъектами, взаимно признаваемое содержание которых заключено лишь в том, что они: во-первых, содержат в себе имманентную свободу и, во-вторых, являются внешними и объективными друг для друга.

Поскольку это понятие права непосредственно дедуцируется Фихте из идеи свободы самосознания, автор наукоучения не нуждается в опосредовании понятия права определениями морали, как мы находим это у Канта. Общая посылка этико-правового учения была едина для Канта и для Фихте. В целом она предполагала включение деятельности субъекта познания в объект его рефлексии, что, в свою очередь, задает необходимость дедукции основоположений права из деятельности субъекта на основании идеи свободы. Но саму эту задачу ученые решают по-разному: для автора «Критики практического права» и «Метафизики нравов» переход от свободы субъекта к нормам права опосредован высшим нравственным законом, для автора «Основы естественного права согласно принципам наукоучения» право непосредственно обосновано в идее свободы.

По Канту, именно характер отношения к высшему нравственному закону определяет различие принципов моральности и легальности. Именно принцип легальности, опосредованный высшим нравственным законов, является исходным пунктом для дедукции категорий права: если при определении содержания того или иного поступка мы принимаем во внимание мотив действия, то мы имеем отношение моральности. Правда, по Канту, таким мотивом может быть только следование высшему нравственному закону, что составляет долг человека. Если же мы принимаем во внимание только форму следования высшему нравственному закону, то мы получаем определение легальности. Последнее, как раз и является источником дедукции права и правовых норм. Мораль, таким образом содержательна. Она включает в себя как форму следования высшему нравственному закону, так и мотив, определяющий процесс этого «следования». Право же представляет собой лишь абстракцию формы этого процесса и заключает в себе только его возможность [8, с. 386].

Фихте же, поскольку он находит непосредственные основания права в идее свободы, считает возможным и целесообразным отделить право от морали, а этику от юриспруденции. Вопрос об отношении права и морали автор «Наукоучения» решает в соответствии со своим пониманием задачи дедукции основоположения науки о праве из общих принципов наукоучения и в соответствии с самими результатами этой дедукции. А именно: поскольку право можно с математической точностью вывести непосредст-

венно из разума, то нет и необходимости введения морального звена в цепь дедуктивных рассуждений, ведущих к идее права. Важно, что свое понятие права Фихте получает, следуя принципам трансцендентального метода «Критики чистого разума» с учетом той корректировки, которую внесла в него «Основа общего наукоучения»: «Понятие права должно быть изначальным понятием чистого разума; следовательно, нужно рассмотреть его указанным способом» [16, с. 12]. Вместе с тем, как нам представляется, трансцендентальный метод познания права достигает в учении Фихте не только высшего развития, но и своего предела. Это связано с тем, что содержание понятия изначальной свободы личности лишено в наукоучении Фихте своего конкретного содержание, несмотря на все многочисленные декларации ученого по этому поводу.

Фихте в своей дедукции понятия права удается показать, что все определения права имеют корень в свободе личности и являются своего рода модификациями определения этой свободы. Дело, однако, состоит в том, что благодаря этой дедукции само понятие свободы не получает действительной конкретизации. Фихте развернул дискурс понятия свободы на процесс дедукции права, но ему не удалось сделать обратный (или параллельный) шаг: ему не удалось показать содержание процесса развития права как внутреннего содержания самого понятия свободы. Последнее, поэтому, сохраняет свой абстрактный характер, хотя эта абстрактность уже совсем другого рода, чем у Канта.

Таким образом, Кант в силу своего понимания опыта как единственно возможной формы познания не дедуцирует право как чистую форму реализации свободы субъекта из самого субъекта, а абстрагирует ее от целостного единства формы и содержания процесса реализации свободы. В таком случае первичным оказывается единство формы и содержания (мотива) реализации свободы, т.е. мораль. Хотя Кант и не выводит непосредственно право из морали, мораль все же оказывается у него первичной, т.к. именно ее понятие доставляет материал для постулирования понятия права. Напротив, для Фихте идея права и его категории являются результатом рефлексии деятельности абсолютного Я, а потому не нуждаются в опосредовании идеей морали. Эта позиция ближе к истине: право и мораль генетически не связаны, но при этом содержательно не противоречат друг другу, будучи результатом развития идеи абсолютного блага.

Кантовский субъективизм в трактовке процесса осуществления свободы (в трактовке отношения формы и содержания этого процесса) является проявлением того, что процесс свободы (причинно обусловленный свободой субъекта) сам по себе не является способом изображения этого субъекта. Он и не может им быть по определению, ведь, как уже отмечалось, субъект свободы в координатах кантовского мышления – это непременно «вещь-в-себе», т.к. никогда не может быть дан в опыте (единственно допустимой форме познания, по Канту).

В итоге оказывается, что содержательно субъект свободы и процесс его осуществления никак не связаны. Если бы Кант допустил возможность понимать процесс самореализации субъекта свободы как способ самообнаружения и самоизображения этого субъекта, то он раскрыл бы внут-

реннее диалектическое единство объективности этого процесса в целом, с одной стороны, и субъективности абстрагирования формы процесса, с другой стороны. А значит, различие формы процесса осуществления свободы как чистой формы (права) и формы в единстве с содержательным мотивом (мораль) должно было бы пониматься не только как различие, обусловленное произволом субъективной установки разума, но и как различие, обусловленное объективностью самого процесса развития и воплощения в мире субъекта свободы, со всеми его возникающими и эмпирически фиксируемыми мотивами, их объективными условиями, способами воплощения и т.п.

Но последняя трактовка уже, по сути, ближе к гегелевскому историкологическому пониманию права: к пониманию субъекта свободы как исторического процесса, а исторического процесса как действия субъекта свободы. Именно из такого способа понимания (если обозначить его в категориях трансцендентальной философии, не собственно гегелевской) выросла трактовка Гегелем и права, и морали, и их саморазличия, и их самоотождествления: трактовка, столь отличная от кантианской.

У Гегеля субъект свободы (дух) и процесс объективной реализации этого субъекта (в терминологии Гегеля: история как «Geschichte», которую он противопоставлял «Historie» [2, с. 122]) немыслимы друг без друга: без духовного субъекта свободы история не является действительной историей, а без истории субъект не является субъектом свободы, так как свобода без мощи своей самореализации является таковой только по названию. Поэтому Гегелем право и мораль «дедуцируются» не из самого по себе субъекта свободы и не из самого по себе процесса объективизации этого субъекта, а из их духовного единства [3, с. 75].

Возможность (и необходимость) перехода к такому уровню мышления свободы, права и морали, которое мы находим в «Философии права» Гегеля, заключало в себе уже и кантовское учение как его теоретическая предпосылка. Последнее, однако, не исчерпало своего творческого потенциала до тех пор, пока не была осуществлена попытка последовательно раскрыть этапы перехода субъекта свободы в формы его объективации. И тем самым раскрыть содержание процесса свободы как способа самоизображения этого субъекта. И именно эту работу мысли осуществил Фихте. В таком случае то, что у Канта фиксировалось как чистая форма, т.е. лишенная содержания, форма реализации свободы (право) и как форма в единстве с содержанием мотивов объективации (мораль), должно было выводиться из самого субъекта свободы. Устанавливать их различия еще и на уровне объективной реализации субъекта (как это делал Кант) для Фихте, таким образом, представлялось совершенно бессмысленным. Поэтому Фихте вполне оправданно мог утверждать, что он дедуцировал право непосредственно из деятельности самополагания субъекта свободы и не нуждался в опосредовании этого дедуцирования посредством права. В таком случае, вопрос о том, что первично, право или мораль, и что чем опосредовано, в принципе, может и не ставиться. Или же он и не должен ставиться.

В последнем случае нужно признать справедливым подход Гегеля, который не различал право, мораль, нравственность вне единого процесса

развития духовного содержания. Мораль выступала у него как первая ступень единого процесса духовного развития человека, общества, государства. Итог этого процесса раскрывался в идее «суда истории», которое может быть концептуализирована лишь с учетом особенностей понимания немецким философом государства, права и самой истории.

Дело в том, что для Гегеля, в отличие от теоретиков права Нового времени, государство – это не механизм, чисто внешне соединяющий различные институты и органы управления. Государство он понимает как «разумную жизнь самосознающей свободы», не просто выражающую некую высшую нравственную идею, но являющеюся ее непосредственным воплощением [3, с. 299]. Этим определяется роль Гегеля в разрешении старой дилеммы права и морали, а также современная актуальность его учения о государстве и праве [18, с. 677–696; 19; 20, с. 41–49]. Одухотворенное государство в понятийной системе Гегеля должно обладать внутренней точкой своего самоопределения, заключать в себе начало субъектности, которое развивается вместе с историческим становлением самой государственности [12, с. 21–24]. Эту субъектность государства Гегель обозначает понятием суверенитета, подобно тому, как ранее субъектность гражданского общества выражал институт суда. Понятие суда снова воспроизводится Гегелем в уже преображенном виде на уровне свободного отношения суверенных государств, над которыми, по словам Гегеля, «нет претора» [3, с. 365].

Всемирная история у Гегеля выступает, во-первых, как процесс развития во времени личности, общества и государства; во-вторых, как процесс развития самого этого развития, т.е. как развивающаяся история, достигающая в результате этого развития своей новой формы, воплощенной в «Священной истории», кульминацией которой является смерть и воскресение Бога. И что самое главное, два эти процесса развития у Гегеля сущностно связаны, поэтому «Священная история» оказывается одновременно и истоком, и содержательным элементом, и исходом развития всемирной истории [4, с. 13–14]. В последнем качестве она мистически преобразует мировую историю, превращая ее в самостоятельный субъект. Одним из образов этой «преображенной» истории оказывается государство, утвердившее себя в истории как «система нравственного мира» [3, с. 299]. В учении Гегеля о «Священной истории» мы находим образ завершения развития исторического начала как такового, что, отнюдь, не означает завершения самой истории [9, с. 169–170]. Напротив, получив такой результат, история утверждает свою целостность, способность к самодетерминации. История человечества, включив в себя «Священную историю» Бога, обретает способность и право быть «судьей» человеческого творчества, в том числе и «судьей» над государствами, над правом и моралью

В конечном итоге посредством идеи «суда истории» Гегель со всей очевидностью раскрывает ту истину, что ни ценности человека, ни государства, ни нормы морали, ни нормы права не являются самодовлеющими сущностями, будучи лишь теми формами, которые дает себе духовно преображенная история (Geschichte). Поэтому лишь история определяет и полагает меру их бытия, осуществляя тем самым свой «суд» над ними.

Библиографический список

1. *Богатырёв Д.К.* Введение: ценности, религии, идеологии // Идеологии и генезис ценностей современного общества. Сер. «Русский Путь». – СПб: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2016. – С. 9–68.

2. *Гайнутдинов Р.И., Масленников Д.В.* Идея духа истории в трактовке Монтескье и Гегеля // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2019. – Т. 20. – № 4. – С. 112–123.

3. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. – М.: Мысль, 1990.

4. *Гусев О.Ю., Масленников Д.В., Ревнова М.Б.* Церковь и духовный смысл права // Юридическая мысль. – 2017. – № 1 (99). – С. 8–14.

5. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* К вопросу о значении логической формы философии для понимания природы абсолютного в праве //Мир политики и социологии. – 2018. – № 2. – С. 178–187.

6. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Становление логоса права в античной философии // Мир политики и социологии. – 2018. – № 3–4. – С. 164–176.

7. *Кант И.* Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1994.

8. *Кант И.* Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. – СПб: Наука, 1995.

9. Масленников Д.В. Богочеловек и идея права // Мир политики и социологии. 2015. № 12. С. 167–172.

10. *Масленников Д.В.* Единство мышления и бытия в гегелевских «Лекциях о доказательстве Бытия Божия» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2020. – Т. 21. – № 2. – С. 73–85.

11. *Масленников Д.В.* Право как форма различения добра и зла // Юридическая мысль. – 2015. – № 6. – С. 42–47.

12. *Масленников Д.В., Ревнова М.Б.* Отношение религии и государства в философии права Г.В.Ф. Гегеля // Юридическая мысль. – 2018. – № 1 (105). – С. 20–25.

13. *Масленников Д.В., Ревнова М.Б., Сергеева А.Ю.* Идея свободы в царстве абсолютного добра (к вопросу о философско-правовых основаниях суверенной правовой идеологии) // Юридическая мысль. – 2019. – № 4–5 (114–115). – С. 25–32.

14. *Михайловский И. В.* Очерки философии права. – Т. I. – Томск, 1914.

15. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Зорина Н.В., Прокофьев К.Г.* Трансцендентализм и идея свободы в философии права: Декарт – Спиноза – Кант // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 10. – С. 177–192.

16. *Фихте И.Г.* Основа естественного права согласно принципам наукоучения. – М.: «Канон+», 2014.

17. *Фихте И.Г.* Сочинения в двух томах. – Т.1. – СПб: Мифрил, 1993.

18. La Torre M. Kleiner Versuch einer Philosophie der Rechrsgeschichte. Die Evolution des Rechts und der Anspruch auf Fortschritt // Rechtsphilosopie und Grundrechtstheorie. Robert Alexys System. Tübingen, Mohr Siebek. 2017. S. 677–696.

19. Ostritsch S. Hegels Rechtsphilosophie als Metaethik. Münster, Mentis. 2014.

20. Siemek M. Hegel als Philosoph des modernen Rechtsstaates // Recht ohne Gerechtigkeit? Hegel und die Grundlinien des Rechtsstaates. Würzburg, Konigshausen-Neumann. S. 41–49.

Для цитирования: *Масленников Д.В., Ревнова М.Б.* Диалектика субъективного и объективного в обосновании права классиками немецкой философии // Юридическая мысль. – 2020. – № 3 (119). – С. 74–82. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.006

Dialectics of the subjective and the objective in the substantiation of law by the classics of German philosophy

D.V. Maslennikov *
M.B. Revnova **

Annotation. Understanding the absoluteness of the foundations of a person's spiritual values, which makes it possible to interpret the imperativeness of the norms of law and morality as an objective result of the act of his freedom, is possible only in the actualization of the thinking process. This actualization should and can only be a person's own act, a manifestation of the subjectivity of his will. However, the task of theoretically depicting this process for the first time could be posed and solved only by the classics of German philosophy. An analysis of their positions allows us to conclude that law and morality are not genetically related to each other: law is not mediated by morality and is not its abstraction. At the same time, law and morality do not contradict each other substantively, since they are the result of the development of a single idea of absolute good and between them there is a kind of pre-established harmony set by the "spirit of history".

Key words: thinking, subjective, objective, Kant, Fichte, Hegel, morality, state, law.

In the XXI century, the relevance of German classical philosophy for humanitarian knowledge, including the theory of law, will inevitably increase. The modern information society, replacing the development of thinking with the dissemination of information, multiplies the degree of human alienation from objective being. The prospects of immersion of consciousness in the world, artificially created by the information industry from "fakes" and rational ideology, are gaining more and more reality. In this world, spiritual values will finally lose their significance for a person, and therefore the norms of morality and law based on them [1, p. 10–12].

Morality and law should be understood by a person as his own inner content, following which he preserves and reproduces his freedom of an active subject. But in order for the norms of morality and law to have the qualities of imperativeness and to lose any illusion of arbitrariness, this content must be an objective content. In this case, the unity of subjectivity and objectivity of the spiritual content of a person, perceived by her as an ensemble of values, can be defined as absolute unity.

Major Russian jurists, for example, I.V. Mikhailovsky, spoke of the absolute as the last foundation of morality and law, which the philosophy of law should reveal: "how general philosophy seeks to know not only the absolute fundamental principles of the world, but also the order in which these fundamental principles are manifested, the way of their implementation in the world, and philosophy law should show those general ways, those principles by which the absolute idea of law as a part of the global ethical order is realized in the environment around us and in the history of culture" [14, p. 235]. Absolute for I.V. Mikhailovsky appears in the unity of reason and the idea of good, which, in

turn, is transformed into a “synthesis of personal freedom and common good]. While agreeing with these definitions, we, however, must clarify that the absolute itself should not be understood either as only subjective or as only objective, since their unity lies at the basis of the very concept of the absolute.

This means that there is a twofold problem to be solved. First, to make sure that the spiritual content has the quality of an objective being. This problem in all its complexity and at the same time obligatory for thinking was first posed by R. Descartes [10, p. 80–82]. Secondly, to learn to think of subjectivity as an internal active principle of theoretical thinking. I. Kant strove to solve this problem, but only I. G. Fichte formulated the goal of the science of law and morality with the utmost clarity.

Industrial society, alienating a person from his generic essence (K. Marx), thereby erects a wall between him and the objectivity of being (M. Heidegger). Transforming into an information society, it makes this very alienation a condition of its reproduction. A person can resist these processes, and, therefore, preserve his freedom, only by actualizing the process of thinking. Only thinking is capable of introducing the quality of objectivity into the inner space of a person's personality, since thinking, being a process of the very general essence of being, is initially an objective process [5, p. 183–185]. The understanding of the objectivity of thinking is present in any real philosophy, but with the utmost certainty it was expressed primarily by Parmenides [6, p. 165–168; 11, p. 45] and Descartes [15, p. 179–182]. Thinking, being an act of freedom, sets the discursive forms of the sovereign legal ideology of the state [13, p. 26–30].

It is in this sense that thinking as the content of consciousness is radically different from the “information” that can fill the latter. Thinking is directly related to the very essence of being, which is also universal thinking. F.V.Y. Schelling quite rightly said that in the person of man, nature is aware of itself. But even Aristotle interpreted human thinking as the actualization of the universal divine prime mover in his soul. Thinking is synthetic in its concept, which was clearly shown by I. Kant, proving the primacy of transcendental synthesis [7, p. 100–104].

Information, on the contrary, is fragmentary, discrete and, being the result of an arbitrary analytical division established by the mind, never reaches synthesis. Information blocks can be just as arbitrarily added to any picture of the world, which will have nothing to do with the objectivity of being. This means that in this picture there will be no place for spiritual values, and for the assertion of the imperativeness of the norms of morality and law, there will be only one opportunity – to interpret them as forms of external violence against a person.

Therefore, for a person there is no other way to the objectivity of being, except for the actualization of the process of thinking, which is initially “stitched” by objectivity. This “actualization” must be and can only be his own act, a manifestation of the subjectivity of a person's will. However, the task of theoretically depicting this process for the first time could be posed and solved only by the classics of German philosophy, since only they were able to really synthesize the ancient vision of universal thinking as the essence of being with the new European idea of subjectivity.

At the first stage of the development of German classical philosophy – at the stage of transcendentalism I. Kant and I.G. Fichte – this task was defined as the task of deducting law and morality from the highest foundation of knowledge, which is the highest synthesis of subjectivity and objectivity in the subject. The possibility of achieving this was associated by both Kant and Fichte with the implementation of the method of transcendental reflection, which assumed the inclusion of the reflection of the philosopher himself into a single system of logical, ethical and legal knowledge [7, p. 15–22].

The discrepancies between the two classics of philosophy of law begin with the interpretation of the very possibilities of transcendental reflection: For Kant, its limit was the inner content of the concept of freedom, the assumption of which, nevertheless, was declared as the last condition for the deduction of reliable knowledge. For Fichte, the very realization of the freedom of the subject and reflection on this realization constituted the actual content of the first fundamental principle of science.

In Kant, reflection only fixes the source of knowledge – the activity of a free subject. But it cannot itself be a form of knowledge, since it cannot be given in the forms of sensibility. According to Kant, cognition is possible only in the form of experience, which combines the categories of reason with the content of contemplation. In Fichte, the activity of the subject of freedom reveals itself in reflection as an object of cognition, without the need for this in the forms of sensory contemplation. As a result, for Fichte the starting point of the subject's activity is not an abstract “thing-in-itself”, but the activity of absolute self-awareness, the process of realizing his freedom. It is from this activity that Fichte seeks to deduce the main foundations of science, which can be developed to specific definitions of natural law. These definitions are obtained, therefore, by reflecting on the free activity of the absolute I and transforming the results of this reflection into the form of logical judgments. That is, we “advance in our reflection to the construction of natural law” [16, p. 21].

According to Fichte, absolute self-awareness as a source of deduction of all knowledge is a practical action, and freedom is the primary condition for the implementation of this action. Self-consciousness and its freedom are not some external object, but a way of self-realization of the subject himself. Therefore, Fichte believed, it makes no sense to ask about the knowledge of freedom, since his idea is itself the primary condition of all knowledge. The act of reflection makes this freedom a fact of consciousness, which the scientist, like Kant, does not reduce to the form of experience. The unity of action and reflection, Fichte believed, is precisely what determines the reliability and objectivity of the first principle of science: “Reason belongs here only to the observation of the movement of the I, turning to itself is the activity of the I itself, which is therefore objective in relation to reflection” [17, p. 484].

So, the substantiation of the norms of law in Fichte is not based on abstract “innate ideas of reason” in the spirit of Grotius and Wolff and not on the Kantian idea of the higher unity of self-consciousness as a "thing-in-itself", which in reality is an even greater abstraction than theoretical calculations of the Wolffian jurists. The source and basis of law is the objective activity of the subject of freedom, which Fichte seeks to integrate into his theory precisely as

an object. Fichte's highest scientific teaching has a “double nature”" of subject and object, i.e. is “subject-object”. A similar, completely new in the history of science, decision (to make the beginning of a scientific theory not the reflection of the object, but the object itself, fixed in inseparable connection with the reflection of the subject) made it possible for Fichte to take the next step along the path of substantiating law. Namely: to substantiate, based on the concept of “subject-object”, the objectivity of other subjects. And already from this to pass to the principles of relations that are possible between these objective “other” subjects. These principles will make it possible to develop the abstract concept of another subject to the concept of personality, and define the possible form of relations between them as law.

The logic of the development of this content in Fichte is approximately as follows. The source and content of the Self is his freedom, since the source of his activity must be contained in the subject itself [16, p. 20] due to its complete opposite to the free sphere of the I, there must, nevertheless, contain objects that also contain freedom, and such can only be objects that presuppose “other intelligent beings outside themselves” [16, p. 31–38].

Immediately, we note that for Fichte the very fact of direct deduction from the principle of freedom, self-awareness of the position of the necessary objectivity of other persons, implicitly implies the requirement to limit this initial freedom, as well as the freedom of others [16, p. 12]. The principle of a person's relationship to such objects, i.e. to other individuals (namely: the relationship carried out in accordance with the idea of their inner freedom and presupposing the freedom of others), according to Fichte, is precisely the principle of “natural legal relationship” [16, p. 41–45], according to which “mentally represent every member of society limiting his external freedom with his inner freedom so that all others next to him could also be free in the external relation”. Here, Fichte also offers his extremely general definition of law as “a community between free beings as such” [16, p. 13]. The last disclaimer (“as such”) is not accidental. This clause indicates that for relations of law, it is only essential that they are relations between abstract subjects, the mutually recognized content of which lies only in the fact that they: first, contain an immanent freedom and, second, are external and objective to each other.

Since this concept of law is directly deduced by Fichte from the idea of freedom of self-consciousness, the author of science does not need to mediate the concept of law by definitions of morality, as we find in Kant. The general premise of ethical and legal doctrine was the same for Kant and for Fichte. In general, it assumed the inclusion of the activity of the subject of cognition in the object of his reflection, which, in turn, requires the deduction of the foundations of law from the activity of the subject on the basis of the idea of freedom. But scientists solve this problem in different ways: for the author of “Critique of Practical Law” and “Metaphysics of Morals”, the transition from freedom of the subject to the norms of law is mediated by the highest moral law, for the author of “Foundations of Natural Law according to the Principles of Science of Science” law is directly justified in the idea of freedom.

According to Kant, it is the nature of the relationship to the highest moral law that determines the difference between the principles of morality and le-

gality. It is the principle of legality, mediated by the highest moral laws, that is the starting point for the deduction of the categories of law: if, when determining the content of an act, we take into account the motive of the action, then we have a relation of morality. True, according to Kant, such a motive can only be following the highest moral law, which is a person's duty. If we take into account only the form of following the highest moral law, then we get a definition of legality. The latter is precisely the source of the deduction of law and legal norms. Morality is thus meaningful. It includes both the form of following the highest moral law and the motive that determines the process of this "following". Law is only an abstraction of the form of this process and contains only its possibility [8, p. 386].

Fichte, since he finds the immediate foundations of law in the idea of freedom, considers it possible and expedient to separate law from morality, and ethics from jurisprudence. The author of Naukoochinenie solves the question of the relationship between law and morality in accordance with his understanding of the problem of deducting the foundations of the science of law from the general principles of science and in accordance with the very results of this deduction. Namely, since law can be derived directly from reason with mathematical precision, there is no need to introduce a moral link into the chain of deductive reasoning leading to the idea of law. It is important that Fichte obtains his concept of law by following the principles of the transcendental method of the Critique of Pure Reason, taking into account the corrections introduced by the Basis of General Science of Science: "The concept of law must be the original concept of pure reason; therefore, it is necessary to consider it in the indicated way" [16, p. 12]. At the same time, it seems to us that the transcendental method of cognition of law reaches not only its highest development in Fichte's teaching, but also its limit. This is due to the fact that the content of the concept of the primordial freedom of the individual is deprived of its specific content in Fichte's science, despite all the numerous declarations of the scientist on this matter.

Fichte, in his deduction of the concept of law, manages to show that all definitions of law are rooted in personal freedom and are a kind of modifications of the definition of this freedom. The point, however, is that, thanks to this deduction, the very concept of freedom is not really concretized. Fichte expanded the discourse of the concept of freedom to the process of deduction of law, but he failed to take the opposite (or parallel) step: he failed to show the content of the process of development of law as the inner content of the very concept of freedom. The latter, therefore, retains its abstract character, although this abstractness is already of a completely different kind than that of Kant.

So, Kant, by virtue of his understanding of experience as the only possible form of cognition, does not deduce law as a pure form of realization of the subject's freedom from the subject itself, but abstracts it from the integral unity of the form and content of the process of realizing freedom. In this case, the primary is the unity of the form and content (motive) of the realization of freedom, i.e. morality. Although Kant does not directly derive law from morality, morality still turns out to be primary for him, since it is her concept that provides ma-

terial for postulating the concept of law. On the contrary, for Fichte the idea of law and its categories are the result of reflection on the activity of the absolute I, and therefore do not need to be mediated by the idea of morality. This position is closer to the truth: law and morality are not genetically related, but at the same time they do not contradict each other substantively, being the result of the development of the idea of absolute good.

Kant's subjectivism in the interpretation of the process of exercising freedom (in the interpretation of the relationship between the form and content of this process) is a manifestation of the fact that the process of freedom (causally conditioned by the freedom of the subject) is not itself a way of depicting this subject. It cannot be by definition, because, as already noted, the subject of freedom in the coordinates of Kantian thinking is certainly a "thing-in-itself", since can never be given in experience (the only admissible form of knowledge, according to Kant).

As a result, it turns out that the subject of freedom and the process of its implementation are not connected in any way. If Kant allowed the possibility of understanding the process of self-realization of the subject of freedom as a way of self-discovery and self-image of this subject, then he would reveal the inner dialectical unity of the objectivity of this process as a whole, on the one hand, and the subjectivity of abstraction of the form of the process, on the other hand. This means that the difference between the form of the process of exercising freedom as a pure form (law) and form in unity with a meaningful motive (morality) should be understood not only as a difference due to the arbitrariness of the subjective mindset, but also as a difference due to the objectivity of the development process itself and incarnation in the world of the subject of freedom, with all his emerging and empirically fixed motives, their objective conditions, ways of incarnation, etc.

But the latter interpretation is already, in fact, closer to Hegel's historical and logical understanding of law: to understanding the subject of freedom as a historical process, and the historical process as an action of the subject of freedom. It was from this way of understanding (if we designate it in the categories of transcendental philosophy, not Hegel's proper) that Hegel's interpretation of law and morality, and their self-distinction, and their self-identification grew: an interpretation so different from the Kantian one.

In Hegel, the subject of freedom (spirit) and the process of objective realization of this subject (in Hegel's terminology: history as "Geschichte", which he contrasted with "Historie" [2, p. 122]) are inconceivable without each other: without the spiritual subject of freedom, history is not real history, and without history the subject is not the subject of freedom, since freedom without the power of its self-realization is such only in name. Therefore, Hegel "deduces" law and morality not from the subject of freedom itself and not from the very process of objectifying this subject, but from their spiritual unity [3, p. 75].

The possibility (and necessity) of a transition to such a level of thinking of freedom, law and morality, which we find in Hegel's Philosophy of Law, already included the Kantian doctrine as its theoretical prerequisite. The latter, however, did not exhaust its creative potential until an attempt was made to consistently reveal the stages of the transition of the subject of freedom into the

forms of its objectification. And thereby to reveal the content of the process of freedom as a way of self-image of this subject. And it is precisely this work of thought that Fichte carried out. In this case, what Kant fixed as a pure form, i.e. devoid of content, a form of realization of freedom (right) and as a form in unity with the content of the motives of objectification (morality), had to be derived from the very subject of freedom. To establish their differences also at the level of the objective realization of the subject (as Kant did) for Fichte thus seemed completely meaningless. Therefore, Fichte could quite justifiably assert that he deduced law directly from the activity of self-determination of the subject of freedom and did not need to mediate this deduction by means of law. In this case, the question of what is primary, law or morality, and what is mediated by what, in principle, may not be raised. Or it shouldn't be.

In the latter case, it is necessary to recognize Hegel's approach as fair, which did not distinguish between law, morality and morality outside a single process of development of spiritual content. Morality acted for him as the first stage of a single process of spiritual development of a person, society, and state. The result of this process was revealed in the idea of the “court of history”, which can be conceptualized only with regard to the peculiarities of the German philosopher's understanding of the state, law and history itself.

The fact is that for Hegel, unlike the legal theorists of the modern era, the state is not a mechanism that purely outwardly unites various institutions and governing bodies. He understands the state as “a rational life of self-conscious freedom”, not just expressing a certain higher moral idea, but being its direct embodiment [3, p. 299]. This determines the role of Hegel in resolving the old dilemma of law and morality, as well as the contemporary relevance of his doctrine of state and law [18, p. 677–696; 19; 20, p. 41–49]. A spiritualized state in Hegel's conceptual system should have an inner point of its self-determination; contain the beginning of subjectivity, which develops along with the historical formation of statehood itself [12, p. 21–24]. Hegel designates this subjectivity of the state with the concept of sovereignty, just as earlier the subjectivity of civil society was expressed by the institution of the court. The concept of court is again reproduced by Hegel in an already transformed form at the level of free relations of sovereign states, over which, according to Hegel, “there is no praetor” [3, p. 365].

Hegel's world history appears, firstly, as a process of development in time of the individual, society and state; secondly, as a process of development of this development itself, i.e. as an evolving history, reaching as a result of this development its new form, embodied in the “Sacred History”, the culmination of which is the death and resurrection of God. And most importantly, these two processes of development in Hegel are essentially linked, therefore, "Sacred history" is simultaneously a source, and a substantial element, and an outcome of the development of world history [4, p. 13–14]. In the latter capacity, it mystically transforms world history, turning it into an independent subject. One of the images of this “transformed” history is the state, which has established itself in history as a “system of the moral world” [3, p. 299]. In Hegel's doctrine of “Sacred history” we find an image of the completion of the development of the historical beginning as such, which, by no means, does not mean the comple-

tion of history itself [9, p. 169–170]. On the contrary, having received such a result, history asserts its integrity, the ability to self-determination. The history of mankind, having included the “Sacred history” of God, acquires the ability and the right to be a “judge” of human creativity, including a “judge” over states, over law and morality.

Ultimately, through the idea of "the judgment of history", Hegel clearly reveals the truth that neither the values of man, nor the state, nor the norms of morality, nor the norms of law are self-sufficient entities, being only those forms that spiritually transformed history gives itself (Geschichte). Therefore, only history determines and assumes the measure of their being, thereby realizing its “judgment” over them.

Bibliographic list

1. Bogatyrev D.K. Introduction: values, religions, ideologies // Ideologies and genesis of values of modern society. Ser. “Russian Way”. Saint Petersburg: Publishing house of the Russian Christian Academy for the Humanities, 2016. P. 9–68.

2. Gainutdinov R.I., Maslennikov D.V. The idea of the spirit of history in the interpretation of Montesquieu and Hegel // Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy. 2019. Vol. 20. No. 4. P. 112–123.

3. Hegel G.V.F. Philosophy of Law. Moscow: Thought, 1990.

4. Gusev O.Yu., Maslennikov D.V., Revnova M.B. Church and the spiritual meaning of law // Legal thought. 2017. No. 1 (99). P. 8–14.

5. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. On the question of the meaning of the logical form of philosophy for understanding the nature of the absolute in law // World of Politics and Sociology. 2018. No. 2. P. 178–187.

6. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. Formation of the logos of law in ancient philosophy // World of politics and sociology. 2018. No. 3–4. P. 164–176.

7. Kant I. Critique of pure reason. Moscow: Thought, 1994.

8. Kant I. Foundations of the metaphysics of morality. Criticism of practical reason. Metaphysics of morals. SPb: Science, 1995.

9. Maslennikov D.V. The God-Man and the Idea of Law // World of Politics and Sociology. 2015. No. 12. P. 167–172.

10. Maslennikov D.V. The unity of thinking and being in Hegel's "Lectures on the proof of the Existence of God" // Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy. 2020. Vol. 21. No. 2. P. 73–85.

11. Maslennikov D.V. Law as a form of distinguishing between good and evil // Legal thought. 2015. No. 6. P. 42–47.

12. Maslennikov D.V., Revnova M.B. The relationship between religion and state in the philosophy of law of G.V.F. Hegel // Legal thought. 2018. No. 1 (105). P. 20–25.

13. Maslennikov D.V., Revnova M.B., Sergeeva A.Yu. The idea of freedom in the kingdom of absolute goodness (to the question of the philosophical and legal foundations of sovereign legal ideology) // Legal thought. 2019. No. 4–5 (114–115). P. 25–32.

14. Mikhailovsky IV Essays on the philosophy of law. T. I. Tomsk, 1914.

15. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zorina N.V., Prokofiev K.G. Transcendentalism and the idea of freedom in the philosophy of law: Descartes – Spinoza – Kant // Legal science: history and modernity. 2019. No. 10. P. 177–192.

16. Fichte I.G. The basis of natural law according to the principles of science. Moscow: "Canon +", 2014.

17. Fichte I.G. Works in two volumes. Vol. 1. SPb: Mithril, 1993.

18. La Torre M. Kleiner Versuch einer Philosophie der Rechrsgeschichte. Die Evolution des Rechts und der Anspruch auf Fortschritt // Rechtsphilosopie und Grundrechtstheorie. Robert Alexys System. Tübingen, Mohr Siebek. 2017. S. 677–696.

19. Ostritsch S. Hegels Rechtsphilosophie als Metaethik. Münster, Mentis. 2014.

20. Siemek M. Hegel als Philosoph des modernen Rechtsstaates // Recht ohne Gerechtigkeit? Hegel und die Grundlinien des Rechtsstaates. Würzburg, Konigshausen-Neumann. S. 41–49.

Please cite this paper as: Maslennikov D.V., Revnova M.B. Dialectics of the subjective and objective in the substantiation of law by the classics of German philosophy // Legal thought. 2020. No. 3 (119). P. 83–91. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.006

УДК 34.0
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.007

Становление и развитие отечественного законодательства о морской перевозке грузов в период конца XVII века до периода правления Екатерины II

А.Х. Хабибулаев*

Аннотация. В статье рассматриваются основные вопросы становления и развития законодательства о морской торговле, о перевозке грузов, о развитии судостроения и мореходного дела. Особое внимание уделено периоду до правления Петра I. Автор приходит к выводу, что морская торговля сложилась еще до Петра I, и торговое мореплавание регулировалось торговыми соглашениями и царскими грамотами, а при Петре I получило новый виток развития, с учетом опыта судостроения зарубежных стран. Мореходные кампании купцов дали начало казенной морской торговли и созданию военно-морского флота, способствовали развитию правового регулирования внешнеторговых операций морским транспортом.

Ключевые слова: русская торговля, законодательство о морской торговле, торговое мореплавание, торговый флот, морское законодательство, торговые соглашения, договор морской перевозки, цертепартия, фрахт-бриф, судостроение, староманерные суда, новоманерные корабли, регламент коммерц-коллегии, казенная морская торговля, морской кодекс, Устав об эверсах, внешнеторговые операции морского транспорта.

К концу XVII в. российское торговое мореплавание со своими особенностями уже сложилось. На Каспии морская торговля была достаточно активна уже в правление Алексея Михайловича. Достаточно известным является торговое соглашение царя Алексея Михайловича с шахом Аббасом II, который еще в 1664 г. дозволил русским купцам торговать в Персии беспошлинно, а в 1667 г. была учреждена торговая армянская компания для торговли через Россию шелком-сырцом [11, с. 149].

Из текста Жалованной грамоты Армянской компании на привоз в Россию шелка и сырца от 31 мая 1667 г. можно установить, что водный путь в Персию был широко известен и использовался русскими купцами, однако убыточность данных поездок привела к угасанию морской торговли в данном регионе [7, с. 692]. В конце XVII в. было активно развито государственное судостроение в Астрахани, имея, по словам Н.П. Загоскина, «вполне организованный характер». В ведении астраханского порта находились корабли и полукорабли каспийской флотилии, а также «ясаульные струги», относящиеся к военно-морской охранной флотилии [5, с. 36].

* ***Хабибулаев Али Хасбулаевич***, кандидат юридических наук. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

Как отмечал Ф.Ф. Веселаго, на Каспии сложилась и своя специфика судостроения. Торговые суда, так называемые «бусы», строились рубленными как избы, были достаточно вместительными, но совершенно лишены маневренности и устойчивости. Данные суда шли лишь с попутным ветром, и при плохой погоде часто переворачивались [18, с. 295–296]. Позже, в 1717 г. Петр I указом запретил их строительство. Таким образом, военно-торговый флот был образован еще при царствовании Алексея Михайловича. Не следует соглашаться с высказыванием И.Л. Танненбаума о том, что «До завоевания Петром Великим берегов Черного и Балтийского морей, ни торговое мореплавание, ни морское законодательство не имели возможности развиться у нас» [26, с. 23].

Конец XVII в. характеризовался заметным оживлением российской морской торговли, что можно проследить по активации лоцманской деятельности в портах Архангельска и позже уже в начале XVIII в. – Санкт-Петербурга. Еще в 1613 г. царской грамотой был узаконен «вожевой промысел», управление возлагалось на Двинскую приказную избу, с середины XVII в. при Архангельком порте действовала лоцманская служба, что связывают с грамотой от 1653 г. помору Ивану Хобарову [24, с. 6] (по другой версии Ивашке Котцову [10, с. 308–309]) и его товарищам, разрешающей проводить купеческие иностранные корабли по Белому морю и реке Северная Двина к порту и обратно. Кормщики (лоцманы) отвечали за сохранность судна всем своим имуществом и своей жизнью, что также было отражено в ранних сборниках морских обычаев «Consulato del mare», в Олеронских свитках, в праве Ганзейского союза.

С 1668 г. после основания «Братии вожей» лоцманское дело было регламентировано, а им даровано право на договорных началах наниматься на суда. Однако установление монопольно высоких цен привело к конфликту. В частности, широко известен инцидент августа 1680 г., связанный с блокированием прохода каравана кораблей купца Гаврилы Фатеева с чужими лоцманами на борту. В результате в 1683 г. лоцманов лишили привилегий и льгот. С 1685 г. все лоцманы подчинялись Архангельской таможне [6, с. 309], а цена их работы была зафиксирована в грамоте царей Ивана и Петра Алексеевичей [10, с. 309]. Таким образом, лоцманское дело из частной деятельности трансформировалось в государственную службу.

С 1694 г. в Архангельске на верфях начали строительство торговых судов, была основана казенная морская торговля (в основном с Голландией). Новая веха в торговом мореплавании связана с решением Боярской думы от 1696 г., которая по представлению Петра I постановила: «Морским судам быть». Посещение Архангельска Петром I в 1693 г. спровоцировало развитие «заморской» торговли, которая не могла быть реализована без военного флота. Выходом из положения стало создание военно-торгового флота. И в Голландии, и в России по заказу строились корабли средних размеров, которые одинаково были пригодны и для военных, и для торговых дел.

В 1694 г. была выдана грамота купцам Баженину на организацию частной верфи [15]. Баженины торговали с иностранными государствами на своих судах, для защиты от каперов и пиратов им было разрешено иметь оружие. Их корабли приобретали как русские, так и иностранные

купцы, в частности, английские негоцианты С. Гарцын и Р. Робинзон покупали суда сразу с товаром [15]. В 1710 г. Баженины организовали «мореходную компанию» с купцами М. Марковым и Я. Неклюдовым для торговли хлебом в Дании.

В начале XVIII в. перевозка товаров на Каспии осуществлялась казенными судами и находилась в ведении астраханской таможни, в 1707 г. управление торговыми перевозками были переданы в ведение морского офицера [5, с. 36], что привело к окончательному слиянию военного и торгового флота. В 1712 г. Ф. Салтыков был отправлен в Англию для покупки кораблей и изучения деятельности английских и ирландских портов [16, с. 13–18]. В 1714 г. он направил Петру I свои проекты по развитию России, где среди прочих условий указывал на необходимость установить северный морской путь торговли с Индией и Китаем [16, с. 34].

Для развития морской торговли важен и указ Петра I от 1715 г. о запрете строительства кораблей по старому образцу. С данного момента стали строить «новоманерные» корабли – галиоты, гукоры, каты, флейты. В 1715 г. К. Зотов, будучи во Франции, писал Петру I, что для развития морского дела необходимо, чтобы мореходы, равно как и служащие адмиралтейств, «повинны твердо знать юриспруденцию», а также ссылался на торговую политику Людовика XIV, заключающуюся в объявлении королем крупной торговли благородным делом, в подтверждение чего, он отправлял с товарами собственные корабли.

Не складывались на должном уровне торговые отношения с Англией, несмотря на то, что после ее посещения Петром I в конце XVII в. были все к тому предпосылки. Т.А. Лаптева опубликовала хранящуюся в фондах РГАДА переписку русского и английского двора, посвященную переговорам о заключении торгового договора. Большая часть вопросов была посвящена именно обеспечению морской перевозки грузов. Так, в мемориале Петру I о состоянии и развитии торговых отношений между Россией и Англией от 10 марта 1715 г. английский резидент в России Дж. Маккензи указывал, что необходимо установить свободную и открытую торговлю всем британским купцам, предоставлять быстро, в нужном количестве и лучших лоцманов и в архангельском порту, и санкт-петербургском, и в других портах (п. 6), разрешить свободную торговлю между английскими и русскими купцами по всей территории России, а также право использовать ценные бумаги, поскольку в таких стесненных обстоятельствах английские купцы не имеют возможности фрахтовать чужие корабли в русских портах (п. 8), создать особый торговый суд в Москве, чтобы не осуществлять розыск должников по всей территории государства (п. 9) [12, с. 174].

Ответный проект от 23 марта 1715 г. содержал положения: о свободе «морем ездить и там торговать безо всякого помешательства» наравне с представителями других стран (п. 2), о праве британских купцов приходить на своих судах в порты на Северном, Белом и Балтийском море «морем ходить и там торговать» (п. 3), о свободе покупать любые товары и «договоренные достатки вывозить без всякого помешательства… когда состоится некоторый генеральный заказ, который как власным подданным, так и чужеземцом вывоз некоторых товаров возпрепятствует… товары из казны обоих

держав продаваться обыкли» (п. 5), о свободе российских подданных на своих кораблях ходить по всем морям в государства, воюющим с Великобританией, для торговли всеми своими товарами без ограничений с взаимной свободой британских купцов, если каперы причинят убыток купцам, то его следует выплатить (п. 6), о рассмотрении споров между английскими и русскими купцами по древним традициям в Приказе чужестранных дел и в «вышнем их суде по правости» (п. 7), о взятии пошлин в английских портах с российских купцов не больше, чем с других иностранных кораблей (п. 10) [12, с. 176–179].

Этот проект, как и первый, подписан не был. Второй проект английской стороны от мая 1715 г. закреплял полную свободу моря и торговли, входа в порты кораблей как нагруженных, так и «порозжих», без ограничения срока стоянки, но по правилам и обычаям порта, свободу английских купцов перевозить и ввозить любые отечественные товары (исключение – запрещенные по закону), обязанность выпускать перевозимые в другие государства российские товары с оформленным свидетельством о том, что товар свободен от прав третьих лиц и ограничений, свободу перевозить купленные товары как на собственных кораблях, так и на иностранных, свободно выезжать на своих груженых судах в свое отечество.

Торговый договор с Англией будет заключен значительно позже, однако данная переписка отражала большинство проблем, связанных с перевозкой грузов морем. Груз мог попасть под перечень запрещенного товара, его могли не впустить в порт, как и само судно, не дать лоцмана, оставить судно зимовать в порту. Отсутствие должного правового регулирования нередко приводило к тому, что даже по письменным контрактам договор купли-продажи не исполнялся, и судно уходило в отечество без груза и т.д. Переписка раскрывает еще один момент, несмотря на то, что Петр I старался развить активную морскую торговлю, очень часто государственные контракты доставались иностранным корабельщикам [2] [3], кроме того, английским купцам нередко предоставлялся российский конвой, причем сопровождались торговые корабли от Англии до России [4].

Несмотря на отсутствие торгового соглашения, российская сторона практически стала выполнять положения, закрепленные в проектах, что и доказывали вышеуказанные документы. Однако английская сторона попрежнему свободы входа в английские порты не давала. Так, на основании донесения капитан-командора Н.А. Синявина генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину о прибытии корабля под его командованием в Лондон от 19 ноября 1715 г. можно установить, что российские корабли в Лондон не пропускали на основании Навигационного акта Кромвеля XVII в., запрещающего вход в английские порты неанглийским кораблям. Российский корабль, во избежание полной конфискации корабля с товаром, был вынужден изменить курс и уйти в Голландию [12, с. 192].

Между тем в начале XVIII в. отечественный торговый флот попрежнему отсутствовал. По замечаниям Н.П. Загоскина, «Его суда были рассчитаны, преимущественно, на каботажное плавание и русские люди прибегали к услугам иностранных кораблей в тех случаях, когда им доводилось пускаться в плавания океанские; проект Густава фон-Кампена

о создании Россией собственного торгового флота, относящийся к третьей четверти XVII-го века, не получил в ту пору осуществления». В январе 1723 г. был издан именной указ «О пропуске староманерных судов к Санкт-Петербургу с дубовыми лесами», что также говорит о медленной модернизации флота. Кроме того, российские купцы были не готовы к самостоятельной торговле на своих судах.

Отмечают низкий уровень грамотности русских купцов XVIII ст., незнание иностранных языков и основ бухгалтерии, кроме того, необходимость вступать в вооруженные конфликты в ходе следования до иностранных портов привели к тому, что значительная часть новых торговых кораблей были отданы в наем на три года английским купцам. Решением указанных проблем стало возвращение к товарищеским основам мореплавания, поскольку морское страхование в России вплоть до XIX в. было слабо развито. Однако уже во второй половине XVIII в. внешнеторговую деятельность на собственных судах осуществляли торговые дома Д. Баженина, А. Бармина, С. Бусинова, Н. Крылова, А. и И. Курочкиных, а уже к концу XVIII ст. около тринадцати купеческих семей экспортировали товары на собственных торговых судах.

Более ста лет Архангельск являлся единственным портом российского государства, к 1720 г. за навигацию порт принимал до ста иностранных кораблей. Были организованы морские экспедиции по поиску торговых путей, в частности, в 1719 г. экспедиция К.П. Вердена вдоль восточного побережья Каспийского моря. Для торговли с Персией Петр I планировал создание специальной торговой компании, однако в связи с обесцениванием акций Ост-индской компании данные планы не были реализованы [29, с. 112–113].

В 20-х годах XVIII в. происходит существенное изменение в российском торговом мореплавании, что было связано с открытием второго города-порта Санкт-Петербурга. Ряд указов Петра I, в основном фискального характера, привели к тому, что значительная часть внешнеторгового оборота была переориентирована с Архангельска на Санкт-Петербург. Для развития внешней торговли были учреждены первые консульства [25, с. 148–149]. С целью изучения морских торговых операций Петром I в иностранные морские порты каждый год направлялись молодые люди из купечества, помимо изучения обычаев морской торговли они должны были также работать над основанием торговых домов.

Серьезная работа была проведена для установления прямых торговых связей с Испанией, Португалией, Францией и Персией, выяснялись потребности рынка данных государств. Торговые агенты, консулы и дипломаты направляли в Россию копии французских торговых и гражданских законов. В 1717 г. состоялась поездка Петра I во Францию после чего стали развиваться русско-французские внешнеторговые связи.

Так, в 1719 г. был принят Регламент коммерц-коллегии, в ст. 23 которого указано, что коллегия должна была взаимодействовать с консулами и получать от них сведения «как в других государствах и землях российские и чужестранные товары в цене поднимаются и низятся, такожде как пошлины..., какие трактаты о коммерции между чужестранными держа-

вами поставлены и какие о морском хождении, купечестве и каперстве и прочих регламенты выданы бывают» [21, с. 671]. Общественные и политические деятели, пребывая за границей, по настоянию Петра I активно вникали в дела морской торговли и морского дела, отправляя в Россию свои заметки, наблюдения и различного рода проекты [29, с. 94].

В 1720 г. Россия и Франция начала переговоры об установлении торговых связей. Через своего представителя во Франции Петр I передал дозволение французским кораблям приходить в Балтийское море для торга, а также организовать торговую компанию для торговли в России по принципу Ост-индской компании. Такие же привилегии получило и голландское купечество [29, с. 97]. Одномоментно с морским судоходством развивалось и речное, а также каботажное плавание. Об этом можно судить и по содержанию принятого в 1720 г. «Устава об эверсах», содержащего семнадцать статей.

Как указывал В.А. Удинцев, Устав об эверсах 1720 г. стоит считать первым законодательным актом в области торгового права, имеющим преимущественно частноправовую ориентацию [30, с. 83], этот акт является и первым российским специальным актом водного и морского права. До принятия данного устава отношения по перевозке грузов водным, в том числе и морским, транспортом были урегулированы Новоторговым уставом 1667 г. лишь отчасти. Устав 1720 г. установил размер фрахта (ст. 2) [8, с. 707]; определил срок исполнения соглашения о найме (ст. 4) [8, с. 707], в соответствии со ст. 5 грузоотправителю давалось семь «работных дней» для погрузки, а на основании ст. 6 четыре «работных дня» для выгрузки груза с судна по прибытию в условленное место. Также устанавливалось, что погрузкой должны заниматься судовладельцы, а выгрузкой – наниматели судна (ст. 7). Отдельно оговаривалась ответственность за целостность и сохранность груза, а также за техническую исправность судна. Было включено и положение об аварии – убытки несла каждая сторона самостоятельно.

Прообраз коносамента закреплен в ст. 13 Устава, выражен как обязанность составлять расписку о приеме к перевозке груза, при предъявлении которой груз выдавался собственнику (получателю) груза [8, с. 708]. Настоящий законодательный памятник содержит практически все необходимые нормы для урегулирования отношений в сфере перевозок, учитывая даже оповещение грузоотправителей о том, кто готов под погрузку (ст. 16), в данном документе наблюдается прообраз линейного судоходства. Особо оговаривалось требование регистрации судов, если купец перевозил груз на нелегальном эверсе, то и судно, и товар подлежали конфискации (ст. 17). Таким образом, это не столько памятник торгового, сколько транспортного права. Интересна и ст. 1 Устава, поскольку она определяет отношения по договорам перевозки грузов для государственных нужд, при этом эверсы были переданы государством купцам для исполнения данных договоров. Однако на каких основаниях они были «отданы купецким людям для возки товаров» из данной статьи не вытекает.

До 1720 г. все российские нормативно-правовые акты содержали нормы, регулирующие отношения в сфере мореплавания, исключительно публичного, часто лишь фискального, характера. Относительно происхождения

норм данного документа можно предположить, что Петр I воспользовался образцами иностранного законодательства, в частности, шведского. Поскольку, как отмечает В.А. Томсинов, в 1719–1720 гг. велась работа по формированию нового Уложения, в Именном указе Петра I от 1719 г. устанавливались основные правила отбора норм права [8]. При этом, как указывает ученый, Петр I при законотворчестве использовал «старые приемы дьяческой юриспруденции» [27 с. XLIV], но с долей новеллизации: широко применялась рецепция норм и терминологии зарубежного законодательства, преимущественно голландского, шведского, датского и др. И.Л. Танненбаум утверждал, что «Устав об эверсах» имеет германско-голландское происхождение [26, с. 23].

Позже для организации торгового мореплавания были приняты два регламента: в 1723 г. «Регламент шкиперам и прочим, приходящим на торговых кораблях в порты Российского государства» – руководство для осуществления входа торгового судна в порт, и в 1724 г. «Морской торговый регламент и устав», включающий преимущественно фискальные нормы. Регламент шкиперам закреплял правила для провоза, погрузки и разгрузки опасных (легковоспламеняющихся) грузов, кроме того, определялись некоторые технические моменты [22, с. 81]. Отдельные нормы, имеющие особое значение для становления института морской перевозки груза, содержались и в Морском торговом Регламенте и Уставе 1724 г. В соответствии со ст. 2 Регламента и Устава по приходу судна в порт необходимо было предъявить роспись всему грузу товарам, тюкам, бочкам, ящикам и прочему, указать клейма и номера товара, «такожде пас и цертепартии, или договорное письмо между корабельщиком и купецким человеком о найме корабельном, и откуда приехал и кому оный корабль или положенные в нем товары имеют отданы быть» [14, с. 233–234], в ст. 3 Регламента и Устава была закреплена обязанность корабельщика иметь все надлежащие документы и «всякие ведомости», где должно быть дано подробное описание груза, позволяющее дать таможне достоверную о нем информацию.

Отсутствие документов давало право конфисковать груз, кроме того, в ст. 15 этого же документа устанавливалась обязанность купцов и корабельщиков указывать страну происхождения товара и их правдивую цену. Ст. 31 рассматриваемого акта вводила понятия фрахт-бриф [1] и фактуры [31, с. 782], которые подтверждали легальность товара. В ст. 10 Регламента и Устава закреплялось право на транзит и возможность выхода из порта с недогрузом, чтобы иметь возможность догрузить его в ином порту, а в ст. 19 устанавливался штраф за проход мимо российского порта, если заранее он в маршруте был объявлен [14, с. 237]. В ст. 16 конкретизировались правила меры и весов, устанавливая единицы измерения груза. Учитывая, что ст. 21 запрещала проводить товар беспошлинно как воинским, так и иным кораблям, можно предположить, что грузы могли доставляться и на военных кораблях.

В ст. 27 предусматривалась ответственность корабельщика за нарушение правил погрузки и выгрузки: «для грузу или выгрузки в гавани стоят, тогда в них до солнечного восходу и западу, никаких вещей и товаров не нагружать и не выгружать», ст. 29. также конкретизировала место выгрузки и погрузки [14, с. 239].

Таким образом, впервые цертепартия была упомянута именно в законодательстве Петра I, равно как и ее отождествление с договором перевозки. Достаточно четко определялся и субъектный состав договора морской перевозки, что показывает, в частности, существенные изменения в деловой практике русской морской торговли. Очевидно, что перевозка груза без ее сопровождения собственником стала обычным делом, а не исключением. В связи с этим на передний план выходит и специфический субъект договора морской перевозки – грузополучатель. Был введен в законодательство и ряд новых терминов, наряду с цертепартией упоминались также необходимые сопроводительные документы фрахт-бриф и фактура, ведомость и роспись, однако нормы, в которых использовались указанные термины, не являлись нормами-дефениициями, соответственно, понятия закреплялись, но не определялись.

Таким образом, легального определения цертепартии, фрахт-брифа, фактуры, ведомости, росписи, договорного письма не было. Значение этих документов было велико, поскольку при их отсутствии предусматривалась конфискация, однако содержание этих документов можно установить лишь приблизительное. Судя по тексту Регламента и Устава, фрахт-бриф, ведомость, фактура, роспись являлись письменными документами и должны были содержать опись товара, единицы его измерения, количество, страну происхождения и стоимость. Более того, документы должны были иметь указания на владельца товара, либо содержать сведения о грузоотправителе и грузополучателе. Если перевозчик и владелец товара не совпадали в одном лице, то необходимо было предоставлять цертепартию либо договорное письмо.

Наличие данных понятий без какого-либо уточнения в законодательных актах Петра I говорит о том, что законодатель был хорошо знаком с данной терминологией, которая была общеупотребима в сфере торгового мореплавания и не нуждалась в дополнительных комментариях. Согласно замечаниям Э.Л. Лимонова, ссылавшегося на работу G. Malynes «Consuetudo vel Lex Mercatoria», которая раскрывает основы деловой практики английского торгового мореплавания XVII в., коносаменты (анг. – Bill of Lading, нем. – Fráchtbrief) не составлялись отдельно от чартера (цертепартией, фрахтового договора) и являлись обязательным приложением к договору [13, с. 57]. Англия XVII-XVIII вв. избегала регламентации торгового и морского права, используя нормы обычного права, в связи с чем заимствование английских норм исключается.

Этот вывод подтверждается и тем, что в Регламентах Петра I нет прямого обязывания корабельщика иметь фрахт-бриф при цертепартии, соответственно, заимствование идет от шведского, голландского, датского права, где данные документы предусматривались, как имеющие место быть при доказательстве договора перевозки груза. Значение указанных документов возрастает, поскольку они играли роль правовой основы взыскания таможенных пошлин, сборов и налогов. Тем самым, основой правового регулирования по-прежнему являлись обычные нормы, поскольку данные понятия, что очевидно, попали в рассматриваемый законодательный акт из деловой практики, хотя на данный момент в Дании уже существовал мор-

ской кодекс. Кроме того, прямое указание на заимствование норм зарубежного права при восполнении пробелов в урегулировании множества конфликтных вопросов в морских торговых делах также говорило о том, что российское торговое морское законодательство было далеко от совершенства и не в полной мере соответствовало требованиям своего времени.

В Регламенте коммерц-коллегии от 1724 г. также содержались нормы, регулирующие отношения в области торгового мореплавания. В частности, ст. 10 была посвящена вопросам поддержания отечественного торгового судостроения [20, с. 244], поддерживалась и торговля купеческими кораблями, произведенными на российских верфях – ст. 11 закрепляла положение о том, что запрещено чинить препятствия торговле новопостроенными кораблями. В ст. 13 предусматривалась обязанность предоставить по потребностям конвой для идущих за границу купеческих кораблей из российских портов, причем не уточнялась национальность этих кораблей. 14 ст. содержала льготы (вольности) негоциантам [20, с. 244], подобное правило также широко применялось на Средиземноморье еще с XII–XIII вв. В соответствии со ст. 15 наряду с Адмиралтейством Коммерц-коллегия обязана была осуществлять надзор за лоцманами с целью защиты купечества от различных злоупотреблений и причинения ущерба. На основании ст. 21 устанавливалась обязанность Коммерц-коллегии определять консулов, снабжая их инструкциями по вопросам торговли.

Дублировалось положение Регламента 1719 г. об обязанности следить за торговыми договорами иностранных государств, а также отслеживать законодательство о торговом мореплавании, купечестве и каперстве, своевременно информировать торговых людей о состоянии законодательства и рынка представляемого ими государства. Более того, ст. 24 Регламента наделяла Коммерц-коллегию правом правотворческой инициативы. Так, Коммерц-коллегия при сообщении ей купцами о каких-либо стеснениях в морском торговом деле должна была применять постановления других государств к торговым уставам и регламентам, сообщив об этом решении в Камер-коллегию, чтобы те, в свою очередь, внесли дополнения или редактировали какое-либо положение. Исследуемый документ также закреплял основные принципы ведения торгового дела, в том числе и морской торговли [20, с. 247]. Кроме того, в ст. 31 Регламента были установлены жесткие правила привоза товаров в российские порты [17, с. 248–249].

Таким образом, административно-правовая регламентация морской торговли преобладала и в начале XVIII в. Петр I поощрял не только пассивную морскую торговлю, но всячески способствовал развитию активного торгового мореплавания. В декабре 1724 г. для налаживания торговых сношений с Францией и Испанией на военных кораблях под купеческими флагами был отправлен торговый караван под управлением В.И. Беринга с русскими товарами, назад должны были везти французские и испанские товары.

Торговля с Испанией регламентировалась Именным указом от 4 августа 1724 г., данным указом была учреждена компания для торговли с Испанией, которая управлялась коммерц-коллегией. Компания должна была включать купцов, иметь представительство в Испании и поддерживать торговые связи с местными купцами. Организация эта имела принуди-

тельный характер, поскольку «всем известно, что наши люди ни во что сами не пойдут, ежели не приневолены будут» [23, с. 47]. Государство обязывалось участвовать в данном предприятии, помощь оказывалась кораблями и матросами адмиралтейства и денежной помощью из казны, фактически, вводился в оборот на официальном уровне договор аренды транспортного средства с экипажем. Относительно обеспечения компании устанавливалось, что каждый участник обязан был внести пай, который мог быть неравнозначным с остальными. Компания должна была стать аналогом Остиндской компании.

Как указывает А.Н. Торопов, ссылаясь на архивные документы РГАДА, первыми попытками установить торговые сношения между Португалией и Россией стало обращение португальских властей к Петру I в 1724 г., в результате чего в Лиссабон было обещано направить российского консула, однако о результатах данной миссии, равно как о том состоялась она или нет информация отсутствует [28, с. 172]. После смерти Петра I правовое и финансовое обеспечение деятельности торгового флота было приостановлено.

За время короткого правления Екатерина I успела в 1726 г. отправить торговые морские экспедиции в Испанию и Францию с образцами российских товаров, что было запланировано еще в 1723 г. [9, с. 686–688]. Следующая дальняя торговая морская экспедиция состоялась лишь в 1764 г. Несмотря на наличие специального законодательного акта, на практике дела обстояли иначе. Это можно проследить по документам из фондов РГАДА опубликованных А.В. Демкиным. В частности, 25 февраля 1726 г. на имя Екатерины I поступило прошение британского купечества о снижении таможенных пошлин, улучшении условий торговли и быта [19, с. 15–16]. В прошении также было положение о паспортах, о котором сказано было еще в петровских проектах торгового договора с Англией, видимо ситуация больше чем за десять лет так и не изменилась, также было требование о составлении по прибытии декларации на своем языке – не на русском, послабление в условиях определения мореходного состояния судна, вменить дополнительные обязанности хозяевам эверсов, перевозящих груз в Кронштадт, чтоб на обратном пути оформляли паспорт кронштадтской таможни, с той целью, если полностью будет загружен корабль, а лишние товары останутся, то иметь возможность перегрузить их в другой корабль, упростить выход судна в море однократным предъявлением паспортов.

Таким образом, Устав об эверсах имел достаточное количество пробелов, кроме того, несовершенство таможенного права также усугубляло положение как перевозчиков, так и грузохозяев. Из данных документов видно, что простой, порча груза, неправильное или несвоевременное оформление документации, отсутствие четкого распределения обязанностей между грузохозяином и перевозчиком, упущение хорошей погоды и другие нарушения являлись обычным делом, при этом убытки купцам не возмещались. Привлекательность российских портов резко снижалась, что не способствовало ни развитию торгового флота, ни морскому законодательству. Чтобы разгрузить Санкт-петербургский порт, Екатерина I сняла с Архангельского порта ограничения на внешнюю торговлю Именным указом «О дозволении всем свободной торговли у города Архангельска с платою прибавочных на

товары внутренних пошлин» от 9 января 1727 г. [17, с. 727–728], чем способствовала расширению, прежде всего, пассивной морской торговли.

Библиографический список

1. Hartenstein O., Reuschle F. Handbuch des Fachanwalts für Transport- und Speditionsrecht. 3. Auflage. Verlag Carl Heymanns, Köln, 2015.

2. № 10. 1715 г., июня 8. Предписание генерал-адмирала Ф.М. Апраксина генерал-майору и обер-штер-кригс-комиссару Г.П. Чернышеву о расчетах с английским купцом Ф. Коллинзом за доставленную соль // РГА ВМФ, Ф. 233. Канцелярия Ф.М. Апраксина. № 253. Л. 158. Копия;

3. № 12. 1715 г. июня 25. Предписание генерал-адмирала Ф.М. Апраксина провиантмейстеру Нелидову о покупке соли и угля у английского купца В. Стерлинга // РГА ВМФ. Ф. 233. Канцелярия Ф.М. Апраксина. № 253. Л. 177. Копия; Лаптева Т.А. «Государство то всегда богато, котораго жители богаты»: «Просил нас аглинский купец…»: Документы из архивов России и Англии. 1714–1715 гг. // Исторический архив. – 1994. – № 3. – С. 185–186.

4. № 16. 1715 г. сентябрь 9. Предписание генерал-адмирала Ф.М. Апраксина капитану П.П. Бредалю о возможном конвоировании следующих из Англии в Россию торговых судов, принадлежащих английскому купцу Ф. Коллинзу // РГА ВМФ. Ф. 233. Канцелярия Ф.М. Апраксина. № 232. Копия.

5. *Веселаго Ф.Ф.* Краткая история русского флота. Вып. 1–2. – СПб., 1893–1895. – С. 36.

6. ГААО. Ф. 499. Общество архангельских лоцманов имени царя Михаила Федоровича. Д. 309.

7. Жалованная грамота Армянской компании на привоз в Россию шелка и сырца от 31 мая 1667 г. // Полное собрание законов Российской Империи. – Т. I. 1649–1675 гг. – СПб., 1830. – С. 692.

8. Законодательство Петра I. – М., 1997. – С. 707.

9. Инструкция капитану Кошелеву. 1723 года август // Материалы для истории русского флота: Ч. II. – СПб., 1865. – С. 686–688.

10. *Кузмишев П.Ф.* Исторические сведения об архангельских лоцманах. – СПб., 1864. – С. 308–309.

11. *Курц Б.Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. – Киев, 1915. – С. 149.

12. *Лаптева Т.А.* «Государство то всегда богато, котораго жители богаты»: «Просил нас аглинский купец…»: Документы из архивов России и Англии. 1714–1715 гг. // Исторический архив. – 1994. – № 3. – С. 174, 176–179, 189, 192.

13. *Лимонов Э.Л.* Внешнеторговые операции морского транспорта и мультимодальные перевозки. – СПб., 2009. – С. 57.

14. Морской торговый Регламент и Устав от 31 января 1724 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Т. VII. 1723–1727 гг. – СПб., 1830. – С. 233–234, 237, 239.

15. *Овсянкин Е.И.* Архангельск купеческий. – Архангельск, 2000. [Электронный ресурс] // режим доступа: http://lit.lib.ru/o/owsjankin_e_i/ text_0030.shtml

16. *Павлов-Сильванский Н.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. – СПб., 1897. – С. 13–18. С. 34.

17. ПСЗРИ. Т. VII. 1723–1727 гг. – СПб., 1830. – С. 248–249, 727–728.

18. Пункты, предложенные коммерц-коллегиею с ответами за подписью фон Вердена, 1720 года декабря 21 // Материалы для истории русского флота. Ч. IV. – СПб., 1867. – С. 295–296.

19. РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 1663 // Демкин А.В. Русско-британские торговые отношения в XVIII в. – М., 1994. – С. 15–16.

20. Регламент коммерц-коллегии 31 января 1724 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Т. VII. 1723–1727 гг. – СПб., 1830. – С. 244, 247.

21. Регламент коммерц-коллегии от 3 марта 1719 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. V. 1713–1719 гг. – СПб., 1830. – С. 671.

22. Регламент Шкиперам и прочим приходящим на торговых кораблях в порты Российского государства // Полное собрание законов Российской Империи. Т. VII. 1723–1727 гг. – СПб., 1830. – С. 81.

23. Реформы Петра I. Сборник документов / Сост. В.И. Лебедев. – М., 1937. – С. 47.

24. *Сабо И.* Лоцманское дело в России (Историко-догматический очерк). – СПб., 1908. – С. 6.

25. *Сафронова Е.В.* Эволюция функций консульских учреждений Российской Империи в XVIII- начале XX вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: Философия. Социология. Право. – 2007. – № 9. – Т. 2. – С. 148–149.

26. *Танненбаум И.Л.* Об аварии // Временник Демидовского юридического лицея. – 1913. – Кн. 111. – С. 23.

27. *Томсинов В.А.* «Всем должно хранить интерес государев и государственной»: Петр I как законодатель // Законодательство Петра I. 1696–1725 годы / сост., авт. пред. и вступ. ст. В.А. Томсинов. – М., 2014. – С. XLII, XLIV.

28. *Торопов А.Н.* Открытие торговли между Россией и Португалией по инициативе Екатерины II // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI-XIX вв.: сб. материалов Второй междунар. науч. конф. (Курск, 2009 г.)./ сост. А.И. Раздорский. – Курск, 2009. – С. 172.

29. *Троицкий С.М.* «Система» Джона Ло и ее русские последователи // Франко-русские экономические связи. – Москва-Париж, 1970. – С. 94, 97, 112–113.

30. *Удинцев В.А.* Исторический очерк торгового права. – Киев, 1900. – С. 83.

31. *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. – М., 2005. – С. 782.

Для цитирования: *Хабибулаев А.Х.* Становление и развитие отечественного законодательства о морской перевозке грузов в период конца XVII века до периода правления Екатерины II // Юридическая мысль. – 2020. – № 3 (119). – С. 92–103. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.007

Formation and development domestic legislation on the carriage of goods by sea from the end of the XVII to the period of the reign of Catherine II

Ali Kh. Khabibulaev *

Annotation. The article deals with the main issues of the formation and development of legislation on sea trade, on the carriage of goods, on the development of shipbuilding and maritime business. Particular attention is paid to the period before the reign of Peter I. The author comes to the conclusion that sea trade developed even

* ***Khabibulaev Ali Khasbulaevich,*** *candidate of legal sciences.* E-mail: lawinst-spb@mail.ru

before Peter I, and merchant shipping was regulated by trade agreements and tsarist charters, and under Peter I it received a new round of development, taking into account the experience of shipbuilding in foreign countries. The seafaring campaigns of merchants gave rise to state-owned sea trade and the creation of the navy, contributed to the development of legal regulation of foreign trade operations by sea transport.

Keywords: Russian trade, legislation on maritime trade, merchant shipping, merchant fleet, maritime legislation, trade agreements, sea carriage contract, certeparty, freight brief, shipbuilding, old-style ships, new-style ships, regulations of the commercial board, state-owned sea trade, Maritime Code, Evers Charter, foreign trade operations of sea transport.

By the end of the 17th century Russian merchant shipping with its own characteristics has already taken shape. In the Caspian Sea, sea trade was already quite active during the reign of Alexei Mikhailovich. Quite well-known is the trade agreement between Tsar Alexei Mikhailovich and the Shah Abbas II, who in 1664 allowed Russian merchants to trade duty-free in Persia and in 1667 an Armenian trading company was established to trade raw silk through Russia [11, p. 149].

From the text of the Letter of Commendation of the Armenian Company for the import of silk and raw materials to Russia dated May 31, 1667, it can be established that the waterway to Persia was widely known and used by Russian merchants, however, the unprofitableness of these trips led to the extinction of sea trade in this region [7, p. 692]. At the end of the 17th century. state shipbuilding was actively developed in Astrakhan, having, according to N.P. Zagoskin, “quite organized character”. The Astrakhan port was in charge of ships and semi-ships of the Caspian flotilla, as well as “jasaul plows” related to the naval security flotilla [5, p. 36].

As F.F. Veselago, the Caspian Sea has its own specificity of shipbuilding. Merchant ships, the so-called “beads”, were built chopped like huts, were spacious enough, but completely devoid of maneuverability and stability. These ships sailed only with a favorable wind, and in bad weather they often turned over [18, p. 295–296]. Later, in 1717, Peter I banned their construction by decree. Thus, the navy was formed during the reign of Alexei Mikhailovich. One should not agree with the statement of I.L. Tannenbaum that “Before Peter the Great conquered the shores of the Black and Baltic Seas, neither merchant shipping nor maritime legislation had the opportunity to develop in our country” [26, p. 23].

End of the 17th century characterized by a noticeable revival of Russian maritime trade, which can be traced to the activation of pilotage in the ports of Arkhangelsk and later already at the beginning of the 18th century. – St. Petersburg. Back in 1613, the tsar's charter legitimized the “vozhevoy trade”; management was entrusted to the Dvinskaya clerk hut, from the middle of the 17th century at the Arkhangelsk port there was a pilotage service, which is associated with a letter from 1653 to the pomor Ivan Khobarov [24, p. 6] (according to another version of Ivashka Kottsov [10, p. 308–309]) and his comrades, which allows foreign merchant ships to be guided along the White Sea and the Northern Dvina River to and from the port. The pilots (pilots) were responsible for the safety of the ship with all their property and their lives, which was also

reflected in the early collections of maritime customs “Consulato del mare”, in the Oleron Scrolls, in the law of the Hanseatic League.

Since 1668, after the founding of the “Brotherhood of Leaders”, the pilotage business was regulated, and they were granted the right to be hired on ships on a contractual basis. However, the establishment of monopoly high prices led to a conflict. In particular, the incident of August 1680 is widely known, connected with the blocking of the passage of a caravan of ships of the merchant Gavrila Fateev with foreign pilots on board. As a result, in 1683 the pilots were deprived of their privileges and benefits. Since 1685, all pilots were subordinate to the Arkhangelsk customs [6, p. 309], and the price of their work was fixed in the charter of Tsars Ivan and Peter Alekseevich [10, p. 309]. Thus, the pilotage business was transformed from a private activity into a public service.

In 1694, the construction of merchant ships began at shipyards in Arkhangelsk, and state-owned sea trade was founded (mainly with Holland). A new milestone in merchant shipping is associated with the decision of the Boyar Duma of 1696, which, on the proposal of Peter I, decided: “There will be sea vessels”. A visit to Arkhangelsk by Peter I in 1693 provoked the development of “overseas” trade, which could not be realized without a military fleet. The way out was the creation of a military merchant fleet. Both in Holland and in Russia, ships of medium size were built to order, which were equally suitable for military and commercial affairs.

In 1694, a certificate was issued to the merchants Bazhenin for the organization of a private shipyard [15]. The Bazhenins traded with foreign countries on their ships; they were allowed to have weapons to protect them from privateers and pirates. Their ships were purchased by both Russian and foreign merchants, in particular, the English merchants S. Gartsyn and R. Robinson bought ships immediately with the goods [15]. In 1710 the Bazhenins organized a “seafaring company” with the merchants M. Markov and J. Neklyudov to trade in bread in Denmark.

At the beginning of the XVIII century. the transportation of goods in the Caspian was carried out by state-owned ships and was under the jurisdiction of the Astrakhan customs, in 1707 the management of trade transportation was transferred to the jurisdiction of a naval officer [5, p. 36], which led to the final merger of the military and merchant fleets. In 1712, F. Saltykov was sent to England to buy ships and study the activities of English and Irish ports [16, p. 13–18]. In 1714, he sent to Peter I his projects for the development of Russia, where, among other conditions, he pointed out the need to establish a northern sea route for trade with India and China [16, p. 34].

For the development of sea trade, the decree of Peter I of 1715 prohibiting the construction of ships according to the old model is also important. From that moment on they began to build “new-mannered” ships – galiots, gukors, kats and flutes. In 1715, K. Zotov, being in France, wrote to Peter I that for the development of maritime affairs it was necessary that seafarers, as well as employees of the admiralties, “were guilty of knowing the jurisprudence firmly”, and also referred to the trade policy of Louis XIV, which consists in the declaration of the king of large trade as a noble cause, in confirmation of which, he sent his own ships with goods.

Trade relations with England did not develop at the proper level, despite the fact that after Peter I visited it at the end of the 17th century. there were all prerequisites for that. T.A. Lapteva published the correspondence between the Russian and English courts, kept in the funds of the RGADA, on the negotiations on the conclusion of a trade agreement. Most of the questions were devoted specifically to ensuring the carriage of goods by sea. So, in the memorial to Peter I on the state and development of trade relations between Russia and England on March 10, 1715, the English resident in Russia J. Mackenzie pointed out that it is necessary to establish free and open trade to all British merchants, to provide quickly, in the right quantity and the best pilots both in the port of Arkhangelsk, and in St. Petersburg, and in other ports (clause 6), to allow free trade between English and Russian merchants throughout Russia, as well as the right to use securities, since in such constrained circumstances, English merchants do not have the possibility of chartering other people's ships in Russian ports (clause 8), creating a special merchant court in Moscow, so as not to search for debtors throughout the state (clause 9) [12, p. 174].

The reciprocal draft of March 23, 1715 contained provisions: on the freedom to "travel by sea and trade there without any insanity" on a par with representatives of other countries (clause 2), on the right of British merchants to come on their ships to ports on the Northern, White and Baltic the sea "to walk by the sea and trade there" (p. 3), about the freedom to buy any goods and "export the agreed wealth without any insanity ... when some general order takes place, which will impede the export of some goods by both a vlachy citizen and a foreigner goods from the treasury of both powers are customary to be sold" (clause 5), on the freedom of Russian subjects on their ships to go on all seas to states at war with Great Britain to trade all their goods without restrictions with the mutual freedom of British merchants if privateers cause a loss merchants, then it should be paid (clause 6), on the consideration of disputes between English and Russian merchants according to ancient traditions in the Order of Foreign Affairs and in their "highest court according to the law news" (p. 7), about the collection of duties in English ports from Russian merchants no more than from other foreign ships (paragraph 10) [12, p. 176–179].

This project, like the first, was not signed. The second draft of the British side, dated May 1715, secured complete freedom of the sea and trade, entry into ports of ships, both loaded and "unloaded", without limiting the length of stay, but according to the rules and customs of the port, the freedom of English merchants to transport and import any domestic goods (the exception is prohibited by law), the obligation to release Russian goods transported to other states with a formalized certificate that the goods are free from the rights of third parties and restrictions, the freedom to transport purchased goods both on their own ships and on foreign ones, to freely travel on their own loaded ships to their homeland.

A trade agreement with England will be concluded much later, but this correspondence reflected most of the problems associated with the carriage of goods by sea. The cargo could fall under the list of prohibited goods, it could not be allowed into the port, like the ship itself, not given a pilot, leave the ship to winter in the port. The lack of proper legal regulation often led to the fact

that even under written contracts, the purchase and sale agreement was not executed, and the ship left for the fatherland without cargo, etc. The correspondence reveals one more point, despite the fact that Peter I tried to develop an active sea trade, very often government contracts were awarded to foreign shipbuilders [2; 3], in addition, English merchants were often provided with a Russian convoy, and merchant ships from England to Russia [4].

Despite the absence of a trade agreement, the Russian side practically began to comply with the provisions enshrined in the projects, which was proved by the above documents. However, the English side, as before, did not give freedom of entry to English ports. So, on the basis of the report of the captain-commander N.A. Sinyavin to General-Admiral F.M. Apraksin about the arrival of a ship under his command in London on November 19, 1715, it can be established that Russian ships were not allowed to London on the basis of the Cromwell Navigation Act of the 17th century, prohibiting entry to English ports for non-English ships. The Russian ship, in order to avoid the complete confiscation of the ship with the goods, was forced to change course and leave for Holland [12, p. 192].

Meanwhile, at the beginning of the XVIII century. the domestic merchant fleet was still absent. According to N.P. Zagoskin, “His ships were designed mainly for coastal voyages, and the Russian people resorted to the services of foreign ships in those cases when they had the opportunity to embark on ocean voyages; Gustav von Kampen's project on the creation of Russia's own merchant fleet, dating back to the third quarter of the 17th century, was not implemented at that time”. In January 1723, a personal decree was issued “On the admission of old-fashioned ships to St. Petersburg with oak forests”, which also speaks of the slow modernization of the fleet. In addition, Russian merchants were not ready to trade independently on their ships.

They note the low level of literacy of Russian merchants of the 18th century, ignorance of foreign languages and the basics of accounting, in addition, the need to enter into armed conflicts while traveling to foreign ports led to the fact that a significant part of the new merchant ships were leased for three years to English merchants ... The solution to these problems was the return to the comradely foundations of navigation, since marine insurance in Russia until the 19th century was poorly developed. However, already in the second half of the XVIII century foreign trade activities on their own ships were carried out by the trading houses of D. Bazhenin, A. Barmin, S. Businov, N. Krylov, A. and I. Kurochkin, and by the end of the XVIII century. about thirteen merchant families exported goods on their own merchant ships.

For more than a hundred years Arkhangelsk was the only port of the Russian state; by 1720, the port accepted up to a hundred foreign ships for navigation. Maritime expeditions were organized to search for trade routes, in particular, in 1719 the expedition of K.P. Verdun along the eastern coast of the Caspian Sea. For trade with Persia, Peter I planned to create a special trading company, but due to the depreciation of the shares of the East India Company, these plans were not implemented [29, p. 112–113].

In the 20s of the XVIII century there is a significant change in the Russian merchant shipping, which was associated with the opening of the second port

city of St. Petersburg. A number of decrees of Peter I, mainly of a fiscal nature, led to the fact that a significant part of foreign trade turnover was reoriented from Arkhangelsk to St. Petersburg. For the development of foreign trade, the first consulates were established [25, p. 148–149]. In order to study sea trade operations by Peter I, young people from the merchants were sent every year to foreign seaports, in addition to studying the customs of sea trade, they also had to work on the foundation of trading houses.

Serious work was done to establish direct trade relations with Spain, Portugal, France and Persia, and the market needs of these states were clarified. Sales agents, consuls and diplomats sent copies of French commercial and civil laws to Russia. In 1717, Peter the Great traveled to France, after which Russian-French foreign trade relations began to develop.

So, in 1719 the Rules of the Commerce Board were adopted, in Art. 23 of which it was indicated that the collegium was supposed to interact with the consuls and receive information from them "how in other states and lands Russian and foreign goods rise and fall in price, just as duties ... on sea voyages, merchants and privateering and other regulations are issued" [21, p. 671]. Public and political figures, staying abroad, at the insistence of Peter I, actively delved into the affairs of sea trade and maritime affairs, sending their notes, observations and various projects to Russia [29, p. 94].

In 1720 Russia and France began negotiations to establish trade relations. Through his representative in France, Peter I gave permission for French ships to come to the Baltic Sea for bargaining, as well as organize a trading company for trade in Russia on the basis of the East India Company. The Dutch merchants received the same privileges [29, p. 97]. At the same time with sea shipping, river and coastal navigation developed as well. This can be judged by the content of the "Charter of the Evers" adopted in 1720, which contains seventeen articles.

As V.A. Udintsev, the Charter on Evers of 1720 should be considered the first legislative act in the field of commercial law, which has a predominantly private law orientation [30, p. 83], this act is also the first Russian special act of water and sea law. Before the adoption of this charter, relations on the carriage of goods by water, including sea transport, were regulated by the New Trade Charter of 1667 only partially. The charter of 1720 established the amount of freight (Art. 2) [8, p. 707]; determined the deadline for the performance of the employment agreement (Article 4) [8, p. 707], in accordance with Art. 5 the consignor was given seven "working days" for loading, and on the basis of Art. 6 four "working days" for unloading cargo from the ship upon arrival at the agreed place. It was also established that the loading should be carried out by shipowners, and unloading by the employers of the vessel (Article 7). The responsibility for the integrity and safety of the cargo, as well as for the technical serviceability of the vessel, was separately stipulated. A provision on the accident was also included – each party incurred losses independently.

The prototype of the bill of lading is fixed in Art. 13 of the Charter, is expressed as the obligation to draw up a receipt for acceptance for carriage of goods, upon presentation of which the goods were issued to the owner (recipient) of the goods [8, p. 708]. This legislative monument contains almost all

the necessary norms for the regulation of relations in the field of transportation, even taking into account the notification of shippers about who is ready for loading (Article 16), this document observes a prototype of liner shipping. The requirement to register ships was especially stipulated, if the merchant transported cargo on an illegal evers, then both the ship and the goods were subject to confiscation (Article 17). So, it is not so much a monument to trade as to transport law. Art is also interesting. 1 of the Charter, since it defines relations under contracts for the carriage of goods for state needs, while the evers were transferred by the state to merchants for the execution of these contracts. However, on what grounds they were "given to merchant people for the transportation of goods" does not follow from this article.

Until 1720, all Russian normative legal acts contained norms governing relations in the field of navigation, of an exclusively public, often only fiscal, nature. Regarding the origin of the norms of this document, it can be assumed that Peter I used samples of foreign legislation, in particular, Swedish. Since, as V.A. Tomsinov, in 1719–1720. work was under way to form a new Code, in the Nominal Decree of Peter I of 1719, the basic rules for the selection of legal norms were established [8]. At the same time, as the scientist points out, when lawmaking Peter I used “the old methods of dialectical jurisprudence” [27, p. XLIV], but with a share of novelization: the reception of norms and terminology of foreign legislation, mainly Dutch, Swedish, Danish, and others, was widely used Tannenbaum argued that the “Charter of the Evers” is of German-Dutch origin [26, p. 23].

Later, for the organization of merchant shipping, two regulations were adopted: in 1723 “Regulations for skippers and others who come on merchant ships to the ports of the Russian state” – a guide for the entry of a merchant ship into the port, and in 1724 “Maritime trade regulations and charter”, which includes mainly fiscal norms. The regulations for skippers fixed the rules for the carriage, loading and unloading of hazardous (flammable) goods, in addition, some technical points were determined [22, p. 81]. Separate norms, which are of particular importance for the formation of the institution of the carriage of goods by sea, were contained in the Maritime Trade Regulations and the Charter of 1724. In accordance with Art. 2 of the Regulations and Charter, upon arrival of the ship at the port, it was necessary to show a list of all cargo, goods, bales, barrels, boxes and other things, indicate the brands and numbers of the goods, “as well as the certificate of the party, or a letter of agreement between the shipbuilder and the merchant man about the hiring of the ship, and where it came from and to whom this ship or the goods put in it have to be given to be” [14, p. 233–234], in Art. 3 of the Regulations and the Charter stipulated the duty of the shipbuilder to have all the proper documents and “all sorts of statements”, where a detailed description of the cargo must be given, allowing the customs to give reliable information about it.

The absence of documents gave the right to confiscate the goods, in addition, in Art. 15 of the same document established the obligation of merchants and shipbuilders to indicate the country of origin of the goods and their true price. Art. 31 of the act under consideration introduced the concept of freight brief [1] and invoice [31, p. 782], which confirmed the legality of the goods. In

Art. 10 of the Regulations and the Charter enshrined the right to transit and the ability to leave the port with an underload in order to be able to reload it in another port, and in Art. 19, a penalty was set for passing a Russian port, if it was announced in advance in the route [14, p. 237]. In Art. 16 concretized the rules of measure and weights, establishing the units of measurement of the cargo. Considering that Art. 21 prohibited the conduct of goods duty-free by both military and other ships; it can be assumed that goods could be delivered on warships.

In Art. 27 provided for the responsibility of the shipbuilder for violation of the rules of loading and unloading: "for cargo or unloading in the harbor, then they are in them until the sunrise and west, no things and goods should not be loaded or unloaded", Art. 29. also specified the place of unloading and loading [14, p. 239].

So, for the first time the certeparty was mentioned precisely in the legislation of Peter I, as well as its identification with the contract of carriage. The subject composition of the contract of carriage by sea was also clearly defined, which shows, in particular, significant changes in the business practice of Russian sea trade. It is obvious that the carriage of goods without being accompanied by the owner has become commonplace, not an exception. In this regard, the specific subject of the contract of carriage by sea – the consignee, comes to the fore. A number of new terms were introduced into the legislation, along with the certeparty, the necessary accompanying documents were also mentioned freight-brief and invoice, statement and list, however, the norms in which these terms were used were not defended norms, respectively, the concepts were fixed, but not defined ...

So, there was no legal definition of a certeparte, freight-brief, invoice, statement, painting and contractual letter. The significance of these documents was great, since in their absence, confiscation was envisaged, but the content of these documents can only be determined approximately. Judging by the text of the Regulations and the Charter, the freight-brief, statement, invoice, list were written documents and had to contain an inventory of the goods, their units of measurement, quantity, country of origin and cost. Moreover, the documents should have indicated the owner of the goods, or contain information about the consignor and consignee. If the carrier and the owner of the goods did not coincide in one person, then it was necessary to provide a certification party or a contractual letter.

The presence of these concepts without any clarification in the legislative acts of Peter I suggests that the legislator was well acquainted with this terminology, which was generally used in the field of merchant shipping and did not need additional comments. According to E.L. Limonov, who referred to the work of G. Malynes "Consuetudo vel Lex Mercatoria", which reveals the basics of the business practice of the English merchant shipping of the 17th century, bills of lading (English – Bill of Lading, German – Fráchtbrief) were not drawn up separately from the charter (certification party, freight agreement) and were a mandatory annex to the agreement [13, p. 57]. England XVII–XVIII centuries avoided the regulation of commercial and maritime law, using the rules of customary law, in connection with which the borrowing of English rules is excluded.

This conclusion is also confirmed by the fact that in the Regulations of Peter I there is no direct obligation for the shipbuilder to have a freight brief at the certification party, respectively, the borrowing comes from Swedish, Dutch, Danish law, where these documents were provided as taking place when proving a contract for the carriage of goods. The significance of these documents is increasing, since they played the role of a legal basis for the collection of customs duties, fees and taxes. Thus, the basis of legal regulation was still the usual norms, since these concepts; obviously, fell into the legislative act under consideration from business practice, although at the moment there was already a maritime code in Denmark. In addition, the direct reference to the borrowing of foreign law while filling the gaps in the settlement of many conflict issues in maritime trade affairs also indicated that Russian commercial maritime legislation was far from perfect and did not fully meet the requirements of its time.

The Regulations of the Commercial Board of 1724 also contained the rules governing relations in the field of merchant shipping. In particular, Art. 10 was devoted to the maintenance of domestic merchant shipbuilding [20, p. 244], trade in merchant ships produced at Russian shipyards was also supported – Art. 11 consolidated the provision that it is forbidden to obstruct the trade of newly built ships. In Art. 13 provided for the obligation to provide, according to needs, a convoy for merchant ships going abroad from Russian ports, and the nationality of these ships was not specified. 14 Art. contained privileges (liberties) to merchants [20, p. 244], a similar rule has also been widely used in the Mediterranean since the XII-XIII centuries. In accordance with Art. 15, along with the Admiralty, the Commerce Collegium was obliged to supervise the pilots in order to protect the merchants from various abuses and damage. Based on Art. 21 established the obligation of the Commerce Collegium to determine consuls, supplying them with instructions on trade issues.

The clause of the 1719 Regulations on the obligation to follow the trade agreements of foreign states was duplicated, as well as to monitor the legislation on merchant shipping, merchants and privateering, to promptly inform merchants about the state of the legislation and the market of the state they represent. Moreover, Art. 24 of the Regulation endowed the Commerce Collegium with the right of lawmaking initiative. So, the Commerce Collegium, when the merchants informed it about any constraints in the maritime trade, had to apply the decrees of other states to the trade charters and regulations, informing the Chamber Collegium about this decision, so that they, in turn, make additions or edit any position. The document under study also consolidated the basic principles of conducting trade, including sea trade [20, p. 247]. In addition, in Art. 31 of the Regulation, strict rules were established for bringing goods to Russian ports [17, p. 248–249].

So, the administrative and legal regulation of sea trade prevailed at the beginning of the 18th century. Peter I encouraged not only passive maritime trade, but in every way contributed to the development of active merchant shipping. In December 1724, to establish trade relations with France and Spain, a merchant caravan was sent on warships under merchant flags under the direction of V.I. Bering with Russian goods, French and Spanish goods were to be transported back.

Trade with Spain was regulated by the Nominal Decree of August 4, 1724, by this decree a company was established for trade with Spain, which was managed by a board of commerce. The company was to include merchants, have a representative office in Spain and maintain trade relations with local merchants. This organization had a compulsory character, since “everyone knows that our people will not go into anything themselves, if they are not forced to be” [25, p. 47]. The state pledged to participate in this enterprise, assistance was provided by ships and sailors of the Admiralty and financial assistance from the treasury, in fact, a lease agreement for a vehicle with a crew was put into circulation at the official level. Regarding the security of the company, it was established that each participant was obliged to contribute a share, which could be unequal with the rest. The company was to become an analogue of the East India Company.

As A.N. Toropov, referring to the archival documents of the RGADA, the first attempts to establish trade relations between Portugal and Russia were the appeal of the Portuguese authorities to Peter I in 1724, as a result of which it was promised to send a Russian consul to Lisbon, but about the results of this mission, as well as whether it took place or not there is no information [28, p. 172]. After the death of Peter I, the legal and financial support for the activities of the merchant fleet was suspended.

During a short reign, Catherine I managed in 1726 to send merchant sea expeditions to Spain and France with samples of Russian goods, which was planned back in 1723 [9, p. 686–688]. The next long-distance trade sea expedition took place only in 1764. Despite the existence of a special legislative act, in practice things were different. This can be traced from the documents from the RGADA funds published by A.V. Demkin. In particular, on February 25, 1726, in the name of Catherine I, the British merchants received a request to reduce customs duties, improve the conditions of trade and life [19, p. 15–16]. The petition also contained a provision on passports, which was mentioned in the Peter's draft of a trade agreement with England, apparently the situation has not changed for more than ten years, there was also a requirement to draw up a declaration upon arrival in its own language – not in Russian, indulgence in terms of determining the seaworthiness of the vessel, to impose additional obligations on the owners of the Evers transporting cargo to Kronstadt, so that on the way back they issue a passport of the Kronstadt customs, for the purpose, if the ship is fully loaded, and the excess goods remain, then be able to reload them into another ship, simplify the exit of the ship at sea by a single presentation of passports.

So, the Evers Charter had a sufficient number of gaps, in addition, the imperfection of customs law also aggravated the position of both carriers and cargo owners. It can be seen from these documents that simple, damage to cargo, incorrect or untimely execution of documentation, the lack of a clear distribution of responsibilities between the cargo owner and the carrier, the omission of good weather and other violations were commonplace, while the merchants were not reimbursed for losses. The attractiveness of Russian ports declined sharply, which did not contribute to the development of the merchant fleet or maritime legislation. In order to unload the St. Petersburg port, Cathe-

rine I lifted restrictions on foreign trade from the Arkhangelsk port with the Nominal decree “On allowing everyone free trade near the city of Arkhangelsk with the payment of surplus domestic duties on goods” dated January 9, 1727 [17, p. 727–728], which contributed to the expansion of, first of all, passive sea trade.

Bibliographic list

1. Hartenstein O., Reuschle F. Handbuch des Fachanwalts für Transport- und Speditionsrecht. 3. Auflage. Verlag Carl Heymanns, Köln, 2015.

2. No. 10. 1715, June 8. Prescription of Admiral-General F.M. Apraksin to Major General and Ober-Ster-Kriegs-Commissioner G.P. Chernyshev about settlements with the English merchant F. Collins for the delivered salt // Russian State Archive of the Navy, F. 233. Chancellery of F.M. Apraksin. No. 253. Sheet 158. Copy.

3. № 12. 1715 June 25. The order of the general-admiral F.M. Apraksin to Provisionmaster Nelidov on the purchase of salt and coal from the English merchant V. Sterling // RGA Navy. F. 233. Office of F.M. Apraksin. No. 253. Sheet 177. Copy; Lapteva T.A. “The state is always rich, whose inhabitants are rich”: “The Aglinsky merchant asked us ...”: Documents from the archives of Russia and England. 1714–1715 // Historical archive. 1994. No. 3. P. 185–186.

4. № 16. 1715 September 9. The order of the general-admiral F.M. Apraksin to captain P.P. I am raving about the possible convoy of merchant ships from England to Russia belonging to the English merchant F. Collins // RGA Navy. F. 233. Office of F.M. Apraksin. No. 232. Copy.

5. Merry F.F. A Brief History of the Russian Navy. Issue 1–2. SPb., 1893–1895. P. 36.

6. GAAO. F. 499. Society of Arkhangelsk pilots named after Tsar Mikhail Fedorovich. D. 309.

7. Certificate of Merit of the Armenian Company for the import of silk and raw silk to Russia dated May 31, 1667 // Complete collection of laws of the Russian Empire. T. I. 1649–1675. SPb., 1830. P. 692.

8. Legislation of Peter I. Moscow, 1997. P. 707.

9. Instructions to Captain Koshelev. 1723 August // Materials for the history of the Russian fleet: Part II. SPb., 1865. P. 686–688.

10. Kuzmishev P.F. Historical information about the Arkhangelsk pilots. SPb., 1864. P. 308–309.

11. Kurtz B.G. Kilburger's essay on Russian trade during the reign of Alexei Mikhailovich. Kiev, 1915. P. 149.

12. Lapteva T.A. “The state is always rich, whose inhabitants are rich”: “The Aglinsky merchant asked us ...”: Documents from the archives of Russia and England. 1714–1715 // Historical archive. 1994. No. 3. P. 174, 176–179, 189, 192.

13. Limonov E.L. Foreign trade operations of sea transport and multimodal transportation. SPb., 2009. P. 57.

14. Maritime Trade Regulations and Charter of January 31, 1724 // Complete collection of laws of the Russian Empire. T. VII. 1723–1727. SPb., 1830. P. 233–234, 237, 239.

15. Ovsyankin E.I. Arkhangelsk merchant. Arkhangelsk, 2000. [Electronic resource] // access mode: http://lit.lib.ru/o/owsjankin_e_i/ text_0030.shtml (date of treatment 06.16.2016)

16. Pavlov-Silvansky N. Reform projects in the notes of contemporaries of Peter the Great. Experience in studying Russian projects and their unpublished texts. SPb., 1897. P. 13–18, 34.

17. PSZRI. T. VII. 1723–1727 SPb., 1830. P. 248–249, 727–728.

18. Items proposed by the board of commerce with answers signed by von Verden, 1720 December 21 // Materials for the history of the Russian fleet. Part IV. SPb., 1867. P. 295–296.

19. RGADA. F. 276. Op. 1.D. 1663 // Demkin A.V. Russian-British trade relations in the 18th century. Moscow, 1994. P. 15–16.

20. Regulations of the commercial board on January 31, 1724 // Complete collection of laws of the Russian Empire. T. VII. 1723–1727 Saint Petersburg, 1830. P. 244, 247.

21. Regulations of the commercial board of March 3, 1719 // Complete collection of laws of the Russian Empire. T. V. 1713–1719 SPb., 1830. P. 671.

22. Regulations for Skippers and others who come on merchant ships to the ports of the Russian state // Complete collection of laws of the Russian Empire. T. VII. 1723–1727. SPb., 1830. P. 81.

23. Reforms of Peter I. Collection of documents. / Comp. IN AND. Lebedev. Moscow, 1937. P. 47.

24. Sabo I. Pilotage in Russia (Historical and dogmatic sketch). SPb., 1908. P. 6.

25. Safronova E.V. Evolution of the functions of consular institutions of the Russian Empire in the 18th – early 20th centuries // Scientific statements of the Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right. 2007. No. 9. T. 2. P. 148–149.

26. Tannenbaum I.L. About the accident // Vestnik Demidov Juridical Lyceum. 1913. Book. 111. P. 23.

27. Tomsinov V.A. “Everyone should keep the interest of the sovereigns and the state”: Peter I as a legislator // Legislation of Peter I. 1696–1725 / comp., Ed. prev. and entered. Art. V.A. Tomsinov. Moscow, 2014. P. XLII, XLIV.

28. Toropov A.N. The opening of trade between Russia and Portugal on the initiative of Catherine II // Trade, merchants and customs in Russia in the 16th–19th centuries: collection of articles. materials of the Second Intern. scientific. conf. (Kursk, 2009) / comp. A.I. Razdorsky. Kursk, 2009. P. 172.

29. Troitsky S.M. John Law's “System” and Its Russian Followers // Franco-Russian Economic Relations. Moscow-Paris, 1970. P. 94, 97, 112–113.

30. Udintsev V.A. Historical sketch of commercial law. Kiev, 1900. P. 83.

31. Ushakov D.N. The Big Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language. Moscow, 2005. P. 782.

For citation: Khabibulaev A.Kh. Formation and development of domestic legislation on the carriage of goods by sea in the late 17th to the period of the reign of Catherine II // Legal thought. 2020. No. 3 (119). P. 103–114. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.007

УДК 342.924
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.008

Исторические этапы формирования приказа как правового акта органа государственного управления

А.В. Чернышов*

Аннотация. В статье раскрываются наиболее общие закономерности формирования и развития системы правовых актов в России, начиная с XV века вплоть до советского периода. Выделяются значимые этапы в становлении приказа в качестве самостоятельного вида правовых актов. Определяются генетические, функциональные и иерархические связи приказа с иными актами государственного управления. История формирования приказа в качестве правового акта дополняется семантическим анализом понятий, использовавшихся для обозначения формы правовых актов в различные периоды времени.

Ключевые слова: история государства и права, система правовых актов, приказ, акт государственного управления.

Огромный пласт нормативных правовых актов в современной России составляют приказы, которые весьма активно используются на всех уровнях государственного управления. Они обладают полифункциональной природой: регулируют важнейшие сферы социальных отношений; выступают одной из форм права подзаконного характера; являются актом применения права; с их помощью вводятся в действие иные нормативные акты (например, инструкции, правила и др.); выполняют роль самостоятельного юридического факта или входят в сложный фактический состав в качестве одного из центральных элементов. Уже ввиду этого их теоретическое осмысление представляется актуальным и практически значимым. Изучение же истории их формирования в качестве относительно обособленной группы правовых актов в России позволяет полнее и глубже понять их генетические и структурно-функциональные связи с иными актами государственного управления.

Становлению системы правовых актов в России предшествовал достаточно длительный период формирования и развития, как самого механизма государственного управления, так и письменного способа фиксации управленческой информации. Как верно отмечается в научной литературе, появление правовых актов-документов неразрывно увязано с возникновением письменности. Именно она выступила необходимым инструментом юридической формализации актов государственного управления, к числу

* ***Чернышов Андрей Викторович,*** соискатель кафедры теории государства и права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». E-mail: k_tgp@ssla.ru

которых следует отнести нормативные и правоприменительные приказы. По этому поводу полагаем уместным привести следующее справедливое утверждение: «Письменность служила способом закрепления на материальном носителе информации о различных сторонах деятельности людей, о достижениях человеческой мысли, для передачи ее во времени и на расстояние. Кроме того, фиксация информации придавала ей необходимую правовую основу, так называемую юридическую силу» [1, с. 213].

Существуют различные точки зрения по вопросу определения временных параметров зарождения системы правовых актов в России. Нам представляется, что отсчет необходимо вести с момента появления устойчивой практики документирования выполнения основных управленческих действий специальными «служилыми людьми». Правовой акт в качестве официального документа проходил обязательную процедуру удостоверения в виде «справы», «приписи» и «печати».

Несмотря на то, что сама официальная форма выражения правового акта не регламентировалась долгое время в законодательстве, практика государственного управления выработала изначально письменный способ их фиксации в виде отдельных тетрадей, листов, книг и столбцов. Уже к XV–XVI векам в деятельности органов государственной власти и должностных лиц складываются обычаи в сфере техники подготовки и оформления правового акта. В частности, прослеживалась технологическая цепочка следующего вида: «подготовка черновика – редакция – оформление беловика» [1, с. 216].

Исторический экскурс позволяет утверждать, что понятием «приказ» оперировали в России начиная с XV в., вместе с тем, свое современное назначение оно приобрело постепенно. Выступая изначально как акт орган управления более пяти веков назад, на сегодняшний день, приказ прочно вошел в действующую систему правовых актов и за столь немалый путь своего развития заложил в себя определенные свойства, характерные только ему – это преимущественно акт-документ, который имеет нормативное и (или) правоприменительное содержание, издается в порядке единоначалия уполномоченным субъектом (органом государственной власти, должностным лицом, руководителем организации и др.) на основе и во исполнение законов и иных нормативных правовых актов (иерархически и функционально встроен в систему правовых актов), являясь официально признаваемой государством формой реализации их компетенции, и выступает юридическим инструментом решения исполнительно-распорядительных, организационно-управленческих и процедурно-процессуальных задач.

С.А. Комаров пишет, что «приказом опосредуется различная по своему характеру деятельность, им утверждается, а тем самым и придается соответствующая юридическая сила другим нормативным актам, исходящим от того или иного министерства, комитета, федеральной службы, федерального агентства. Иными словами, он имеет нормотворческое значение, выступает актом детализации постановления Правительства Российской Федерации. Приказы и распоряжения, имеющие разовое распорядительное значение, не содержат нормативных предписаний, поэтому нормативными правовыми актами не являются» [8, с. 274].

Раскрывая вопрос об исторической судьбе института приказа в российской правовой системе, следует учитывать то обстоятельство, что неиспользование самого термина «приказ» в отношении группы правовых актов в XV-XIII веках не означает отсутствия схожих по ряду признаков современному институту приказов актов государственного управления в отмеченный период. Так, еще в начале XV века активно использовалась словосочетание «личное поручение» в отношении конкретных распоряжений чиновников, что в сопоставлении с современностью можно приравнять с определенной долей условности к своеобразному родоначальнику группы правоприменительных приказов в системе актов государственного управления.

Значимой вехой в становлении системы правовых актов России выступают Судебники, которые будучи законодательными актами, системно регламентировали ряд вопросов по использованию правовых актов-документов в сфере государственного управления и ведения судебного процесса. Именно судопроизводственная деятельность изначально вырабатывала общие принципы документальной формы осуществления государственной власти. В итоге Судебники закрепляли само законодательное требование по документированию ряда процедур принятия решений чиновниками, устанавливали форму удостоверения акта-документа, что придавало ему юридическую силу. Кроме того, в них предусматривалась ответственность для чиновников за волокиту и фальсификацию правовых актов, устанавливался институт хранения актов-документов, а также определялись процедурные моменты по составлению «ссудного списка» (аналог протокола).

Анализируя предписания Судебников, можно сделать вывод об условном делении правоприменительного процесса на три стадии: начальной стадии в виде приема актов-документов от вышестоящих органов управления, их изучения и толкования; стадии исполнения и вынесения соответствующего акта применения права; отправка правоприменительного акта адресату.

В Судебниках же прописывается и столбцовая форма изложения текста правовых актов-документов.

Семантический подход в дополнении с системным и историческими методами позволяют нам утверждать, что целый ряд правовых актов в иной терминологической «оболочке» фактически выполнял схожие функции по аналогии с современными приказами. Об этом, в частности, свидетельствуют такие исторические правовые памятники как Судебники, анализируя которые, можно выделить правовые акты в виде грамот, наказов, отпусков близких по своему целевому назначению и функционально-содержательной направленности к приказам.

Как справедливо полагает А.А. Григорян, терминологическое разнообразие в обозначении рассматриваемого вида правовых актов в российской практике государственного управления объяснялось тем, что наименование документа производилось с опорой на содержание его текста, определенные ключевые слова, а четкого выделения официальных реквизитов акта от его текстуального содержания в XV–XVII вв. не осуществлялось. На начальных ступенях формирования системы актов государственного управ-

ления отсутствовала широкая специализация как самой исполнительно-распорядительной и организационно-управленческой деятельности органов государственной власти и их должностных лиц, так и сопровождающих ее в виде итогового результата соответствующих документов властного характера. В этой связи следует счесть вполне оправданным следующее суждение ранее упомянутого автора: «По своей структуре и назначению данные виды соотносились с современными приказами, однако имели некоторые отличия, связанные с административными задачами указанного периода» [2, с. 62].

С учетом изложенного, можно констатировать наличие определенной закономерности в историческом процессе формирования института приказа как особой группы актов управления в Российском государстве. Схожие с современным приказом документы имели достаточно широкое хождение в сфере государственно-властной деятельности России начиная поменьше мере с XV в., но они не имели единой понятийно-терминологической формы, а их содержание было весьма разнообразно и четко не дифференцировалось на нормативное и правоприменительное.

К примеру, в форму грамоты облекались текстуальные властные распоряжения весьма различного характера, что позволяет в теории выделять около 60 их подвидов. К их числу относят царские грамоты, указные грамоты, жалованные и иные. Именно последние зачастую в науке сопоставляют по форме и содержанию с современными приказами. Данное сходство подтверждается и дефиницией, даваемой авторами Словаря церковнославянского и русского языка, согласно которой в одном из значений слова «грамота» используется в отношении письменного повеления, указа [3, с. 288].

Анализируя акты управления того периода, необходимо упомянуть и о «наказах», которые обоснованно признаются в научной литературе одним из распространенных видов распорядительных документов. Наказы в системе государственного управления встречаются уже с конца XV – начала XVI вв. Относительно же самостоятельную группу правовых актов они составляют лишь с начала XVII века, представляя собой форму государственно-властных велений, распоряжений, обращенных преимущественно к конкретным субъектам (например, боярам, дьякам, приказным людям и др.). В то время рассматриваемая группа правовых актов подразделялась на соборные, губные, приказные наказы [2, с. 63].

В словарях древнерусского языка термину «наказ» придается смысловое содержание в виде приказа, повеления, указа или приказания [3, с. 371; 4; 5], что свидетельствует, на наш взгляд, о постепенном выделении к началу XVII в. в системе правовых актов России отдельной группы управленческих документов, имеющих своей целью оперативное разрешение того или иного дела посредством соответствующей властной исполнительно-распорядительной деятельности чиновников. Наряду с наказом аналогичные функции выполняют и наказные памяти. Постепенно нарастающая специализация актов государственного управления приводит к необходимости более четкого терминологического обозначения определенной группы актов-документов.

Начиная с XVI в. и далее, весьма широкое хождение в Российском государстве получают указы, представлявшие собой относительно обособлен-

ный вид правовых актов, издаваемых от имени главы государства. Для их хранения и учета использовались указные книги. С учетом содержания и функциональной роли указы занимали ведущее положение в системе правовых актов того времени. В историческом плане на их основе в будущем происходила дальнейшая дифференциации видов правовых актов. Сначала преобладала предметная дифференциация, а затем она стала активно дополняться функциональной специализацией правовых актов.

Следует согласиться с точкой зрения, согласно которой правовые акты, исходящие от органов государственного управления, в XV–XVI веках начинают приобретать отдельные признаки системного построения, что выражается в установлении иерархии между ними и усилением предметной специализации. Подчеркнем, что и в XVI–XVII веках еще не выработаны унифицированные требования к терминологическому обозначению, содержанию и структуре правовых актов определенного вида. Однако дальнейшая централизация системы государственного управления и строгая иерархия органов власти приводят к выстраиванию системы правовых актов по их юридической силе.

Так, например, правовые акты по возрастанию юридической силы можно расположить следующим образом:

– наказы и наказные памяти, исходящие от органов центральной и местной власти, имеющие преимущественно распорядительный характер и касающиеся проблем оперативного управления;

– приговоры Боярской думы;

– царские грамоты и указы [6].

Именно наказы и наказные памяти в наибольшей степени по сравнению с иными актами управления того времени можно охарактеризовать в качестве предшественников правоприменительных и нормативных приказов, имеющих широкое хождение в современной правовой жизни России.

В XVIII веке государственное управление подвергается масштабной реформе, проведенной при непосредственном участии Петра I. Одновременно претерпела существенные изменения и система правовых актов управления. В частности, был составлен Генеральный регламент в целях унификации используемой терминологии в правовых актах и в деятельности государственных служащих. В рамках данной унификации наказы как вид правовых актов стали именоваться инструкциями.

В данный период условно именуемым «коллежским» в системе правовых актов России также можно обнаружить ряд документов, содержащих в наименовании термины «приказ» или «приказание», которые по своему смысловому значению синонимичны [2, с. 64].

Небезынтересным представляется и тот факт, что принцип соответствия отдельного вида правового акта определенному уровню государственного управления в XVIII веке прерывается. Фактически на всех «этажах» государственной власти в целях единообразия управленческой деятельности чиновников используется преимущественно указ в качестве доминирующего распорядительного акта.

В обозначенный период времени в России сложилась в целом достаточно двойственная «картина» в системе правовых актов: «Единообразные

схемы реализации распорядительных функций как внутри каждого органа государственной власти, так и в целом в государстве определили двойственность характера указов этого периода. С одной стороны, это были самостоятельные распорядительные документы, с другой документы, доводящие решения верховной власти до низовых уровней. При этом каждый последующий уровень, издавая собственный указ, дословно цитировал распорядительный документ предыдущего уровня. Подобная практика усложняла работу с распорядительными документами, но в то же время служила средством распространения единообразия оформления распорядительной документации в центральных и местных органах власти» [6, с. 74].

В начале XIX в. коллегии сменяются министерствами, а вслед за этим осуществляется и очередное реформирование системы актов государственного управления. Впервые наименования и формы правовых актов стали регламентироваться законами 1810–1811 гг. В сфере исполнительно-распорядительной деятельности чиновников в дополнение к термину «приказ» в оборот вводятся «предписание» и «рескрипт». Последний представлял собой акт управления, издаваемый монархом, выражающий в содержании поручение, объявление благодарности, наказание, поощрение, иное управленческое действие и адресованный конкретному субъекту (например, министру или иному должностному лицу). В отличие от указов высшего должностного лица государства рескрипт имел в XIX в. не нормативный, а правоприменительный характер, поскольку был направлен на разрешение конкретной жизненной ситуации и был адресован определенным лицам, что позволяет нам фактически приравнивать его к правоприменительным приказам по аналогии с современностью.

В «министерский период» также использовались и «предписания», как правовые акты, исходящие от министра или директора, являющиеся распоряжением в отношении нижестоящих органов государственной власти и должностных лиц, ограниченные по времени и сфере действия [6, с. 74]. Данные акты, исходя из их содержания и функций, можно причислить к правовым актам смешанного типа, поскольку они могли включать в себя как нормативные предписания, так и индивидуальные указания.

Именно министерская система государственного управления, основанная на принципе единоначалия и иерархической подчиненности, позволила сформировать достаточно целостную систему правовых актов, распорядительного характера. Для подтверждения значимости данного этапа в развитии системы правовых актов России, а вместе с ней и такого их вида как приказа, приведем следующую цитату: «Впервые самостоятельные решения руководителя ведомства оформлялись в виде распорядительных документов, изданных от его имени и за его личным подписанием. Подобная процедура реализации управленческих решений, несомненно, была важным фактором ускорения административных процессов. Появление приказов и предписаний, издаваемых в качестве исходящих и внутренних документов одновременно с выделением указов высшей власти в группу документов законодательного характера, стало шагом вперед на пути складывания современной системы распорядительной документации» [6, с. 74].

Объективное усложнение системы государственного управления в XIX в. требует дальнейшей дифференциации как содержания, так и формы правовых актов. Постепенно проводится разграничительная линия между нормативными и правоприменительными актами. В отдельную группу выделяются со временем и распорядительные акты индивидуального характера. К концу XIX – началу XX веков уже отчетливо наблюдается не только предметная, но и функциональная специализация в системе правовых актов России. Важнейшими распорядительными документами были предписания, приказы и циркуляры. Разнообразие терминологического обозначения отдельных групп правовых актов сменяется их унификацией и стандартизацией.

В дальнейшем XX в. ознаменовался введением нормативных стандартов для документооборота в системе государственного управления, что было объективно обусловлено усложнением самого механизма государства, усилением тенденции по специализации органов государственной власти и издаваемых (или принимаемых) ими и их должностными лицами правовых актов. В условиях советского государственного строительства приказ как особый правовой акт принимает современный вид. Специализация в механизме социалистического государства обусловила подразделение приказов на две основные группы исходя из их содержания – нормативные и правоприменительные. Однако следует упомянуть и о наличии вплоть до настоящего момента и третьей группы приказов, имеющих смешанное содержание, включающих в себя и нормы права, и индивидуальные властные предписания. В юридической же литературе высказывается неоднозначное мнение о приказах смешанного типа [7, с. 86], но все же они не являются редкостью в современной государственно-правовой практике.

С учетом изложенного, представляется возможным сделать следующий вывод. В течение весьма продолжительного времени формирования и функционирования механизма государственно-правового управления в России правовые акты не были подвержены специализации и четкой градации, они содержали в себе одновременно черты и правотворческих, и правоприменительных, и правоинтерпретационных актов одновременно. Ввиду изложенного представляется столь значимым учет системного подхода в исследовании общих закономерностей становления института приказа в качестве средства государственно-правового регулирования общественных отношений. Системное изучение обозначенного вопроса должно органично дополняться этимологическим анализом исторического процесса внедрения термина приказ в государственно-правовую практику.

Библиографический список

1. *Емышева Е.М.* Возникновение традиции законодательного регулирования системы управления и делопроизводства в России // Вестник РГГУ. – Серия: «Документалистика. Документоведение. Архивоведение». – 2011. – № 18 (Декабрь). – С. 213–224.

2. *Григорян А.А.* Из истории формирования и становления приказа как особого вида документа // Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия русский и иностранные языки, и методика их преподавания. – 2012. – № 2. – С. 60–65.

3. Словарь церковно-славянского и русского языка. – Т. I-IV. – СПб.: Императорская Академия наук, 1847. – Т. I. – 439 с.

4. Словарь русского языка XI-XVII вв. – М.: Наука, 1987.

5. *Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка. – Т. II. – Ч. 1. – М.: Книга,1989. – 807 с.

6. *Глотова С.А.* Возникновение и тенденции развития распорядительной документации в России в дореволюционный период // Вестник РГГУ. – Серия: «Документалистика. Документоведение. Архивоведение». – 2014. – № 2 (124). – С. 70–77.

7. *Строкова О.Г.* Приказ как особая разновидность правового акта (вопросы теории и практики) / Под ред. И.Н. Сенякина. – Саратов: Саратовская государственная академия права, 2009. – 167 с.

8. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 506 с.

Для цитирования: *Чернышов А.В.* Исторические этапы формирования приказа как правового акта органа государственного управления // Юридическая мысль. – 2020. – № 3 (119). – С. 115–122. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.008

Historical stages of the formation of an order as a legal act of a public administration body

Andrey V. Chernyshov *

Annotation. The article reveals the most general patterns of the formation and development of a system of legal acts in Russia from the 15th century until the Soviet period. Significant stages are distinguished in the formation of the order as an independent type of legal acts. The genetic, functional and hierarchical links of the order with other acts of public administration are determined. The history of the formation of the order as a legal act is supplemented by a semantic analysis of the concepts used to denote the form of legal acts at various periods of time.

Key words: history of state and law, system of legal acts, order, act of state administration.

A huge layer of normative legal acts in modern Russia is made up of orders, which are very actively used at all levels of government. They have a multifunctional nature: they regulate the most important spheres of social relations; act as one of the forms of subordinate law; are an act of application of law; with their help, other normative acts are enacted (for example, instructions, rules, etc.); play the role of an independent legal fact or are part of a complex factual composition as one of the central elements. Already in view of this, their theoretical comprehension seems relevant and practically significant. Studying the history of their formation as a relatively isolated group of le-

* ***Chernyshov Andrey Viktorovich,*** post-graduate student of the Department of Theory of State and Law, Saratov State Law Academy. E-mail: k_tgp@ssla.ru

gal acts in Russia allows a fuller and deeper understanding of their genetic and structural-functional connections with other acts of government.

The formation of the system of legal acts in Russia was preceded by a rather long period of formation and development, both of the mechanism of state administration itself, and of the written method of fixing management information. As correctly noted in the scientific literature, the emergence of legal acts-documents is inextricably linked with the emergence of writing. It was she who acted as a necessary tool for the legal formalization of public administration acts, which should include normative and law enforcement orders. In this regard, we believe it appropriate to cite the following fair statement: "Writing served as a way of fixing on material carrier information about various aspects of human activity", about the achievements of human thought, for its transmission in time and distance. In addition, the fixation of information gave it the necessary legal basis, the so-called legal force" [1, p. 213].

There are different points of view on the issue of determining the time parameters for the emergence of the system of legal acts in Russia. It seems to us that it is necessary to count down from the moment of the emergence of a stable practice of documenting the implementation of the main management actions by special "service people". A legal act as an official document underwent a mandatory certification procedure in the form of a "certificate", "attribution" and "seal".

Despite the fact that the very official form of expression of a legal act has not been regulated for a long time in legislation, the practice of public administration has initially developed a written way of fixing them in the form of separate notebooks, sheets, books and columns. Already by the 15th–16th centuries, customs in the field of technology for the preparation and execution of a legal act were formed in the activities of state authorities and officials. In particular, a technological chain of the following type was traced: "preparation of a draft – edition – registration of a white paper" [1, p. 216].

A historical excursion allows us to assert that the concept of "order" was used in Russia since the 15th century; however, it acquired its modern purpose gradually. Acting initially as an act of a governing body more than five centuries ago, today, the order has firmly entered the current system of legal acts and for such a considerable path of its development has laid in itself certain properties characteristic only of it – it is mainly an act-document that has a regulatory and (or) law enforcement content, is published in the order of one-man management by an authorized entity (public authority, official, head of an organization, etc.) on the basis of and in pursuance of laws and other regulatory legal acts (hierarchically and functionally built into the system of legal acts), being officially recognized by the state as a form of exercising their competence, and acts as a legal instrument for solving executive-administrative, organizational-managerial and procedural-procedural tasks.

S.A. Komarov writes that "the order mediates activities of different nature; they are approved, and thereby give appropriate legal force to other regulations emanating from this or that ministry, committee, federal service, federal agency. In other words, it has a rule-making value, acts as an act of detailing the resolution of the Government of the Russian Federation. Orders and orders

that have a one-time administrative significance do not contain regulatory prescriptions, therefore, they are not regulatory legal acts" [8, p. 274].

When revealing the question of the historical fate of the institution of order in the Russian legal system, one should take into account the fact that the failure to use the term "order" in relation to a group of legal acts in the 15th–13th centuries does not mean that there are no acts of public administration similar in a number of features to the modern institution of orders in the noted period ... So, even at the beginning of the 15th century, the phrase "personal assignment" was actively used in relation to specific orders of officials, which, in comparison with modern times, can be equated with a certain degree of convention to a kind of ancestor of the group of law enforcement orders in the system of public administration acts.

A significant milestone in the formation of the system of legal acts in Russia is the Code of Laws, which, being legislative acts, systematically regulated a number of issues on the use of legal acts-documents in the field of public administration and the conduct of judicial proceedings. It was the judicial activity that initially developed the general principles of the documentary form of the exercise of state power. As a result, the Sudebniks consolidated the very legislative requirement for documenting a number of decision-making procedures by officials, established the form of certification of an act-document, which gave it legal force. In addition, they stipulated responsibility for officials for red tape and falsification of legal acts, established the institution for storing acts and documents, and also determined the procedural points for drawing up a "loan list" (analogue of a protocol).

Analyzing the prescriptions of the Sudebniks, it is possible to draw a conclusion about the conditional division of the law enforcement process into three stages: the initial stage in the form of receiving acts-documents from higher management bodies, their study and interpretation; the stage of execution and delivery of the relevant act of application of law sending the law enforcement act to the addressee.

In the Code of Laws, the column form of the presentation of the text of legal acts-documents is also prescribed.

The semantic approach in addition to systemic and historical methods allows us to assert that a number of legal acts in a different terminological "shell" actually performed similar functions by analogy with modern orders. This, in particular, is evidenced by such historical legal monuments as the Code of Laws, analyzing which, it is possible to distinguish legal acts in the form of letters, orders, vacations of those close to them in their intended purpose and functional and substantive orientation to orders.

A.A. Grigoryan rightly believes the terminological diversity in the designation of the considered type of legal acts in Russian public administration practice was explained by the fact that the name of the document was based on the content of its text, certain keywords, and the clear separation of the official details of the act from its textual content in the 15th–17th centuries was not carried out. At the initial stages of the formation of the system of acts of public administration, there was no broad specialization of both the most executive-administrative and organizational-managerial activities of public authorities

and their officials, and accompanying it in the form of the final result of the corresponding documents of a power character. In this regard, the following judgment of the previously mentioned author should be considered quite justified: “By their structure and purpose, these types were correlated with modern orders, but had some differences associated with the administrative tasks of the specified period” [2, p. 62].

Taking into account the above, we can state the presence of a certain pattern in the historical process of the formation of the institution of the order as a special group of acts of government in the Russian state. Documents similar to the modern order had a fairly wide circulation in the sphere of state and power activities in Russia, starting from the 15th century, but they did not have a single conceptual and terminological form, and their content was very diverse and did not clearly differentiate into normative and law enforcement.

For example, textual imperative orders of a very different nature were put on in the form of a letter, which makes it possible in theory to single out about 60 of their subspecies. These include the tsar's letters, letters of command, salaries and others. It is the latter that are often compared in form and content with modern orders in science. This similarity is confirmed by the definition given by the authors of the Dictionary of Church Slavonic and Russian languages, according to which in one of the meanings of the word “letter” is used in relation to a written command, decree [3, p. 288].

Analyzing the acts of management of that period, it is necessary to mention the “orders”, which are reasonably recognized in the scientific literature as one of the most common types of administrative documents. Orders in the system of public administration have been encountered since the late 15th – early 16th centuries. They form a relatively independent group of legal acts only from the beginning of the 17th century, representing the form of state-imperious decrees, orders addressed mainly to specific subjects (for example, boyars, clerks, clerks, etc.). At that time, the considered group of legal acts was subdivided into cathedral, lip, order orders [2, p. 63].

In the dictionaries of the Old Russian language, the term "mandate" is given a semantic content in the form of an order, command, decree or command [3, p. 371; 4; 5], which, in our opinion, indicates a gradual separation by the beginning of the 17th century. in the system of legal acts of Russia, a separate group of management documents, aimed at promptly resolving a particular case through the appropriate power executive and administrative activities of officials. Along with the mandate, similar functions are performed by mandated memories. The gradually increasing specialization of acts of state administration leads to the need for a clearer terminological designation of a certain group of acts-documents.

Since the XVI century. and further, very wide circulation in the Russian state is received by decrees, which were a relatively separate type of legal acts issued on behalf of the head of state. For their storage and accounting, these books were used. Considering the content and functional role, the decrees occupied a leading position in the system of legal acts of that time. In historical terms, on their basis, in the future there was a further differentiation of the types of legal acts. At first, subject differentiation prevailed, and then it began to be actively supplemented by the functional specialization of legal acts.

We must agree with the point of view according to which legal acts emanating from government bodies in the 15th – 16th centuries begin to acquire separate signs of a systemic structure, which is expressed in the establishment of a hierarchy between them and the strengthening of subject specialization. We emphasize that in the 16th – 17th centuries, unified requirements for the terminological designation; content and structure of legal acts of a certain type have not yet been developed. However, further centralization of the public administration system and a strict hierarchy of government bodies lead to the formation of a system of legal acts according to their legal force.

So, for example, legal acts in ascending order of legal force can be arranged as follows:

– orders and memorials issued by central and local authorities, which are predominantly of an administrative nature and concerning the problems of operational management;

– sentences of the Boyar Duma;

– royal letters and decrees [6].

It is the mandates and mandates that can be characterized to the greatest extent in comparison with other acts of government of that time as the predecessors of law enforcement and regulatory orders that are widely circulated in modern legal life in Russia.

In the 18th century, public administration underwent a large-scale reform, carried out with the direct participation of Peter I. At the same time, the system of legal acts of administration underwent significant changes. In particular, the General Regulations were drawn up in order to unify the terminology used in legal acts and in the activities of civil servants. Within the framework of this unification, orders as a type of legal acts began to be called instructions.

During this period, conventionally referred to as “collegiate” in the system of legal acts of Russia, you can also find a number of documents containing the terms “order” or “order” in the name, which are synonymous in their semantic meaning [2, p. 64].

It is also interesting that the principle of compliance of a particular type of legal act with a certain level of government in the 18th century is interrupted. In fact, on all "levels" of state power, for the purpose of uniformity of the administrative activities of officials, the decree is mainly used as the dominant administrative act.

In the indicated period of time, a rather ambiguous “picture” in the system of legal acts developed in Russia: “Uniform schemes for the implementation of administrative functions both within each state authority and in the state as a whole determined the duality of the nature of the decrees of this period. On the one hand, these were independent administrative documents, on the other, documents that brought the decisions of the supreme power to the lower levels. At the same time, each subsequent level, issuing its own decree, literally quoted the administrative document of the previous level. This practice complicated the work with administrative documents, but at the same time served as a means of spreading the uniformity of the execution of administrative documents in the central and local authorities” [6, p. 74].

At the beginning of the XIX century. collegiums are replaced by ministries, and after that, the next reform of the system of acts of public administration is carried out. For the first time, the names and forms of legal acts began to be regulated by the laws of 1810–1811. In the sphere of executive and administrative activities of officials, in addition to the term "order", "prescription" and "rescript" are introduced into circulation. The latter was an act of government issued by the monarch, expressing in the content an order, declaration of gratitude, punishment, encouragement, other administrative action and addressed to a specific subject (for example, a minister or other official). In contrast to the decrees of the highest official of the state, the rescript had in the XIX century not normative, but law enforcement, since it was aimed at resolving a specific life situation and was addressed to certain individuals, which allows us to actually equate it with law enforcement orders by analogy with modern times.

In the "ministerial period", "prescriptions" were also used as legal acts emanating from a minister or director, which are an order in relation to lower-level government bodies and officials, limited in time and scope [6, p. 74]. These acts, based on their content and functions, can be classified as legal acts of a mixed type, since they could include both regulatory requirements and individual instructions.

It was the ministerial system of state administration, based on the principle of one-man command and hierarchical subordination, which made it possible to form a fairly integral system of legal acts of an administrative nature. To confirm the significance of this stage in the development of the system of legal acts in Russia, and with it such a form as an order, we will quote the following quote: "For the first time, the independent decisions of the head of the department were formalized in the form of administrative documents issued on his behalf and personally signed by him. Such a procedure for the implementation of management decisions was undoubtedly an important factor in speeding up administrative processes. The emergence of orders and instructions issued as outgoing and internal documents simultaneously with the allocation of decrees of the highest power in a group of documents of a legislative nature, was a step forward on the path of folding a modern system of administrative documentation" [6, p. 74].

Objective complication of the public administration system in the 19th century. requires further differentiation of both the content and the form of legal acts. A dividing line is gradually drawn between normative and law enforcement acts. Over time, administrative acts of an individual nature are also allocated to a separate group. By the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries, not only subject, but also functional specialization in the system of legal acts of Russia was clearly observed. The most important administrative documents were instructions, orders and circulars. The variety of terminological designations for individual groups of legal acts is replaced by their unification and standardization.

In the further XX century. was marked by the introduction of normative standards for document circulation in the public administration system, which was objectively due to the complication of the state mechanism itself, the strengthening of the tendency for specialization of public authorities and the

legal acts issued (or adopted) by them and their officials. Under the conditions of Soviet state building, the order as a special legal act takes on a modern form. Specialization in the mechanism of the socialist state led to the division of orders into two main groups based on their content – normative and law enforcement. However, one should also mention the presence up to the present moment of a third group of orders with a mixed content, including both the rules of law and individual imperative orders. In the legal literature, an ambiguous opinion is expressed about orders of the mixed type [7, p. 86], but still they are not uncommon in modern state legal practice.

Taking into account the above, it seems possible to draw the following conclusion. For a very long time of the formation and functioning of the mechanism of state and legal management in Russia, legal acts were not subject to specialization and clear gradation, they simultaneously contained features of both law-making, law enforcement, and legal interpretations at the same time. In view of the above, it seems so important to take into account the systematic approach in the study of the general laws of the formation of the institution of the order as a means of state-legal regulation of social relations. A systematic study of this issue should be organically complemented by an etymological analysis of the historical process of introducing the term order into state legal practice.

Bibliographic list

1. Emysheva E.M. The emergence of the tradition of legislative regulation of the management system and office work in Russia // Vestnik RGGU. Series: "Documentary. Document management. Archival Science". 2011. No. 18 (December). P. 213–224.

2. Grigoryan A.A. From the history of the formation and formation of the order as a special type of document // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series of Russian and foreign languages, and methods of teaching them. 2012. No. 2. P. 60–65.

3. Dictionary of Church Slavonic and Russian. T. I-IV. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1847. T. I. 439 p.

4. Dictionary of the Russian language XI – XVII centuries. Moscow: Nauka, 1987.

5. Sreznevsky I.I. Dictionary of the Old Russian language. T. II. Part 1. Moscow: Book, 1989. 807 p.

6. Glotova S.A. The emergence and development trends of administrative documentation in Russia in the pre-revolutionary period // Vestnik RGGU. Series: Documentary. Document management. Archival studies. 2014. No. 2 (124). P. 70–77.

7. Strokova O.G. Order as a special kind of legal act (questions of theory and practice) / Ed. I.N. Senyakin. Saratov: Saratov State Academy of Law, 2009.167 p.

8. Komarov, S.A. General theory of state and law: textbook for universities/ S.A. Komarov. 9th ed., Rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. 506 p.

For citation: Chernyshov A.V. Historical stages of the formation of the order as a legal act of the government body // Legal thought. 2020. No. 3 (119). P. 122–128. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.008

12.00.03 – Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право

УДК 347.0
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.009

Смарт-контракты для цифровой экономики: новая нормальность

В.В. Мусатов*

Аннотация. Человеку по своей природе свойственно все упрощать и оптимизировать процесс своей работы. Изобретение компьютера и вычислительной техники позволили людям упростить и облегчить математические вычисления. Очередь оцифровывания добралась и до договорного права. В настоящей статье автор на основе гражданского законодательства Российской Федерации и зарубежных стран проводит анализ возможности применения смарт-контракта и юридические последствия его использования.

Ключевые слова: смарт-контракт, Нико Сабо, блокчейн, цифровые технологии, гражданское законодательство РФ.

Техно-информационная среда, в которой оказался современный человек, создала для мирового научного сообщества ряд проблем глобального масштаба: определение степени техно зависимости жизнедеятельности человечества и индивида; раскрытие сущности и характеристики информационно-технологичного общества; определение способности права контролировать информационно-технологическую среду и устанавливать ее соразмерность [11, p. 52].

Понятие и объекты смарт-контрактов. В 1994 году ученым, специалистов по информационным технологиям, а по совместительству юристом Нико Сабо было предложено понятие «смарт-контракт». В своей работе «Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets», написанной в 1996 году он дал следующее определение смарт-контракту: «Смарт-контракт – это набор определенных обещаний в цифровой форме, включая протоколы, в рамках которых стороны осуществляют это обещание» [8].

* ***Мусатов Владимир Викторович,*** студент Юридического факультета, направленность подготовки «Международное экономическое право» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: musatov.vladimir2001@gmail.com

Научный руководитель: ***Попова Анна Владиславовна,*** профессор Департамента международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: anna0710@yandex.ru

Помимо этого, Н. Сабо обозначил 4 принципа смарт-контракта:

1. *Наблюдаемость* – возможность мониторинга всех процессов выполнения смарт-контракта или доказывания выполнения (не выполнения) какого-либо этапа.

2. *Проверяемость*, то есть возможность предоставить или самостоятельно установить факт доказательства исполнения (неисполнения) этапов смарт-контракта доверенной стороне (арбитру, суду).

3. *Конфиденциальность* подразумевает отсутствие возможности влиять и просматривать этапы выполнения смарт-контракта третьим лицам, а также получение только необходимой информации для каждой стороны смарт-контракта.

4. *Возможность принудительного исполнения, минимизируя необходимость принуждения,* то есть механизм предполагает улучшение верификации, создание рейтинга и других стимулов, которые будут положительно влиять на реализацию смарт-контракта. При этом, в случае неисполнения, была бы возможность закончить и завершить программу смарт-контракта.

Смарт-контракты, создаваемые в соответствии с вышеназванными принципами, называют «классическими». Важно отметить, что основной целью создания смарт-контракта является автоматизация процесса исполнения договоров.

Самым простым примером классического смарт-контракта Нико Сабо считал обычные торговые автоматы. Действительно, правильно работающий торговый автомат осуществляет договор купли-продажи товара полностью автоматически.

Блокчейн. Смарт-контракт основывается на криптовалютой платформе. Криптовалюта – это «децентрализованная система для взаимодействия с виртуальными деньгами в общей глобальной бухгалтерской книге» [5]. Книга как раз и является «блокчейном». Это связано с тем, что все операции записываются в хронологическом порядке, которые вносятся компьютерами сторон-участников, которые при этом сгруппированы в блоки [6]. «Майнерами» называют непосредственных участников системы блокчейн. Операции, которые проводятся между сторонами и проверяются определённым набором криптографических алгоритмов, не передавая информацию третьим лицам. Исходя из этого можно сделать вывод, что сама система прозрачна, и всем участникам системы видна изнутри [3].

Изучив систему смарт-контракта и его принцип взаимодействия, мы можем обозначить следующие объекты смарт-контракта, являющиеся неотъемлемой частью его самого:

1. «Подписывающие стороны» – это первый объект. Он состоит из двух и более сторон, которые непосредственно используют смарт-контракт, то есть стороны обязательств.

2. «Предмет соглашения» – это то, относительно чего был заключен сам смарт-контракт. Он должен либо иметь непосредственный доступ к объекту (например, торговый автомат), либо к нему адаптирован и создан для определённой цели (продажа недвижимого имущества, например).

3. Третий объект смарт-контракта – это «конкретные условия», исходя из которых договор будет исполняться. Они должны быть реализованы

и прописаны на языке программирования, который совместим с блокчейном данного типа смарт-контракта.

Правовой аспект смарт-контрактов. Кратко осветив технологию смарт-контракта и технологии блокчейн, мы можем перейти к рассмотрению самого сложного вопроса: его правого регулирования. Так как контракт является алгоритмом, то мы не можем в полной мере применить к нему все правила, касаемые обычного договора. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Гражданская дееспособность – способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении восемнадцатилетнего возраста [1]. Так раскрывает это понятие законодательство Российской Федерации, обозначая полную дееспособность, которая наступает с восемнадцатилетнего возраста. При этом важно помнить, что в нашем законодательстве есть такие понятия как дееспособность несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет и дееспособность малолетних, а также ограниченная дееспособность. Однако несмотря на такое разнообразие, заключать контракты в нашем государстве имеют права только полностью дееспособные граждане. Аналогично этот вопрос решается в законодательстве США и Франции. Если контракт был заключен с лицом, который не имеет на это права, то он признается недействительным, за исключением случаев, предусмотренных законодательством.

Согласно статье 3 пункту 8.1 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» контракт – это государственный или муниципальный контракт либо гражданско-правовой договор, предметом которого являются поставка товара, выполнение работы, оказание услуги (в том числе приобретение недвижимого имущества или аренда имущества) [2].

Исходя из того, что смарт-контракт отличается от обычного контракта способом его заключения, а именно технологией, можно сделать вывод, что к смарт-контрактам на данный момент можно применять нормы, регулирующие общие положения заключения договора. Так, согласно ст. 26 ГК РФ гражданин в возрасте от 14 до 18 лет может заключать сделки с письменного согласия родителей, а самостоятельно только мелкие бытовые сделки, которые предусмотрены п. 2 ст. 28 Гражданского кодекса Российской Федерации. К таким можно отнести мелкие бытовые сделки, сделки, направленные на получение безвозмездной выгоды [1].

Теперь обратимся к смарт-контрактам. Как мы знаем, зачастую стороны смарт-контракта неизвестны друг другу. Таким образом, возникает риск, что дееспособный гражданин непреднамеренно может заключить контракт с гражданином, который не достиг полной дееспособности. К этому можно добавить, что в сети «Интернет» распространена анонимность, что в свою очередь ставит под угрозу принудительного исполнения соглашения [7].

В случае возникновения спора или иного прецедента для расторжения соглашения могут потребоваться сложные процедуры, направленные на определения возраста на момент заключения соглашения, то есть поступ-

ления информации в блокчейн. И, если лицо окажется несовершеннолетним, то в таком случае появляется необходимость в определении товара: можно ли сделку назвать мелкой? Разрешена ли она была законным представителем? И ряд других обстоятельств необходимых для принятия решения о законности сделки, и пути разрешения ситуации. Так как смарт-контракт – это автоматизированная система, то процедура реституции может вызвать ряд затруднений как с технической точки зрения, так и со стороны, которая не имела права совершать сделку.

Ко всему вышесказанному можно добавить, что согласно п. 4 ч. 2 ст. 178 ГК РФ сделка признается недействительной, если сторона заблуждается в отношении лица, с которым она вступила в сделку [1]. Иными словами получается, что если произошла даже самая малозначительная несостыковка в отношении лица, который совершал сделку с реальными обстоятельствами, то такую сделку можно признать недействительной, а это значит, что будет необходимо запускать сложный процесс, который мы описали выше.

К слову, в австралийском и английском праве, если стороны не заключают договор «face to face» и если одна из сторон соглашения сомневается относительно личности другой стороны, то такой договор считается недействительным. Подобное положение можно обнаружить и в различных положениях Гражданского кодекса Франции (Code Civil des Français 1804) с внесенными в него поправками [9].

Помимо всего есть и другая проблема – это безопасность. По данным международной компании «Positive Technologies», которая специализируется на разработке программного обеспечения (далее – ПО) в области информационной безопасности, количество только уникальных кибератак (первичных, которые ранее не проводились) за 2019 года увеличилось на 19% [10]. Одними из наиболее популярных отраслей оказались финансовая и юридическая. Они в свою очередь наиболее тесно связано со смарт-контрактами. Это означает, что данная форма сделка определенно будет интересна злоумышленникам, учитывая, что в своей концепции смарт-контракты подразумевают вовлечение миллионов потребителей одновременно в различных сферах.

Назревает вопрос: «К чему это может привести?». Если учесть сложность всю сложность доказывания и установление исходного положения дел, в случае массового «сбоя» – это может привести к последствиям, которые сложно предвидеть. К тому же, если преступник будет найден, то необходимо задаться вопросом: «а против кого было совершенно само преступление? Как его необходимо квалифицировать?».

Статистика. Как сообщает Cointelegraph количество смарт-контрактов, используемых в сети Ethereum, достигло 1 971 632 в марте 2020 года, достигнув нового рекордного максимума. Это на 75% по сравнению больше результата в феврале того же года.

Dune Analytics, онлайн-аналитическая платформа, зафиксировала количество контрактов, развернутых на Ethereum за последние 12 месяцев, в среднем регистрируя только около 670 000 контрактов в месяц.

Рост по большей части обусловлен снижением стоимости: для создания необходимо около 11 600 долларов. Снижение стоимости в свою очередь

обусловлено внедрением Ethereum 2.0 – платформы, которая поддерживает тысячи транзакций в секунду, а обработка стоит дешево и не требует больших затрат на ее поддержание [4].

Однако несмотря на то, что количество смарт-контрактов увеличилось в марте, в результате не произошло заметного увеличения числа транзакций. Это говорит о том, что многие контракты не используются или не приводят к увеличению вовлеченности конечных пользователей.

Впрочем, мы можем сделать вывод, что сам институт смарт-контракта постепенно входит в нашу жизнь, что означает необходимость продумывания правовой и технологической защиты этой формы контрактов.

Библиографический список

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации» (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2013 г. № 14. Ст. 1652.

3. *Грылева И. В.* Смарт-контракты и технология блокчейн // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 4-2 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/smart-kontrakty-i-tehnologiya-blok-cheyn (дата обращения: 28.08.2020).

4. Кто использует «умные контракты» и чем они лучше традиционных // Российская газета, 2020, 2 мая // URL: https://rg.ru/2020/05/02/kto-ispolzuet-umnye-kontrakty-i-chem-oni-luchshe-tradicionnyh.html (Дата обращения: 28.08.2020)

5. Kevin Delmolino, Mitchell Arnett, Ahmed Kosba, Andrew Miller and Elaine Shi. «Step by Step Towards Creating a Safe Smart Contract: Lessons and Insights from a Cryptocurrency Lab» // University of Maryland, p. 2. 18.11.2015 // URL: https://eprint.iacr.org/2015/ 460.pdf (дата обращения 28.08.2020).

6. Gareth W. Peters and Efstathios Panayi. «Understanding Modern Banking Ledgers through Blockchain Technologies: Future of Transaction Processing and Smart Contracts on the Internet of Money» // Banking Beyond Banks and Money: A Guide to Banking Services in the Twenty-First Century p. 239, 242. Весна 2016.

7. Mark Giancaspro. «Is a 'smart contract' really a smart idea? Insights from a legal perspective» // Computer Law & Security Report p. 825, 835. 01.12.2017.

8. *Сабо Н.* Смарт-контракты: строительные блоки для цифровых рынков // URL: //https://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart_contracts_2.html

9. Гражданский кодекс Франции (Code Civil des Français 1804) с внесенными в него поправками //URL: https://pandia.ru/ text/77/231/34260.php

10. Аналитика исследований киберугроз за 2019 года // URL: https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape- 2019

11. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Нивелирование трансгуманистических идей правом: теоретико-правовой анализ // Теория государства и права. – 2020. – № 2. – С. 52–63.

Для цитирования: *Мусатов В.В.* Смарт-контракты для цифровой экономики: новая нормальность // Юридическая мысль. – 2020. – № 3 (119). – С. 129–133. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.009

SMART CONTRACTS FOR THE DIGITAL ECONOMY: THE NEW NORMALITY

Vladimir V. Musatov *

Annotation. It is human by nature to simplify and optimize the process of his work. The invention of the computer and computing technology allowed humans to simplify and facilitate mathematical calculations. The line of digitization has also reached contract law. In this article, the author analyzes the possibility of using a smart contract and the legal consequences of its use based on the civil legislation of the Russian Federation and foreign countries.

Key words: smart contract, Niko Szabo, blockchain, digital technologies, civil legislation of the Russian Federation.

The techno-informational environment in which a modern man finds himself has created a number of problems of a global scale for the world scientific community: determining the degree of techno-dependence of the vital activity of man and the individual; disclosure of the essence and characteristics of the information technology society; determination of the ability of the right to control the information technology environment and establish its co-dimension [11, p. 52].

Concept and objects of smart contracts. In 1994, a scientist, an information technology specialist, and concurrently lawyer Niko Szabo proposed the concept of a "smart contract". In his 1996 work "Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets", he defined a smart contract as follows: "A smart contract is a set of certain digital promises, including protocols in which the parties fulfill that promise" [8].

In addition, N. Szabo outlined four principles of a smart contract.

1. *Observability* – the ability to monitor all processes of the smart contract execution or prove the fulfillment (not fulfillment) of any stage.

2. *Verifiability*, that is, the ability to provide or independently establish the fact of performance (non-performance) of the stages of a smart contract to a trusted party (arbitrator, court).

3. *Confidentiality* implies the inability to influence and view the stages of the smart contract execution by third parties, as well as obtaining only the necessary information for each party to the smart contract.

4. *The possibility of enforcement*, minimizing the need for enforcement, that is, the mechanism involves improving verification, creating a rating and other incentives that will positively affect the implementation of a smart contract. At the same time, in case of non-fulfillment, it would be possible to complete and complete the smart contract program.

* ***Musatov Vladimir Viktorovich,*** student of the Faculty of Law, focus of training "International Economic Law" of the Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: musatov.vladimir2001@gmail.com

Academic Supervisor: ***Popova Anna Vladislavovna,*** Professor of the Department of International and Public Law of the Law Faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: anna0710@yandex.ru

Smart contracts created in accordance with the above principles are called “classic”. It is important to note that the main goal of creating a smart contract is to automate the process of contract execution.

Nico Szabo considered ordinary vending machines to be the simplest example of a classic smart contract. Indeed, a properly operating vending machine carries out the sales contract fully automatically.

Blockchain. The smart contract is based on a cryptocurrency platform. Cryptocurrency is a “decentralized system for interacting with virtual money in a common global ledger” [5]. The book is exactly the “blockchain”. This is due to the fact that all operations are recorded in chronological order, which are entered by the computers of the participating parties, which are then grouped into blocks [6]. “Miners” are the direct participants in the blockchain system. The operations that are carried out between the parties are verified by a certain set of cryptographic algorithms, without transferring information to third parties. Based on this, we can conclude that the system itself is transparent, and is visible to all system participants from the inside [3].

Having studied the smart contract system and its interaction principle, we can identify the following objects of the smart contract, which are an integral part of it.

– The signers are the first object. It consists of two or more parties that directly use the smart contract, that is, the parties to obligations.

– The “subject of the agreement” is what the smart contract itself was concluded with. It must either have direct access to the object (for example, a vending machine), or it must be adapted and created for a specific purpose (sale of real estate, for example).

– The third object of a smart contract is “specific conditions” based on which the contract will be executed. They must be implemented and written in a programming language that is compatible with the blockchain of this type of smart contract.

The legal aspect of smart contracts. Having briefly covered smart contract technology and blockchain technology, we can move on to the most difficult issue: its legal regulation. Since a contract is an algorithm, we cannot fully apply to it all the rules related to an ordinary contract. Let's consider this issue in more detail.

Civil legal capacity – the ability of a citizen to acquire and exercise civil rights by his actions, to create civil obligations for himself and to fulfill them in full with the onset of majority, that is, upon reaching the age of eighteen [1]. This is how the legislation of the Russian Federation reveals this concept, denoting full legal capacity, which begins from the age of eighteen. At the same time, it is important to remember that our legislation contains such concepts as the legal capacity of minors between the ages of fourteen and eighteen and the legal capacity of minors, as well as limited legal capacity. However, despite this diversity, only fully capable citizens have the right to conclude contracts in our state. Similarly, this issue is resolved in the legislation of the United States and France. If the contract was concluded with a person who does not have the right to do so, then it is recognized as invalid, except as otherwise provided by law.

According to Article 3, Clause 8.1 of the Federal Law dated 05.04.2013 No. 44-FZ “On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs”, a contract is a state or municipal contract or a civil contract, the subject of which is delivery of goods, performance of work, provision of services (including the acquisition of real estate or lease of property) [2].

Based on the fact that a smart contract differs from a regular contract in the way it is concluded, namely in technology, it can be concluded that the rules governing the general provisions of concluding a contract can be applied to smart contracts at the moment. So, according to Art. 26 of the Civil Code of the Russian Federation, a citizen between the ages of 14 and 18 can enter into transactions with the written consent of the parents, and independently only small household transactions, which are provided for in paragraph 2 of Art. 28 of the Civil Code of the Russian Federation. These include small household transactions, transactions aimed at obtaining gratuitous benefits [1].

Now let's turn to smart contracts. As we know, the parties to a smart contract are often unknown to each other. Thus, there is a risk that a capable citizen may inadvertently enter into a contract with a citizen who has not achieved full legal capacity. To this we can add that anonymity is widespread on the Internet, which in turn jeopardizes the enforcement of the agreement [7].

In the event of a dispute or other precedent, termination of the agreement may require complex procedures aimed at determining the age at the time of the agreement, that is, the receipt of information on the blockchain. And if the person turns out to be a minor, then there is a need to define the goods: can the transaction be called petty? Was she authorized by legal representative? And a number of other circumstances necessary for deciding on the legality of the transaction, and ways to resolve the situation. Since a smart contract is an automated system, the restitution procedure can cause a number of difficulties, both from a technical point of view and from a party that was not entitled to make a transaction.

To all of the above, we can add that according to paragraph 4 of Part 2 of Art. 178 of the Civil Code of the Russian Federation, the transaction is invalidated if the party is mistaken in relation to the person with whom it entered into the transaction [1]. In other words, it turns out that if even the most insignificant inconsistency occurred in relation to the person who made a transaction with real circumstances and then such a transaction can be invalidated, which means that it will be necessary to launch the complex process that we described above.

By the way, in Australian and English law, if the parties do not enter into a “face to face” agreement and if one of the parties to the agreement doubts the identity of the other party, then such an agreement is considered invalid. A similar situation can be found in various provisions of the French Civil Code (Code Civil des Français 1804), as amended [9].

Apart from everything, there is another problem – this is security. According to the international company “Positive Technologies”, which specializes in the development of software (hereinafter referred to as software) in the field of information security, the number of only unique cyberattacks (primary, which had not been previously conducted) in 2019 increased by 19% [10]. One of the

most popular industries turned out to be financial and legal. They, in turn, are most closely related to smart contracts. This means that this form of transaction will definitely be of interest to cybercriminals, given that, in their concept, smart contracts imply the involvement of millions of consumers in various fields simultaneously.

The question is brewing: "What can this lead to?" If we take into account the complexity of the entire complexity of the proof and the establishment of the initial state of affairs, in the event of a mass "failure", this can lead to consequences that are difficult to foresee. Moreover, if the criminal is found, then it is necessary to ask the question: "and against whom was the crime itself? How should it be qualified?".

Statistics. As Cointelegraph reports, the number of smart contracts used on the Ethereum network peaked at 1,971,632 in March 2020, hitting a new all-time high. This is 75% more than the result in February of the same year.

Dune Analytics, an online analytics platform, has recorded the number of contracts deployed on Ethereum over the past 12 months, averaging only about 670,000 contracts per month.

Most of the growth is driven by declining costs, with around $ 11,600 required to build. The decrease in cost, in turn, is due to the introduction of Ethereum 2.0, a platform that supports thousands of transactions per second, and processing is cheap and does not require large costs to maintain it [4].

However, although the number of smart contracts increased in March, there was no noticeable increase in the number of transactions as a result. This suggests that many contracts are not being used or are not leading to increased end-user engagement.

However, we can conclude that the institution of a smart contract itself is gradually entering our lives, which means the need to think over the legal and technological protection of this form of contracts.

Bibliographic list

1. "Civil Code of the Russian Federation" (part one) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 31.07.2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

2. Federal Law of 05.04.2013 No. 44-FZ "On the contract system in the procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs" // Collected Legislation of the Russian Federation of 2013 No. 14. Art. 1652.

3. Gryleva IV Smart contracts and blockchain technology // Economy and business: theory and practice. 2019. No. 4-2 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/smart-kontrakty-i-tehnologiya-blok-cheyn (date of access: 28.08.2020).

4. Who uses "smart contracts" and how are they better than traditional ones // Rossiyskaya Gazeta, 2020, May 2 // URL: https://rg.ru/2020/05/02/kto-ispolzuet-umnye-kontrakty-i- chem-oni-luchshe-tradicionnyh.html (Date accessed: 28.08.2020).

5. Kevin Delmolino, Mitchell Arnett, Ahmed Kosba, Andrew Miller and Elaine Shi. "Step by Step Towards Creating a Safe Smart Contract: Lessons and Insights from a Cryptocurrency Lab" // University of Maryland, p. 2.18.11.2015 // URL: https://eprint.iacr.org/2015/ 460.pdf (date of access 28.08.2020).

6. Gareth W. Peters and Efstathios Panayi. "Understanding Modern Banking Ledgers through Blockchain Technologies: Future of Transaction Processing and

Smart Contracts on the Internet of Money" // Banking Beyond Banks and Money: A Guide to Banking Services in the Twenty-First Century p. 239, 242.Spring 2016.

7. Mark Giancaspro. "Is a "smart contract" really a smart idea? Insights from a legal perspective" // Computer Law & Security Report p. 825, 835.01.12.2017.

8. Szabo N. Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets // URL: // https://www.fon.hum.uva.nl/rob/ Courses / InformationInSpeech / CDROM / Literature / LOTwinterschool 2006 / szabo.best. vwh.net/smart_contracts_2.html

9. The Civil Code of France (Code Civil des Français 1804) as amended // URL: https://pandia.ru/ text / 77/231 / 34260.php

10. Cyber Threat Research Analytics 2019 // URL: https:// www.ptsecurity. com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2019/

11. Vorobiev S.M., Komarov S.A. Leveling transhumanistic ideas with law: theoretical and legal analysis // Theory of state and law. 2020. No. 2. P. 52–63.

For citation: Musatov V.V. Smart contracts for the digital economy: a new normality // Legal thought. 2020. No. 3 (119). P. 134–138. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.009

12.00.08 – уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право

УДК 344.642
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.010

Общественное воздействие как иная мера уголовно-правового характера

М.Ф. Гареев*

Аннотация. В данной статье обосновывается необходимость введения меры уголовно-правового воздействия в отношении условно осужденных в виде их передачи под надзор лица, заслуживающего доверие, трудового коллектива, либо общественной организации. Обращение к данной мере направлено на повышение исправительного и предупредительного потенциала условного осуждения.

Ключевые слова: условное осуждение, надзор, общественное воздействие, цели наказания, исправление, предупреждение преступлений.

Одним из самых распространенных мер уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступление, является условное осуждение. Широкое применение данной меры уголовно-правового характера объясняется с одной стороны недостаточностью средств индивидуализации наказания при его назначении, а с другой – тем, что суды рассматривают условное осуждение в качестве достаточно реальной альтернативы лишению свободы и ряду других видов наказания. О распространенности назначения условного осуждения российскими судами свидетельствуют судебная статистика. О значительности применения условного осуждения свидетельствует статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, согласно которым за последние пять лет (2014 – 2019 гг.) они применялись в отношении более 23 % осужденных [1].

Условное осуждение, являясь альтернативой наказания, должно выступить одним из эффективных средств реализации уголовной ответственности. Как отмечает В.Н. Баландюк, условное осуждение по своему социально-правовому назначению является альтернативой наказания, а по своей сущности предполагает назначение основного наказания с одновремен-

* ***Гареев Марат Фаизович***, доцент Юридического института (Санкт – Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: gareeff.marat2013@yandex.ru

ным освобождением от реального отбывания. В этом отношении условное осуждение отнесено к мере уголовно-правового характера второго порядка [2, с. 13].

Обращаясь к целям условного осуждения необходимо отметить, что они производны от целей наказания, поскольку суд, назначая наказания, перечисленные в ч. 1 ст. 73 УК РФ, одновременно освобождает осужденного от его реального отбывания. Для условного осуждения в большей мере характерно достижение цели исправления и предупреждение преступлений.

Как справедливо отметил Ю.М. Ткачевский, к целям условного осуждения следует отнести не только специальное предупреждение преступлений и исправление осужденного, но общее предупреждение и восстановление социальной справедливости. Свою позицию он подкрепляет положениями п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1961 г. «О судебной практике по применению условного осуждения», в котором указано, что при назначении условного осуждения необходимо исходить из «целей исправления и перевоспитания осужденного, так и предупреждения совершения преступлений осужденными и иными лицами» [3, с. 212].

Несмотря на то, что эти разъяснения давались применительно к ст. 44 УК РСФСР 1960 г., указанные положения высшей судебной инстанции СССР не утратили до сих пор актуальности, поскольку они соответствуют положениям ст. 73 УК РФ. Хотя цель общего предупреждения преступлений специально не указана в ч. 2 ст. 43 УК РФ, при решении вопроса о применении условного осуждения следует руководствоваться данной нормой для того, чтобы оно не подрывало общепредупредительного воздействия уголовного закона. Тем более, одной из приоритетных задач уголовного закона, как это указано в ст. 2 УК РФ, является предупреждение преступлений, под которой подразумевается не только частная превенция, но и общая, целью которого имеет воздействие не только на виновного, но и на неопределенное количество граждан. Возможность освобождения виновного от отбывания наказания, перечисленных в ч. 1 ст. 73 УК РФ свидетельствует, что цели исправление и предупреждение преступлений представляется возможным без их реального назначения.

Обычно в судебной практике условное осуждение назначается тем осужденным, которые не представляют значительной общественной опасности. Типичным примером служит приговор Невского района города Санкт-Петербург от 29 мая 2019 г., которым Яскеляйкин В.В. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п.п. «в», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ и ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на один год шесть месяцев. На основании ст. 73 УК РФ, назначенное Яскеляйкину В.В. наказание суд признал считать условным с испытательным сроком в два года. В соответствии с ч. 5 ст. 73 УК РФ суд возложил обязанности не менять постоянного места жительства без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного. Далее, в течение одного месяца после вступления приговора в законную силу обязал осужденного встать на учет в уголовно-исполнительную инспекцию по месту проживания, ежемесячно являться в данный орган для регистрации [4].

Данный приговор не отличается от других приговоров, назначаемых российскими судами. Единственным отличием его является то, что суд в рамках ч. 5 ст. 73 УК РФ возложил на осужденного обязанность возместить причиненный ущерб потерпевшему. Объясняется это только характером совершенного преступления, который посягает на имущество.

Столь формальный подход судов при назначении условного осуждения отчасти можно объяснить продуманной системой мер исправительного и предупредительного характера, которая закреплена в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве.

Однако на практике уголовно-исполнительные инспекции порой осуществляют свои функции формально. Контроль за условно осужденными чаще всего сводится к фиксации в документации факта посещения осужденными данной инспекции и формального разъяснения обязанностей, возложенных судом в соответствии с ч. 5 ст. 73 УК РФ.

В силу малочисленности штатов сотрудников уголовно-исполнительной инспекции, а порой дефицита кадров, они не в состоянии реализовать целевых установок, заключающиеся в исправлении и предупреждении преступлений условно осужденными.

Для повышения эффективности применения условного осуждения автором предлагается усилить контроль над данной категорией осужденных за счет привлечения граждан или общественных объединений. Указанные предложения предлагается законодательно закрепить ст. 73 УК РФ, предусмотрев в ч. 7 следующее: «Суд может передать на период испытательного срока осужденного под надзор лица, заслуживающего доверие, трудового коллектива, либо общественной организации».

Предложенная мера уголовно-правового воздействия предусмотрена в ряде зарубежных уголовных законодательств. Например, согласно § 1 ст. 73 УК Польши при отсрочке исполнения наказания лишением свободы «суд может на период испытательного срока передать осужденного под надзор куратора или лица заслуживающего доверие, объединения, учреждения либо общественной организации, к деятельности которой относится забота о воспитании, предупреждение деморализации или оказание помощи осужденным» [5].

Возможность общественного воздействия на осужденного предусмотрена п. 5 § 56d в УК (Уголовное уложение) ФРГ. В качестве лица, выполняющего функции по исправлению осужденного, германский законодатель возлагает на уголовно-исполнительного инспектора на общественных началах, который назначается судом при условной отсрочке наказания (аналог российского условного осуждения) [6, с. 53].

Предлагаемая мера отнюдь не является новой. Она была закреплена в ч. 4 ст. 44 УК РСФСР 1960 г., согласно которой суд мог возложить эту меру по ходатайству общественной организации или трудового коллектива, либо по собственной инициативе. Анализ судебной практики советского периода указывает о незначительном применении мер общественного воздействия в отношении рассматриваемой категории осужденных. Статистические данные советских судов свидетельствуют, что они применялись в отношении не более 10% осужденных.

К примеру, по статистике Альметьевского народного городского суда Татарской АССР в 1960, 1970, 1980 годы не более 1% данной категории осужденных совершали вновь преступление. В частности, в справке по материалам обобщения судебной практики по делам о хищениях и растратах социалистической собственности за 1965 г. указывалось, что жизнь полностью оправдала практику общественного поручительства в отношении тех людей, которые случайно оступившись, впервые совершили малозначительные преступления, в которых они чистосердечно раскаялись [7].

Не всегда страх угрозы применения реального наказания при условном осуждении в состоянии достичь цели исправления виновного и предупреждения дальнейшей преступной деятельности. В ряде случаев представляется более действенным формирование у осужденного положительных морально-нравственных установок личности, которые по сравнению со страхом применения реального наказания могут быть куда эффективнее.

Примером эффективного применения мер общественного воздействия на условно осужденных может свидетельствовать практика Альметьевского народного городского суда Татарской АССР. Как следует из результатов обобщения судебной практики за 1964 г., проведенная данным судом, указано, что жизнь полностью оправдала практику общественного поручительства в отношении тех людей, которые случайно оступились, впервые совершили малозначительные преступления, в которых они чистосердечно раскаялись.

Например, Мифтахов Х.Ф., член КПСС, работая заведующим складом ОРС НПУ «АН» из-за халатного отношения к служебным обязанностям допустил ущерб на сумму 11344 руб. 60 коп. Работая товароведом в ОРСе НПУ «АН», пользовался уважением в коллективе, к работе относился добросовестно.

Аналогичная ситуация в отношении Усманова Н.Ш., члена КПСС, который, работая старшим бухгалтером, из-за халатного отношения к своим обязанностям допустил ущерб на сумму 3778 руб. Был осужден к условной мере наказания с передачей на воспитание коллектива. Долгое время работал ревизором в Альметьевском райпотребсоюзе, к своим обязанностям относился добросовестно [8].

В случае законодательного закрепления мер общественного воздействия, применения в отношении условно осужденных, суды должны весьма взвешенно подходить к его назначению, избегая формального подхода и тем более избегать его массового применения. В противном случае это может свести на нет предлагаемую меру и привести к значительному снижению эффективности института условного осуждения.

Как указано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» необходимо исполнять требования закона о строго индивидуальном подходе к назначению наказания. Речь идет о соблюдении принципа справедливости, предусмотренного ст. 6 УК РФ, которое заключается в том, что наказание и иная мера уголовно-правового характера, включая условное осуждение, должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного [9].

С учетом положений ст. 6 УК РФ, предлагаемая мера должна применяться как с учетом личности виновного, так и лица, заслуживающего доверие трудового коллектива либо общественной организации. В качестве такого может выступить лицо, заслуживающее доверие и обладающее значимым авторитетом. Посредством влияния такого лица и коллектива в целом, где трудится или обучается осужденный, представляется возможным сформировать положительные морально-нравственные установки личности. К сожалению, в современных условиях не каждый трудовой коллектив в состоянии не только сформировать положительные нравственные устремления личности, но даже организовать благоприятный моральный климат. Последние десятилетия, выразившиеся в развитие так называемых рыночных отношений, привели к деформации нравственных установок людей, выработали у них жажду наживы. Поэтому при назначении мер общественного воздействия в отношении условно осужденных, суд должен исследовать материалы не только в отношении подсудимого, но и коллектива, где трудится, или обучается виновный. Соответствующие разъяснения следует зафиксировать путем внесения изменений и дополнений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

Справиться с поставленными задачами в состоянии те трудовые коллективы, в которых присутствует доброжелательная психологическая атмосфера, сформировалась положительная корпоративная этика, выработаны стимулы для роста профессиональной личности, применяется дифференцированный подход к каждому члену коллектива. В качестве примера можно указать тех лиц, которые в состоянии оказать эффективное воздействие на осужденных. К ним в частности, могут быть отнесены руководители структурных подразделений, воспитатели, тренеры и др.

Особенно это актуально в отношении несовершеннолетних осужденных, в отношении которых назначается условное осуждение. Это вызвано тем, что несформировавшаяся в полной мере психика несовершеннолетних позволяет в большей степени оказать на них положительное влияние, в том числе реализовать исправительный потенциал коллектива и лица, пользующегося доверием у подростка, совершившего преступление. К общественным организациям, способным оказать на несовершеннолетних условно осужденных, можно отнести спортивную секцию, кружки по интересам и т.д.

О возможности эффективного воздействия общественных организаций на несовершеннолетних указывает и советский опыт, поскольку подростки, задействованные в спортивных секциях, кружках и т.п., гораздо реже совершали правонарушения [10, с. 108].

В итоге, у условно – осужденного, в результате применения мер общественного воздействия, должно возникнуть чувство стыда, как перед трудовым коллективом, где он работает, так и перед обществом в целом. Применение мер воспитательного воздействия в отношении лиц, к которым судом назначено условное осуждение, представляется более эффективным, поскольку вырабатывает более устойчивые морально-нравственные установки личности, а угроза применения реального наказания, которое нередко становится банальным, не достигает желаемого эффекта.

Библиографический список

1. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Статистические данные за 2014 – 2019 гг. // www.cdep.ru.
2. *Баландюк В.Н.* Эффективность освобождения от отбывания наказания при условном осуждении и отсрочке исполнения приговора: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – Свердловск, 1988. – 17 с.
3. Курс уголовного права. Т 2. Общая часть. Учение о наказании // Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало, 2002. – 464 с.
4. Архив Невского районного суда города Санкт-Петербург за 2019 г. Дело № 1-565/18.
5. Уголовный кодекс Польши. Закон от 6 июня 1997 г. Вести. Зак. 2 августа 1997 г. № 88. ст. 553 // http://okpravo.ru/news/
6. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: текст и научно-практический комментарий. – М.: Проспект, 2010 – 280 с.
7. Архив Альметьевского городского народного суда за 1965 г. Наряд № 9. Арх. № 35.
8. Архив Альметьевского городского народного суда за 1964 г. Наряд № 9. Арх. № 29.
9. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 2. – Февраль.
10. *Савельева О.Ю.* Криминология: электронное учебно-методическое пособие. – Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2019. – 236 с.

Для цитирования: Гареев М.Ф. Общественное воздействие как иная мера уголовно-правового характера // Юридическая мысль. – 2020. – № 3 (119). – С. 139–144. DOI: 10.47905/ MATGIP.2020.119.3.010

Public influence as another measure of criminal law

Marat F. Gareev*

Annotation. This article substantiates the necessity of introducing a measure of criminal legal influence in relation to conditionally convicted persons in the form of their transfer under the supervision of a trustworthy person, labor collective, or public organization. The appeal to this measure is aimed at increasing the corrective and preventive potential of probation.

Keywords: conditional conviction, supervision, social impact, goals of punishment, correction, crime prevention.

One of the most common measures of criminal law impact on persons who have committed a crime is a suspended sentence. The widespread use of this measure of a criminal-legal nature is explained, on the one hand, by the insufficient means of individualizing punishment when imposing it, and, on the other hand, by the fact that the courts consider probation as a fairly realistic al-

* ***Gareev Marat Faizovich***, Associate Professor of the Law Institute (St. Petersburg), candidate of legal sciences. E-mail: gareeff.marat2013@yandex.ru

ternative to imprisonment and a number of other types of punishment. Judicial statistics show the prevalence of suspended sentences by Russian courts. The significance of the application of suspended sentences is evidenced by the statistical data of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, according to which, over the past five years (2014 – 2019), they were applied to more than 23% of convicts [1].

Conditional conviction, being an alternative to punishment, should be one of the effective means of implementing criminal liability. As V.N. Balandyuk, a suspended sentence by its social and legal purpose is an alternative to punishment, and in its essence it involves the appointment of the main punishment with simultaneous release from real serving. In this regard, probation is attributed to a second order criminal law measure [2, p. 13].

Turning to the goals of probation, it should be noted that they are derived from the goals of punishment, since the court, when imposing punishments listed in Part 1 of Art. 73 of the Criminal Code of the Russian Federation, at the same time exempt the convict from his actual serving. For a conditional sentence, it is more characteristic of achieving the goal of correcting and preventing crimes.

As Yu.M. Tkachevsky, the goals of the conditional sentence should include not only special prevention of crimes and correction of the convicted person, but general prevention and restoration of social justice. He reinforces his position with the provisions of clause 1 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR dated March 4, 1961 "On judicial practice on the application of suspended sentence, “which states that when assigning a suspended sentence, it is necessary to proceed from "the goals of correcting and re-educating the convicted person, and prevention of the commission of crimes by convicted persons and other persons” [3, p. 212].

Despite the fact that these explanations were given in relation to Art. 44 of the Criminal Code of the RSFSR in 1960, these provisions of the highest court of the USSR have not lost their relevance until now, since they correspond to the provisions of Art. 73 of the Criminal Code of the Russian Federation. Although the purpose of the general prevention of crimes is not specifically indicated in Part 2 of Art. 43 of the Criminal Code of the Russian Federation, when deciding on the application of a conditional sentence, one should be guided by this rule so that it does not undermine the general preventive effect of the criminal law. Moreover, one of the priority tasks of the criminal law, as indicated in Art. 2 of the Criminal Code of the Russian Federation, is the prevention of crimes, which means not only private prevention, but also general prevention, the purpose of which has an impact not only on the perpetrator, but also on an indefinite number of citizens. The possibility of releasing the perpetrator from serving the sentence listed in Part 1 of Art. 73 of the Criminal Code of the Russian Federation testifies that the goals of correcting and preventing crimes are possible without their real purpose.

Usually, in judicial practice, a suspended sentence is assigned to those convicts who do not pose a significant public danger. A typical example is the verdict of the Nevsky district of the city of Saint Petersburg dated May 29, 2019, by which V.V. Yaskelaykin. was found guilty of a crime under para-

graphs. “C”, “g” part 2 of Art. 158 of the Criminal Code of the Russian Federation and he was sentenced to imprisonment for a period of one year and six months. Based on Art. 73 of the Criminal Code of the Russian Federation, assigned to V.V. the court recognized the punishment as conditional with a probationary period of two years. In accordance with Part 5 of Art. 73 of the Criminal Code of the Russian Federation, the court imposed the obligation not to change the permanent place of residence without notifying the specialized state body exercising control over the behavior of the conditionally convicted person. Further, within one month after the entry into force of the verdict, he obliged the convicted person to register with the penitentiary inspectorate at the place of residence, to appear monthly at this body for registration [4].

This sentence is no different from other sentences imposed by Russian courts. Its only difference is that the court within the framework of Part 5 of Art. 73 of the Criminal Code of the Russian Federation imposed on the convict the obligation to compensate the damage caused to the victim. This is explained only by the nature of the crime committed, which encroaches on property.

Such a formal approach of the courts when imposing a suspended sentence can be partly explained by a well-thought-out system of corrective and preventive measures, which is enshrined in criminal and penal legislation.

However, in practice, criminal executive inspectorates sometimes carry out their functions formally. Control over conditionally convicted persons is most often reduced to fixing in the documentation the fact of visits by convicts to this inspection and a formal explanation of the duties imposed by the court in accordance with Part 5 of Art. 73 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Due to the small number of staff of the criminal executive inspectorate, and sometimes a shortage of personnel, they are not able to implement the targets of correcting and preventing crimes by probationers.

To increase the effectiveness of the application of conditional conviction, the author proposes to strengthen control over this category of convicts by attracting citizens or public associations. These proposals are proposed to be legislatively enshrined in Art. 73 of the Criminal Code of the Russian Federation, providing in part 7 the following: “The court may transfer a convicted person for a probationary period under the supervision of a trustworthy person, a labor collective, or a public organization”.

The proposed measure of criminal law is provided for in a number of foreign criminal laws. For example, according to § 1 of Art. 73 of the Criminal Code of Poland, when the execution of the sentence of imprisonment is postponed, “the court may, for a period of probation, transfer the convicted person under the supervision of a curator or a person of trust, an association, an institution or a public organization whose activities include caring for upbringing, preventing demoralization or providing assistance to convicts” [5].

The possibility of public influence on the convict is provided for in paragraph 5 of § 56d in the Criminal Code of the Federal Republic of Germany. As a person performing the functions of correcting a convicted person, the German legislator assigns to a criminal executive inspector on a voluntary basis,

who is appointed by the court with a suspended sentence (analogue of a Russian suspended sentence) [6, p. 53].

The proposed measure is by no means new. It was enshrined in Part 4 of Art. 44 of the Criminal Code of the RSFSR 1960, according to which the court could impose this measure at the request of a public organization or work collective, or on its own initiative. An analysis of the judicial practice of the Soviet period indicates the insignificant use of measures of public influence in relation to the considered category of convicts. Statistical data from Soviet courts indicate that they were applied to no more than 10% of convicts. For example, according to the statistics of the Almetyevsk People's City Court of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic in 1960, 1970, 1980, no more than 1% of this category of convicts committed a crime again. In particular, in the information on the materials of the generalization of judicial practice in cases of embezzlement and embezzlement of socialist property for 1965, it was indicated that life fully justified the practice of public guarantee in relation to those people who accidentally stumbled for the first time committed minor crimes, of which they sincerely repented [7].

The fear of the threat of the use of real punishment under conditional conviction is not always able to achieve the goal of correcting the culprit and preventing further criminal activity. In a number of cases, it seems more effective to form positive moral and ethical attitudes of the person in the convict, which, compared with the fear of applying real punishment, can be much more effective.

The practice of the Almetyevsk People's City Court of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic can serve as an example of the effective application of measures of social pressure on conditionally convicted persons. As follows from the results of the generalization of judicial practice for 1964, carried out by this court, it is indicated that life fully justified the practice of public guarantee in relation to those people who accidentally stumbled, for the first time committed minor crimes, of which they sincerely repented.

For example, Miftakhov Kh.F., a member of the Communist Party of the Soviet Union, while working as a warehouse manager of the ORS NPU “AN”, due to negligence in his official duties, he caused damage in the amount of 11344 rubles. 60 kopecks. At the present time he works as a commodity expert in the ORS NPU “AN”, is respected in the team, he treats his work in good faith.

A similar situation with respect to Usmanov N.Sh., a member of the CPSU, who, while working as a senior accountant, due to negligence in his duties, made damage in the amount of 3778 rubles. He was sentenced to a suspended sentence with the transfer to the education of the collective. Currently, he works as an auditor in the Almetyevsk regional consumer union, treats his duties in good faith [8].

In the case of legislative consolidation of measures of public influence, application in relation to conditionally sentenced, the courts should very balanced approach to its appointment, avoiding a formal approach, and even more so avoid its massive use. Otherwise, this can nullify the proposed measure and lead to a significant decrease in the effectiveness of the institution of probation.

As indicated in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 22, 2015 No. 58 "On the practice of imposing criminal punishment by the courts of the Russian Federation", it is necessary to comply with the requirements of the law on a strictly individual approach to sentencing. We are talking about compliance with the principle of justice, provided for in Art. 6 of the Criminal Code of the Russian Federation, which is that punishment and other measure of a criminal-legal nature, including probation, must correspond to the nature and degree of social danger of the crime, the circumstances of its commission and the identity of the perpetrator [9].

Taking into account the provisions of Art. 6 of the Criminal Code of the Russian Federation, the proposed measure should be applied both taking into account the personality of the perpetrator and the person who deserves the trust of the labor collective or a public organization. This can be a person who is trustworthy and has significant authority. Through the influence of such a person and the collective as a whole, where the convict works or studies, it seems possible to form positive moral and ethical attitudes of the individual. Unfortunately, in modern conditions, not every work collective is able not only to form positive moral aspirations of the individual, but even to organize a favorable moral climate. The last decades, expressed in the development of the so-called market relations, have led to the deformation of the moral attitudes of people, developed in them a thirst for profit. Therefore, when appointing measures of public influence in relation to conditionally convicted persons, the court must examine the materials not only in relation to the defendant, but also to the collective where the guilty person works or is trained. The relevant explanations should be recorded by making amendments and additions to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 22, 2015, No. 58 “On the practice of imposing criminal punishment by the courts of the Russian Federation”.

To cope with the tasks set, those work collectives in which there is a benevolent psychological atmosphere, a positive corporate ethics have been formed, incentives for the growth of a professional personality are developed, a differentiated approach is applied to each member of the team. As an example, we can indicate those persons who are able to exert an effective influence on convicts. These include, in particular, the heads of structural units, educators, trainers, etc. This is especially true in relation to juvenile convicts, in respect of whom a suspended sentence is assigned. This is due to the fact that the undeveloped psyche of minors allows them to exert a positive influence on them to a greater extent, including realizing the corrective potential of the collective and the person who enjoys the confidence of a teenager who has committed a crime. The public organizations capable of providing suspended sentences for minors include a sports section, hobby groups, etc. The Soviet experience also points to the possibility of effective influence of public organizations on minors, since adolescents involved in sports clubs, circles, etc., committed offenses much less often [10, p. 108].

As a result, a conditionally convicted person, as a result of the application of measures of social influence, should have a feeling of shame, both in front of the labor collective where he works and in front of society as a whole. The use

of measures of educational influence in relation to persons to whom a suspended sentence has been assigned by the court seems to be more effective, since it develops more stable moral and ethical attitudes of the individual, and the threat of applying real punishment, which often becomes banal, does not achieve the desired effect.

Bibliographic list

1. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Statistical data for 2014-2019 // www.cdep.ru.

2. Balandyuk V.N. The effectiveness of release from serving a sentence in case of conditional conviction and suspension of execution of the sentence: Author's abstract. diss. ... Cand. jurid. sciences. Sverdlovsk, 1988. 17 p.

3. Course in criminal law. T 2. General part. The doctrine of punishment. Ed. N.F. Kuznetsova and I.M. Tyazhkova. Moscow: Zertsalo, 2002 – 464 p.

4. Archive of the Nevsky District Court of the city of St. Petersburg for 2019. Case No. 1-565 / 18.

5. The Criminal Code of Poland. Law of June 6, 1997. Vesti. Zach. August 2, 1997 No. 88. Art. 553 // http://okpravo.ru/news/

6. Criminal Code (Criminal Code) of the Federal Republic of Germany: text and scientific and practical commentary. Moscow: Prospect, 2010. 280 p.

7. Archive of the Almetyevsk City People's Court for 1965. Outfit No. 9. Arch. No. 35.

8. Archive of the Almetyevsk City People's Court for 1964. Outfit No. 9. Arch. No. 29.

9. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2. February 2016.

10. Savelyeva O.Yu. Criminology: an electronic teaching aid. Togliatti: Togliatti State University, 2019. 236 p.

For citation: Gareev M.F. Social impact as another measure of a criminal-legal nature // Legal thought. 2020. No. 3 (119). P. 144–149. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.010

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

УДК 347.963
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.011

Эффективность прокурорского надзора за исполнением законов органами предварительного расследования на стадии возбуждения уголовных дел о преступлениях в бюджетной сфере

А.Е. Лебедева (Скачкова)*

Аннотация. В статье рассматривается проблематика неотвратимости уголовной ответственности за преступления в бюджетной сфере на стадии разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела с позиции эффективности деятельности государственных органов, значение и роль органов прокуратуры.

Ключевые слова: уголовное преследование, преступление, прокуратура, бюджетное законодательство, бюджетная сфера.

Эффективность деятельности различных органов Российской Федерации в современной социально-экономической формации определяется субъективными и объективными факторами. Объективные факторы могут иметь различное сущностное наполнение, градацию, классификацию, но по-прежнему, в основе сохраняется проблематика правового регулирования при комплексном изучении правоприменительной деятельности.

Ученые в сфере уголовного процесса определяют основополагающими задачами уголовного судопроизводства: обеспечение быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных, а также правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был

* ***Лебедева (Скачкова) Анна Евгеньевна***, Директор Санкт-Петербургского межрегионального центра профессионального обучения прокурорских работников и федеральных государственных гражданских служащих – начальник учебно-методического отдела прокуратуры Санкт-Петербурга, кандидат юридических наук, доцент, старший советник юстиции. E-mail: annaskachkova@yandex.ru

подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности [1].

Стадия возбуждения уголовного дела применительно к деятельности органов прокуратуры носит двухаспектный характер. С одной стороны прокуратурой проводится систематическая надзорная деятельность (ежемесячные прокурорские проверки), включающая надзор за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении заявлений, сообщений о преступлениях органами предварительного расследования и надзор за законностью решений о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела.

С другой, прокурор как участник уголовного процесса, по результатам прокурорской деятельности в различных сферах и, непосредственно, в бюджетной, при наличии признаков преступления, инициирует возбуждение уголовного дела путем вынесения мотивированного Постановления прокурора о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства в порядке ст. 37 УПК РФ [3].

Охранительными нормами уголовного закона в сфере бюджета, бюджетных отношений являются специальные нормы, предусмотренные ст. 285.1 («Нецелевое расходование бюджетных средств»), ст. 285.2. («Нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов») и иные. В зависимости от существа, субъекта и направленности умысла, инкриминируемое деяние в бюджетной сфере, возможно квалифицировались по ст.ст. 285, 286, 293, 292 УК РФ [2].

Правовая оценка наличия признаков преступления, предусмотренных ст. 293 УК РФ «Халатность», проводиться в первую очередь, в отношении должностных лиц органов предварительного финансово-бюджетного контроля, ненадлежащим образом, исполнивших свои служебные обязанности, тем самым допустивших преступления в бюджетной сфере, а ст. 292 УК РФ «Служебный подлог» образует совокупность преступлений в бюджетной сфере, ввиду того, что для бюджетного финансирования обязательным является предоставление определенных законодательством документов, эти документы должны быть легитимными и сопоставимыми между собой. Действия лица, не обладающего признаками специального субъекта, предусмотренного главной 30 УК РФ, подделавшего официальный документ, предоставляющий права или освобождающий от обязанностей на получение средств бюджета, в целях его использования для получения бюджетного финансирования могут быть квалифицированы по ч.1 ст. 327 УК РФ [2].

Соответственно представляется возможным выделить преступления, предусмотренные разделом VIII «Преступления в сфере экономики», главой 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях», ст. 201, ст. 201.1 УК РФ; из главы 21 «Преступления против собственности» – ч. 3 ст. 159 УК РФ мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере, ст. 159.2 УК РФ «Мошенничество при получении выплат», ст. 160 УК РФ; а также из главы 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» – ч.2 ст. 176 УК РФ [2].

В зависимости от формы финансирования, уголовная ответственность также установлена за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат по ст. 145.1 УК РФ главы 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина», что возможно как по самостоятельной квалификации, так и по совокупности преступных деяний, связанных с хищением бюджетных средств либо нецелевым их использованием. Одновременно законодателем определены преступными деяния в сфере отбора контрагентов по государственным (муниципальным) контрактам по закупкам товаров, работ, услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд по признакам преступлений, предусмотренных ст. 200.4 УК РФ («Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд», ст. 200.5 УК РФ («Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок»), ст. 200.6. («Заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»), а также 201.1 УК РФ («Злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа»), ст. 285.4 УК РФ («Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа»), ст. 304 («Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд») [2].

Расследование перечисленных преступлений производится следователями Следственного комитета Российской Федерации, следователями органов внутренних дел Российской Федерации, а по ряду преступлений, предварительное следствие может производиться также следователями органа, выявившего эти преступления.

Однако перечисленные охранительные нормы уголовного закона имеют ярко выраженный бланкетный характер, общую методику расследования. Иными словами, имеется потребность в юридических знаниях указанного бюджетного законодательства, присутствует единая специфика при расследовании, квалификации преступных деяний в бюджетной сфере и их доказывания и т.д.

Раскрывая проблематику эффективности деятельности государственных органов на данной стадии уголовного процесса, полагаем необходимым указать, что наиболее характерным поводом для возбуждения уголовного дела в бюджетной сфере являются сообщения о совершенном или готовящемся преступлении в бюджетной сфере, полученные из иных источников, в порядке п. 3 ч. 1 ст.140 УПК РФ и постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании [3].

Такими иными источниками информации о совершенном преступлении в значительном процентном соотношении исследования являются материалы органов последующего бюджетно-финансового контроля. В этой связи проблематика эффективности корреспондируется и с проведением оперативно-розыскных мероприятий по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, а также выявление и установле-

ние лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших преступления органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Существо проблематики – сроки давности уголовного преследования.

Известно, что в соответствии с ч. 2 ст. 78 УПК РФ сроки давности исчисляются со дня совершения преступления и до момента вступления приговора суда в законную силу. Срок давности рассчитывается согласно категориям преступлений, по максимальному сроку лишения свободы, предусмотренному за совершение преступлении, согласно по ст.ст. 15, 78 УПК РФ [3]. Например, по ч. 1 ст. 285.1 УК РФ расходование бюджетных средств должностным лицом получателя бюджетных средств на цели, не соответствующие условиям их получения, определенным утвержденными бюджетом, бюджетной росписью, уведомлением о бюджетных ассигнованиях, сметой доходов и расходов либо иным документом, являющимся основанием для получения бюджетных средств, совершенное в крупном размере, предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на свободы на срок до двух лет. Преступление, предусмотренное ч.1 ст. 285.1 УК РФ относится к преступлениями небольшой тяжести, срок давности составляет – 2 года [2].

Рассмотрим ситуацию на примере органов бюджетно-финансового последующего контроля, осуществляющих свою деятельность в большей мере на плановой основе. Органы последующего бюджетно-финансового контроля, согласно наиболее распространенному правопониманию, в связи с изменениями внесенным в п. 5 ст. 265 БК РФ сориентированы на проведение проверок по окончании финансового года, составляющего период с 01 января по 31 декабря (ст. 12 БК РФ) [1].

Так, например, финансирование проведено в феврале 2019 года, органы последующего бюджетно-финансового контроля начнут проведение проверки не раньше февраля 2020 года, и таким образом, собственно проверочные материалы, и далее, возможно – прокурорская проверка, и собственно, предварительное расследования и судебное разбирательство должны быть завершены до истечения 12 месяцев. Следовательно, законодательная проблематика заключается в перспективно прогнозируемой, правовой ситуации отказа либо прекращения уголовного преследования за истечением сроков давности.

Относительно роли органов прокуратуры в заявленных вопросах настоящего исследования необходимо заметить, что надзор за исполнением бюджетного законодательства является постоянным и актуальным направлением деятельности органов прокуратуры (ее специализированных подразделений), в котором в обязательном порядке предписывается незамедлительное проведение правовой оценки с позиции выявления и предупреждения уголовно наказуемых правонарушений для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных нарушений, при наличии достаточных оснований прокурор правомочен в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ вынести мотивированное постановление о направлении материалов «общенадзорной» проверки в следственный орган или орган дознания [3].

Прокурорский надзор в уголовно-процессуальной сфере, за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступ-

лениях в органах дознания и предварительного следствия также носит систематический характер. Прокурор, признав постановление следователя незаконным, необоснованным, своим постановлением правомочен отменить данное постановление, но возбудить уголовное дело, равно как и прекратить производство по делу – не правомочен (прокурор вправе в крайне редком случае сам прекратить уголовное дело (п. 3 ч. 1 ст. 226 УПК РФ), но уже на стадии его поступления от дознавателя с обвинительным актом) [3].

Иными словами, постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании не имеет равного процессуального значения с постановлением о возбуждении уголовного дела. Рассматриваемое постановление прокурора как ранее указано расценивается как один из поводов дающих основания следователю для принятия самостоятельного решения.

Таким образом, имеет место правовой казус, при котором надзорный орган – прокуратура, разрешает вопрос о наличии признаков преступления в действиях должностных и иных лиц участников бюджетного процесса, иных лиц, получающих средства из бюджета, усматривает признаки преступления и, не обладая правом возбуждения уголовного дела, выносит мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства. В этой связи соответственно предмету надзора принимает решение об отмене незаконного, необоснованного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела либо в порядке надзора за законностью уголовно-процессуальной деятельности выносит соответствующее постановление о прекращении уголовного преследования либо об его возбуждении, но акты прокуратуры в любом случае оцениваются следователем, органом предварительного расследования. Следователь правомочен не согласиться с позицией прокуратуры, в соответствии с ч. 1.1 ст. 148 УПК РФ это решение следователь в обязательном порядке должен согласовать с руководителем следственного органа, т.е. окончательное решение законодатель оставляет за органами предварительного расследования [3].

Несомненно, прокурор, будучи не согласным с таким постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела правомочен вынести постановление об отмене незаконного, необоснованного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и далее только последующие постановления следователя соответственно о возбуждение, об отказе в возбуждении уголовного дела и постановления о приостановление и прекращении уголовного дела, однако «документальный кругооборот» может не достигнуть исполнения законных требований прокурора.

Таким образом, при комплексном, междисциплинарном исследовании, выявляется, что принцип неотвратимости уголовной ответственности за преступления в бюджетной сфере находятся в непосредственной связи с пониманием роли и места органов прокуратуры. Ввиду специфики бюджетных правоотношений, наличия самостоятельных бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, отсутствия единой структуры органов бюджетно-

финансового контроля, системы разрозненных охранительных норм уголовного закона при общей методике расследования и доказывания данных преступлений, эффективность борьбы с преступностью в бюджетной сфере полагаем, предопределяется расширением полномочий органов прокуратуры по координации деятельности органов последующего бюджетно-финансового контроля и предоставлением прокурору право возбуждения уголовного дела о преступлении в бюджетной сфере.

Библиографический список

1. "Бюджетный кодекс Российской Федерации" от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // www.consultant.ru

2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // www.consultant.ru

3. «Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // www.consultant.ru

4. Крюков В.Ф. Уголовное преследование и прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании уголовных дел в условиях реформирования системы прокуратуры Российской Федерации. – Курск, 2007. – 211 с. // www.consultant.ru/

Для цитирования: *Лебедева (Скачкова) А.Е.* Эффективность прокурорского надзора за исполнением законов органами предварительного расследования на стадии возбуждения уголовных дел о преступлениях в бюджетной сфере // Юридическая мысль. – 2020. – № 3 (119). – С. 150–155. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.011

Efficiency of Prosecutor's supervision over the implementation of laws by preliminary investigation bodies at the stage of initiation of criminal cases on crimes in the budget sphere

Anna E. Lebedeva (Skachkova) *

Annotation. The article examines the problem of inevitability of criminal liability for crimes in the budgetary sphere at the stage of resolving the issue of initiating a criminal case from the standpoint of the effectiveness of the activities of state bodies, the importance and role of prosecutors.

Key words: criminal prosecution, crime, prosecutor's office, budget legislation, budgetary sphere.

The effectiveness of the activities of various bodies of the Russian Federation in the modern socio-economic formation is determined by subjective and objective factors. Objective factors can have different essential content, gradation, classification, but as before, the problematic of legal regulation in the complex study of law enforcement activity remains at the core.

* ***Lebedeva (Skachkova) Anna Evgenievna***, Director of the St. Petersburg Interregional Center for Professional Training of Prosecutors and Federal State Civil Servants – Head of the Educational and Methodological Department of the Prosecutor's Office of St. Petersburg, Candidate of Law, Associate Professor, Senior Counselor of Justice. E-mail: annaskachkova@yandex.ru

Scientists in the field of criminal procedure determine the fundamental tasks of criminal proceedings: to ensure the rapid and complete disclosure of crimes, the exposure of the perpetrators, as well as the correct application of the law so that everyone who committed a crime is justly punished and no innocent person is brought to criminal liability [1].

The stage of initiating a criminal case in relation to the activities of the prosecutor's office is two-pronged. On the one hand, the prosecutor's office carries out systematic oversight activities (monthly prosecutorial inspections), including supervision over the implementation of laws when receiving, registering and resolving applications, reports of crimes by the preliminary investigation bodies and supervision over the legality of decisions to initiate a criminal case, to refuse to initiate a criminal case.

On the other hand, the prosecutor, as a participant in the criminal process, based on the results of prosecutorial activities in various spheres and, directly, in the budgetary, if there are signs of a crime, initiates the initiation of a criminal case by issuing a reasoned Prosecutor's Resolution on sending the relevant materials to the investigative body or body of inquiry to resolve the issue on criminal prosecution on the facts of violations of criminal legislation revealed by the prosecutor in accordance with Art. 37 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation [3].

The protective norms of the criminal law in the field of the budget, budgetary relations are special norms provided for in Art. 285.1 ("Inappropriate spending of budgetary funds"), Art. 285.2. ("Inappropriate spending of state extra-budgetary funds") and others. Depending on the essence, subject and direction of intent, the incriminated act in the budgetary sphere may have been qualified under Art. 285, 286, 293, 292 of the Criminal Code of the Russian Federation [2].

Legal assessment of the presence of signs of a crime under Art. 293 of the Criminal Code of the Russian Federation "negligence", carried out primarily against officials of the bodies of preliminary financial and budgetary control, improperly, performed their official duties, thereby committing crimes in the budgetary sphere, and Art. 292 of the Criminal Code of the Russian Federation "Service forgery" constitutes a set of crimes in the budgetary sphere, in view of the fact that for budgetary financing it is mandatory to provide documents specified by the legislation, these documents must be legitimate and comparable to each other. The actions of a person who does not have the characteristics of a special entity provided for by the main 30 of the Criminal Code of the Russian Federation, who forged an official document granting rights or relieving him of obligations to receive budget funds, in order to use it to obtain budget funding, can be qualified under Part 1 of Art. 327 of the Criminal Code of the Russian Federation [2].

Accordingly, it seems possible to single out the crimes provided for in Section VIII "Crimes in the Sphere of the Economy", Chapter 23 "Crimes against the interests of service in commercial and other organizations", Art. 201, art. 201.1 of the Criminal Code of the Russian Federation; from chapter 21 "Crimes against property" – part 3 of Art. 159 of the Criminal Code of the Russian Federation is a fraud committed by a person using his official position, as well as on a large scale, Art. 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation

“Fraud in receiving payments”, art. 160 of the Criminal Code of the Russian Federation; and also from Chapter 22 "Crimes in the Sphere of Economic Activity" – Part 2 of Art. 176 of the Criminal Code of the Russian Federation [2].

Depending on the form of financing, criminal liability is also established for non-payment of wages, pensions, scholarships, benefits and other payments under Art. 145.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, chapter 19 “Crimes against constitutional rights and freedoms of man and citizen”, which is possible both by independent qualification and by the totality of criminal acts related to theft of budget funds or their misuse. At the same time, the legislator has defined criminal acts in the field of selection of counterparties under state (municipal) contracts for the procurement of goods, works and services to meet state (municipal) needs on the grounds of crimes under Art. 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation (“Abuse in the procurement of goods, works, services to meet state or municipal needs”, Art. 200.5 of the Criminal Code of the Russian Federation (“Bribery of a contract service employee, contract manager, member of the procurement commission”), Art. 200.6 (“Deliberately false expert opinion in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs”), as well as 201.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (“Abuse of powers in the implementation of a state defense order”), Art. 285.4 of the Criminal Code of the Russian Federation (“Abuse of official powers in fulfillment of the state defense order”), article 304 (“Provoking a bribe, commercial bribery or bribery in the procurement of goods, works, services to meet state or municipal needs”) [2].

The investigation of these crimes is carried out by investigators of the Investigative Committee of the Russian Federation, investigators of the internal affairs bodies of the Russian Federation, and for a number of crimes, preliminary investigation can also be carried out by investigators of the body that revealed these crimes.

However, the listed protective norms of the criminal law have a pronounced blanket character, a general method of investigation. In other words, there is a need for legal knowledge indicate budgetary legislation, there is a common specificity in the investigation, qualification of criminal acts in the budgetary sphere and their proof, etc.

Disclosing the problems of the effectiveness of the activities of state bodies at this stage of the criminal process, we believe it is necessary to indicate that the most typical reason for initiating a criminal case in the budgetary sphere are reports of a committed or impending crime in the budgetary sphere, obtained from other sources, in the order of clause 3 h. 1 article 140 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the prosecutor's order to send the relevant materials to the preliminary investigation body to resolve the issue of criminal prosecution.

Such other sources of information about the committed crime in a significant percentage of the research are the materials of the bodies of subsequent budgetary and financial control. In this regard, the problematics of efficiency is also associated with the conduct of operational-search measures to identify, prevent, suppress and disclose crimes, as well as the identification and identification of persons preparing them, committing or having committed crimes by

bodies carrying out operational-search activities. The essence of the problem is the statute of limitations for criminal prosecution.

It is known that in accordance with Part 2 of Art. 78 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the limitation periods are calculated from the date of the crime and until the entry into force of the court verdict. The limitation period is calculated according to the categories of crimes, according to the maximum period of imprisonment provided for the commission of a crime, in accordance with Art. 15, 78 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation [3]. For example, under Part 1 of Art. 285.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, the spending of budget funds by an official of the recipient of budget funds for purposes that do not meet the conditions for their receipt, determined by the approved budget, budget schedule, notification of budget allocations, an estimate of income and expenses, or another document that is the basis for receiving budget funds, committed on a large scale size, the maximum penalty is imprisonment for up to two years. The crime under Part 1 of Art. 285.1 of the Criminal Code of the Russian Federation refers to crimes of minor gravity, the statute of limitations is 2 years [2].

Let us consider the situation using the example of the bodies of budgetary and financial follow-up control, which carry out their activities to a greater extent on a planned basis. Bodies of subsequent budgetary and financial control, according to the most common legal understanding, in connection with the changes introduced in paragraph 5 of Art. 265 of the RF BC are focused on conducting inspections at the end of the financial year, which is the period from January 01 to December 31 (Article 12 of the RF BC) [1]. So, for example, funding was carried out in February 2019, the bodies of subsequent budgetary and financial control will begin to conduct an audit no earlier than February 2020, and thus, the actual verification materials, and then, possibly, a prosecutor's check, and in fact, preliminary investigation and court proceedings must be completed before 12 months. Consequently, the legislative issue lies in the prospectively predictable, legal situation of refusal or termination of criminal prosecution after the expiration of the statute of limitations.

Regarding the role of the prosecutor's office in the stated issues of this study, it should be noted that supervision over the implementation of budgetary legislation is a constant and relevant area of activity of the prosecutor's office (its specialized divisions), in which an immediate legal assessment is required from the standpoint of identifying and preventing criminal offenses to resolve the issue of criminal prosecution on the facts of the revealed violations, if there are sufficient grounds, the prosecutor is competent in accordance with paragraph 2 of part 2 of Art. 37 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation to issue a reasoned decision to send the materials of the “general supervision” check to the investigative body or the body of inquiry [3].

Prosecutorial supervision in the criminal procedural sphere, over the execution of laws when receiving, registering and resolving reports of crimes in the bodies of inquiry and preliminary investigation is also systematic. The prosecutor, having recognized the investigator's decision as illegal, unreasonable, by his decision is entitled to cancel this decision, but to initiate a criminal case, as well as to terminate the proceedings on the case, is not authorized (the

prosecutor has the right, in extremely rare cases, to terminate the criminal case himself (paragraph 3 of part 1 of Art. 226 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation), but already at the stage of its receipt from an investigator with an indictment) [3].

In other words, the decision of the prosecutor to send the relevant materials to the preliminary investigation body to resolve the issue of criminal prosecution does not have equal procedural significance with the decision to initiate a criminal case. The decision of the prosecutor under consideration, as previously indicated, is regarded as one of the reasons giving grounds for the investigator to make an independent decision.

So, there is a legal incident in which the supervisory body – the prosecutor's office, resolves the issue of the presence of signs of a crime in the actions of officials and other persons of the participants in the budget process, other persons receiving funds from the budget, sees signs of a crime and, without having the right to initiate a criminal case, makes a reasoned decision to send the relevant materials to the investigative body or the body of inquiry to resolve the issue of criminal prosecution on the facts of violations of criminal legislation revealed by the prosecutor. In this regard, in accordance with the subject of supervision, makes a decision to cancel an illegal, unjustified decision to refuse to initiate a criminal case or, in order to supervise the legality of criminal procedural activity, makes an appropriate decision to terminate criminal prosecution or to initiate it, but the acts of the prosecutor's office are evaluated by the investigator, a preliminary investigation body. The investigator has the right to disagree with the position of the prosecutor's office, in accordance with Part 1.1 of Art. 148 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, this decision must be agreed upon by the investigator with the head of the investigative body, i.e. the final decision is left by the legislator to the preliminary investigation authorities [3].

Undoubtedly, the prosecutor, disagreeing with such a decision on the refusal to initiate a criminal case, is entitled to issue a resolution to cancel an illegal, unjustified resolution to refuse to initiate a criminal case, and then only subsequent decisions of the investigator, respectively, to initiate, to refuse to initiate a criminal case and a resolution to suspension and termination of the criminal case, however, the “documentary circulation” may not achieve the fulfillment of the legal requirements of the prosecutor.

So, in a comprehensive, interdisciplinary study, it is revealed that the principle of inevitability of criminal liability for crimes in the budgetary sphere is directly related to understanding the role and place of the prosecution authorities. Due to the specifics of budgetary legal relations, the presence of independent budgets of the budgetary system of the Russian Federation, the lack of a unified structure of budgetary and financial control bodies, a system of disparate protective norms of the criminal law with a general methodology for investigating and proving these crimes, the effectiveness of combating crime in the budgetary sphere, we believe, is predetermined by the expansion of the powers of the bodies the prosecutor's office for coordinating the activities of the subsequent budgetary and financial control bodies and granting the prosecutor the right to initiate a criminal case on a crime in the budgetary sphere.

Bibliographic list

1. “Budget Code of the Russian Federation” dated July 31, 1998 No. 145-FZ (as amended on December 8, 2020) // www.consultant.ru

2. “Criminal Code of the Russian Federation” dated 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 27.10.2020) // www.consultant.ru

3. “Criminal Procedure Code of the Russian Federation” dated 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 08.12.2020) // www.consultant.ru

4. Kryukov V.F. Criminal prosecution and prosecutorial supervision over the execution of laws in the investigation of criminal cases in the context of reforming the system of the prosecutor's office of the Russian Federation. Kursk, 2007. 211 p. // www.consultant.ru/

For citation: Lebedeva (Skachkova) A.E. The effectiveness of prosecutorial supervision over the execution of laws by the preliminary investigation bodies at the stage of initiating criminal cases on crimes in the budgetary sphere // Legal thought. 2020. No. 3 (119). P. 155–160. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.011

В помощь лектору

УДК 343.98
DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.012

Лекция: Цифровые технологии современной криминалистики

А.И. Бастрыкин*

Аннотация. В данной лекции содержится теоретико-практический материал, отражающий дискуссионные вопросы внедрения цифровых технологий современной науки криминологии в Российской Федерации. Специально показывается, что развитие цифровых технологий предъявляет повышенные требования к обеспечению деятельности следователей при использовании цифровых технологий: при доказывании юридических фактов; оптимизации процессуальных и управленческих процессов, как на стадии возбуждения уголовного дела, так и в ходе расследования преступления; решении проблем, возникающих при внедрении новых информационных технологий в правоприменительную практику.

Автор предлагает внимательно проанализировать действующую нормативную правовую базу с целью ее корректировки в направлении повышения эффективности использования цифровых технологий в современной криминалистике.

Ключевые слова: уголовное законодательство, уголовно-процессуальное право, Следственный комитет, цифровые технологии, криминалистика.

Цифровизация общественных отношений, безусловно, диктует новые, ранее не известные подходы в криминалистической теории и практике. Анализ следственной практики отражает тот факт, что законодатель в данном направлении несколько отстает от развития высоких технологий, и, как следствие, в практической деятельности следователя часто возникают вопросы, требующие как научного обоснования, так и практической апробации и использования.

Данные проблемы вполне можно систематизировать и обозначить основные проблемы цифровизации.

Во-первых, это касается использования цифровых технологий при доказывании юридических фактов.

Речь идёт о современных возможностях сбора доказательственной информации как оперативно-розыскным, так и следственным путем а именно:

* ***Бастрыкин Александр Иванович,*** председатель Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

✓ **Получения спутниковых фото изображений открытых участков местности за счет дистанционного зондирования поверхности Земли.** На сегодняшний день между Следственным комитетом Российской Федерации и Научным центром оперативного мониторинга Земли (НЦ ОМЗ) Российских космических систем (Роскосмос) заключено соглашение, согласно которому вся актуальная информация синхронизируется и поступает в Главное управление криминалистики (Криминалистический центр) СК России. Таким образом, любой следователь имеет возможность оперативно через электронную почту получить информацию о наличии необходимых кадров в интересующее время в конкретном месте.

Так, в Республике Адыгея, следователем была доказана вина лица в совершении преступлений, предусмотренных ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство» и ст. 198 УК РФ «Уклонение физического лица от уплаты налогов, сборов и (или) физического лица – плательщика страховых взносов от уплаты страховых взносов», который отказывался признать факт использования огороженной территории в качестве несанкционированной автостоянки. Фото из космоса не только подтвердили такие противоправные действия на протяжении длительного времени. Но и позволили посчитать количество автомобилей (легковых грузовых), которые парковались на стоянке.

Данные дистанционного зондирования Земли успешно использовались при расследовании фактов диверсионной и иной противоправной деятельности на территории Украины и России гр-ки Савченко Надежды.

✓ **Использование цифровых устройств автотранспорта.** Компьютерные системы автомототранспорта дают следствию достаточно полезную информацию о скорости автомобиля, весе пассажиров и водителя, маршрутах движения и др.

Например, регистратор данных о событии АВТО (EDR ACU) при аварии или при условия, приближенных к аварии, может сохранять (в зависимости от производителя устройства) до 60 аналоговых и 30 конкретных (вкл/выкл) параметров движущегося транспортного средства, многие из которых являются криминалистически значимыми. Среди таких параметров в течение некоторого временного интервала до столкновения (опрокидывания) могут фиксироваться:

– состояние защелки замка ремней безопасности водителя и пассажира, находившегося на переднем сиденье;
– положение рычага переключения передач;
– степень нажатия педали акселератора, тормоза;
– обороты двигателя;
– показания спидометра;
– повороты рулевого колеса;
– состояние систем ABS, ESP, SRS;
– время включения систем экстренного торможения
– сигналы от датчиков света и дождя.

Причем, информация в электронной памяти EDR непрерывно обновляется. При этом объем памяти некоторых моделей EDR позволяет сохранить посекундно регистрируемые данные за период времени, охватывающий

5 секунд до момента столкновения (опрокидывания), и заканчивая 1-й секундой после него.

✓ **Получение данных уличных, транспортных, внутренних видеокамер**. **Видеофиксация самих следственных действий.** Значение видеозаписи следственных действий переоценить сложно. Подобная дополнительная фиксация позволяет:

во-первых, сконцентрироваться следователю именно на сути и целях проведения следственного действия, его тактических приемах, установлении психологического непосредственного контакта с участниками, а не его документальном оформлении в виде механического составления протокола;

во-вторых, наглядно, неограниченное количество раз воспроизвести ход и содержание следственного действия, а не только его результат, акцентировать внимание следователя на ранее не замеченных деталях;

в-третьих, критически относится к изменению показаний лицом, так как подтверждает отсутствие какого-либо воздействия в отношении него, наводящих вопросов, а также фиксирует моральное и физическое состояние последнего;

в-четвертых, фиксировать невербальные реакции участника следственного действия (мимику, ритм и уверенность речи, реакции на поставленные вопросы, положение конечностей и т.п.) при ответе на поставленные следователем или иными участниками вопросы, имеющие значение для уголовного дела, демонстрации неопровержимых улик и пр.;

в-пятых, назначить судебную фоноскопическую и (или) психологическую экспертизы по видеозаписям следственных действий, в том числе на предмет исключения предполагаемого давления на лицо, возможных наводящих вопросов, дачи ложных показаний (психолого-вокалографическую экспертизу, психолого-лингвистическую или психолого-акмеологическую);

в-шестых, проводить следственное действие более эффективно и наступательно, не допускать нарушений законодательства и этических норм со стороны всех его участников;

в-седьмых, демонстрировать в судебном заседании видеозапись следственного действия, в том числе в случае неявки участников на заседание.

✓ **Содержащаяся в памяти цифровых устройств криминалистически значимая информация**. Повсеместное использование как потерпевшими, так и преступниками электронных устройств (сотовых телефонов, смартфонов, планшетных компьютеров, фитнес браслетов, чипированных билетов на транспорт, навигаторов, портативных устройств GPS и пр.) в приготовлении, совершении преступлений, сокрытии его следов, потребовало от криминалистов пересмотра современных возможностей по сбору доказательственной информации. Актуальным стал вопрос, связанный с изъятием, фиксацией и исследованием информации, содержащейся в таких средствах.

Ценность такой информации очевидна для выявления, раскрытия и расследования преступлений, идентификации неопознанных трупов и др. Ведь с помощью данной информации следователь может получить криминалистически важную доказательственную или ориентирующую информацию: определить местонахождение субъекта преступления, его соучастников,

свидетелей, потерпевших в определенное время, ознакомиться с журналом звонков, содержанием СМС-переписок, чатов, изучить журнал браузеров – страниц интернета на которые заходило лицо и т.д.

Получить данную информацию следователь может либо через оператора связи, либо непосредственно из электронного устройства, изъятого у лица.

Первым шагом на пути унификации действующего процессуального законодательства России и его адаптации, современным возможностям операторов мобильной связи в оказании помощи по раскрытию и расследованию преступлений, стало включение в УПК РФ ст. 186.1 – «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами» в систему следственных действий.

Сегодня следователи расширяют возможности такого следственного действия указывают в постановлении не только стандартно запрашиваемые сведения об абоненте, собеседнике, типе соединения, его дате, времени и продолжительности, но и азимут (угол между направлением на север (нулевой показатель компаса) и направлением на место нахождения абонента), time energy (время прохождения сигнала от устройства абонента до базовой станции). После получения данной информации следователи-криминалисты выезжают непосредственно к базовой станции и с использованием компаса и карты местности обозначают участок на котором находился проверяемый абонент. Также с помощью датчиков радиоэлектронной разведки устанавливают все базовые станции, на которые мог переключиться телефон пользователя.

Так, например, в республике Дагестан, следователю-криминалисту, работая по факту безвестного исчезновения предпринимателя при помощи азимута последнего соединения и пересечения векторов покрываемости предыдущих соединений удалось установить место его убийства. Тщательный осмотр места происшествия позволил обнаружить утопленное в море тело и выйти на след убийц (дочери пострадавшего и ее парня).

Часто место нахождения, интересующего следственные органы лица удается установить при условии изъятия гаджетов, которые постоянно находятся при этом лице и имеют встроенный приемный и передающий модуль GPS или ГЛОНАС (смартфон, планшет, электронные часы, книги, пульсометр, шагомер, фитнес-браслет, автомобильный регистратор). Данные устройства, при условии активации навигационной функции сохраняют в памяти данные о своем местонахождении (и, скорее всего, местонахождении пользователя). Также устройства пользователя с технологией беспроводной локальной сети WI-FI сохраняют информацию о месте и времени соединения с роутером;

«Помощниками» следствия в этом ключе выступают и медиа-файлы (фото, видео), хранящиеся в различных цифровых устройствах, социальных сетях. Большинство современных фото камер сохраняет данные о широте и долготе того места, где было сделано фотография или видеозапись. Проверить алиби лица можно с помощью изъятых у него билетов на транспорт, карт-пропусков, оснащённых микросхемами, которые срабатывают прикосновением к валидатору в наземном городском транспорте, метро, на проходных в различные учреждения.

Так, в Москве, по метаданным фотографии ковра сделанной похищенным ребенком в квартире насильника, был установлен адрес дома и путем поквартирного обхода квартира преступника. В ходе осмотра квартиры удалось изъять достаточное количество улик, подтверждающих вину лица и подтверждающую многоэпизодность его действий.

Причем поступившие в криминалистические подразделения датчики радиоэлектронной обстановки, а также находящиеся в свободном доступе программы Netmonitor, G-nettrack позволяют следователям самостоятельно или с привлечением специалиста в рамках следственного осмотра (эксперимента) отследить и зафиксировать в конкретном месте или по определенному маршруту базовые станции (2G, 3G,) всех операторов связи и сделать оператору точечный запрос с указанием идентификационных данных станций (LAC, CID – для типа сети 2G, 3G либо TAC и CL – для LTE).

Так, например, в городе Орле следователем-криминалистом было установлено место нахождения разыскиваемого убийцы несовершеннолетней девушки. Получив информацию от оператора связи и выяснив, что преступник соединяется через одни и те же базовые станции был организован выезд на место нахождения данных ретрансляторов, с помощью специализированных программ очерчены границы пребывания лица в условиях плотной застройки. Путем поквартирного обхода с фотографией убийцы, последний был обнаружен и задержан.

Данная информация при условии корректных исходных данных оператора и тщательном анализе (в том числе с использованием аппаратно-программных комплексов, стоящих на вооружении правоохранительных органов) позволяет установить информацию о районе пребывания абонента в определенное время, продолжительность пребывания в данном месте; подтвердить факт его нахождения на местах других (схожих) происшествий; проверить возможность одновременного пребывания подозреваемого и потерпевшего (подозреваемого с включенным телефоном потерпевшего) в одном месте в одно время.

Если же гаджет уже изъят следователем, то у него есть возможность его осмотра с использованием высокотехнологичной криминалистической техники. К примеру, аппаратно-программного комплекса «Мобильный криминалист» либо «UFED» он может ознакомиться и с удаленными данными (журналом звонков, SMS, MMS, данные чатов, фото-видеофайлы, посещаемые интернет-ресурсы), которые помогают правильно выстроить версии по неочевидным преступлениям, доказать вину (невиновность) проверяемого лица, подтвердить приготовительные действия, либо действия по сокрытию следов преступления, установить дополнительного свидетеля или новый противоправный эпизод.

Так, в ходе расследования факта совершения насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетней Головановой О.В. (Амурская область) подозреваемые Кузнецов Т.Ш. и Иванищев М.О. свой вину полностью отрицали.

Осмотр с помощью комплекса UFED изъятых у них сотовых телефонов позволил восстановить и скопировать ранее удаленные файлы видео-

записей, на одной из которой был запечатлен процесс совершения преступных действий.

При этом кадр видеозаписи зафиксировал четко видимый номерной знак автомобиля преступников, марку которого и, тем более, номерной знак потерпевшая назвать не могла. В ходе проведенных следственных и оперативно-розыскных мероприятий был установлен Ребров А.М. – основной исполнитель преступления, совершенного в отношении Головановой. Изъятая видеозапись стала решающим доказательством его вины.

Кроме того, применение UFED при осмотре сотовых телефонов, изымаемых по фактам смертельного железнодорожного травмирования, позволило в ряде случаев восстановить удаленные SMS-сообщения, свидетельствующие о суицидальных намерениях граждан.

На вооружении Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации имеется аппаратно-программный комплекс «Сегмент-С», позволяющий проводить аналитическую работу сетей сотовой связи, выявлять возможное периодическое пересечение абонентов, их совместное нахождение, маршруты движения, точки последней регистрации и др.

Широкое распространение получает в криминалистике поисково-аналитическая работа в социальных сетях и изучение интернет-активности пользователя.

Комплекс ЛИС-М позволяет найти конкретного пользователя, наглядно отображает социальный граф пользователей и групп, а также решает такие задачи как поиск общих знакомых подозреваемого, выделение кластеров, вычисление метрик центральности.

Во-вторых, применение цифровых технологий для оптимизации процессуальных и управленческих процессов, как на стадии возбуждения уголовного дела, так и в ходе расследования преступления.

Очевидно, что современное уголовное судопроизводство имеет неуклонную тенденцию перехода в цифровой формат и это неизбежно. Речь идет о тех отечественных и зарубежных нормативных нововведениях касающихся повсеместного использования различных электронных устройств для объективизации и упрощения до следственных проверок, расследования уголовных дел и судебного производства.

Следует признать некоторое отставание отечественного уголовного процесса в данном направлении. Общение со следователями, изучение их повседневной работы свидетельствует о необходимости пересмотра некоторых консервативных подходов. Речь идет о возможности дистанционного (с помощью видеоконференцсвязи) допросов некоторых участников, нецелесообразности дублирования видеозаписи следственного действия и составления протокола, оперативных электронных запросов в порядке ст.21 УПК РФ и многое другое.

Работа следователя, как любая другая, должна идти в ногу со временем. В нашей стране развиваются высокие технологии и технологии искусственного интеллекта, но, к сожалению, не в области юриспруденции. Большая часть используемого программного обеспечения для юристов – это справочные системы (Консультант+, ГАРАНТ и т.д.). Этого, безусловно, не-

достаточно. До сих пор нет качественного и регулярно обновляемого автоматизированного рабочего места (АРМ) следователя, слабо используются технологии виртуальной реальности. Поэтому единственный путь для развития юридического прикладного программного обеспечения – это его разработка организацией самостоятельно. Именно по этому пути пошел и Следственный комитет Российской Федерации.

Информационная система «Электронный паспорт уголовного дела» была введена в действие Распоряжением СК России № 27/108р от 09.04.2014 г. По информации ГСУ по Северо-Кавказскому Федеральному округу на первое полугодие 2016 года в данной информационной системе содержится более 45 000 карточек уголовных дел, 600 учетных записей пользователей, загружено более 300 000 файлов, имеющих отношение к расследованию уголовных дел. Информационная система позволяет в режиме реального времени отслеживать ход расследования уголовного дела, контролировать исполнение указаний по уголовному делу, обеспечивать эффективный процессуальный контроль и планировать расследование уголовного дела.

Роль информационной системы «Электронный паспорт уголовного дела» не может быть преуменьшена. Она позволяет сократить бумажный документооборот и упростить процессуальный контроль расследуемых уголовных дел.

В то же время, как и любое программное обеспечение, оно не лишено недостатков. Большая часть из них проистекает из-за того, что система «Электронный паспорт уголовного дела» действует пока только на территории Южного и Северо-Кавказского федеральных округов. Данная система была разработана сотрудниками Следственного комитета и ими же поддерживается в актуальном и работоспособном состоянии. Масштабирование этой информационной системы на все управления Следственного комитета требует ее доработки. Можно внести ряд предложений по совершенствованию информационной системы «Электронный паспорт уголовного дела»:

1. Внести в информационную систему методические рекомендации и информационные материалы о результатах расследования различных категорий уголовных дел и проведении отдельных следственных действий.

2. Создать «Архив уголовных дел», чтобы при просмотре общего списка уголовных дел, расследуемых конкретным следственным отделом, открывались именно те дела, которые находятся в производстве в настоящий момент.

3. Для обеспечения полноты процессуального контроля расследования уголовных дел на всех стадиях уголовного судопроизводства внести в информационную систему «Электронный паспорт уголовного дела» книгу регистрации сообщений о преступлении каждого территориального следственного отдела в электронном виде.

Также необходимо отметить, что целесообразно расширить базу данных и подключить к ней все следственные управления Следственного комитета Российской Федерации.

В Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, созданы все необходимые условия для освоения всех реализуемых обра-

зовательных программ путем целенаправленной организации учебного процесса, выбора форм, методов и средств обучения. Особое внимание уделяется активным формам проведения учебных занятий, которые обеспечивают быстрое усвоение учебного материала и формируют необходимые практические навыки, в том числе с использованием возможностей компьютерного класса.

Поэтому обучение руководителей навыкам работы в системе «Электронный паспорт уголовного дела» в рамках программ повышения квалификации будет способствовать более глубокому изучению всех ее возможностей.

В-третьих, это проблемы, возникающие при внедрении новых информационных технологий в правоприменительной практике.

Прежде всего, остановимся на юридической стороне вопроса, допустимости описанных выше действий следователя.

Действующее отечественное законодательство оставляет открытым вопрос о том, следует ли сотрудникам правоохранительных органов получать судебное решение на осмотр телефонов и содержащейся в них информации участников уголовного судопроизводства. Не оговаривается данная проблема и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» [1].

В этой связи среди научной общественности и практических работников есть различные мнения по данному вопросу, а также по вопросу с какой информацией, содержащейся в памяти телефона силовые ведомства вправе знакомиться без судебного решения, а с какой нет. Неоднозначно в этом направлении складывается и судебная практика [2, с. 58].

Некоторые авторы и представители прокуратуры, к примеру, предлагают в ходе осмотра мобильного телефона участников уголовного процесса не ограничиваться лишь внешним осмотром, а обращать внимание и отражать в протоколе технические характеристики, содержание памяти мобильного телефона, информацию об абонентских соединениях, СМС-сообщениях, использовать для осмотра специальные технические средства, позволяющие восстанавливать удаленные данные. Соответствующие указания находят отражение в актах прокурорского реагирования [3, с. 23].

Запрет на вмешательство в личную и семейную жизнь человека, на ознакомление с его корреспонденцией установлен в ст.12 Всеобщей Декларации прав человека, а также в ст. 8 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Причем в последней Конвенции отдельно подчеркивается *недопущение вмешательства государственных органов в осуществление данных прав*. В тоже время и в той и в другой Конвенции делается оговорка о том, что *в исключительных случаях, установленных законом подобное вмешательство всё-таки возможно*.

В ст. 23 Конституции РФ также провозглашается, что каждый имеет право на *тайну переписки*, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и *иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения*.

Так, отменяя постановление суда первой инстанции, судебная коллегия отметила следующее. При вынесении решения судом первой инстанции не учтены положения ст.23 Конституции РФ, а также требования ст.ст.13, 38 УПК РФ. Осмотр телефона не включает в себя осмотр его содержимого, так как сведения о телефонных соединениях, контактах и СМС-сообщениях защищаются Конституцией РФ.

Несмотря на то, что глава 25 УПК РФ прямо не закрепляет обязанность следователя получать судебное разрешение на осмотр СМС-переписки, эта обязанность вытекает из других норм как уголовно-процессуального закона и положений Конституции РФ, так и из международных норм, закрепленных в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подлежащих безусловному применению в РФ. Осмотр личной переписки, содержащейся в мобильном телефоне подозреваемого, с учетом природы и степени вмешательства фактически идентичен осмотру почтово-телеграфных отправлений либо телеграмм, для которого статьей 185 УПК РФ предусмотрена необходимость вынесения судебного решения.

При осмотре мобильного телефона, следователем подверглись тщательному описанию все соединения между абонентами, а именно между потерпевшим и теми лицами, которому он отправлял СМС-сообщения и от которых получал такие сообщения, вплоть до указания времени соединений, номеров телефонов и имен лиц, которые этими телефонами пользуются. При этом статья 186.1 УПК РФ предусматривает необходимость судебного разрешения на получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами [4].

Судебная коллегия по уголовным делам суда Ямало-Ненецкого автономного округа отметила, что информацией, составляющей охраняемую Конституцией РФ и действующими на территории РФ законами тайну телефонных переговоров, являются любые сведения, передаваемые, сохраняемые и устанавливаемые с помощью телефонной аппаратуры, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи, поэтому для получения такого рода сведений органами, осуществляющими расследование преступлений, в соответствии с требованиями ст.165, ч.3 ст.183 УПК РФ, необходимо судебное решение.

Однако, как следует из материалов дела, осмотр содержащейся в телефоне информации органами предварительного следствия был проведен без судебного решения.

Согласно ст.75 УПК РФ, доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми, поэтому не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения. Отсюда протокол осмотра предмета подлежит исключению из числа допустимых к оценке доказательств.

Коллегия сделала акцент на том, что права и свободы человека и гражданина *могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства* (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ) [5].

Необходимо отметить, что следователь в связи со спецификой возложенных на него функций по раскрытию и расследованию преступлений, принятий процессуальных решений, как никто другой чаще затрагивает конституционные права и свободы граждан, в том числе право на тайну переписки. При этом, безусловно, это делается в целях защиты прав и законных интересов других лиц (ч. 1 ст. 6 УПК РФ, ч. 4 ст. 1 Закона «О Следственном комитете Российской Федерации), основ конституционного строя, нравственности, здоровья, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Суды, признавая недопустимым доказательством, протоколы осмотра содержащейся в телефоне информации часто ссылались на Определение Конституционного Суда РФ от 02.10.2003 № 345-О № 4 и на ст. 186.1 УПК РФ – «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами», что не является правильным. Нужно четко разграничивать ситуации и возникающие правоотношения, когда телефон изъят в ходе проведения следственного действия и находится у следователя от случаев, когда следователь для получения информации обращается к оператору сотовой связи.

Безусловно, законодательство о связи предусматривает тайну связи и защиту информации. Сведения об абонентах и оказываемых им услугах связи, ставшие известными операторам связи в силу исполнения договора об оказании услуг связи, являются информацией ограниченного доступа и подлежат защите в соответствии с законодательством Российской Федерации [6]. *Доступ* к ним возможен не иначе как на основании судебного решения. Причем заметим, что речь и в нормативных актах, и в решении Конституционного суда идет именно о *доступе* к этим сведениям, а не об *ознакомлении* с ними следователя. Ведь следователь, к примеру, получив по судебному решению информацию от оператора о соединениях между абонентами, осматривает представленные документы в соответствии с ч. 5 ст. 186.1 УПК РФ уже без судебного решения, о чем составляет отдельно протокол осмотра документов.

Если же телефон уже изъят и находится у следователя, то его осмотр, который, как представляется, включает в себя и осмотр содержащейся в нем информации (в том числе удаленной) производится без судебного решения.

Здесь многие практики проводят аналогию с изъятыми компьютерами, а также электронными и обычными записными книжками, письмами и пр.

Так, 30 сентября 2014 года Верховным Судом Российской Федерации рассмотрены кассационные жалобы осужденного и его адвоката на приговор Верховного Суда Республики Хакасия в которых, среди прочего, указывалось, что осмотр изъятого у осужденного мобильного телефона, содержащего данные о его телефонных переговорах, проведен с нарушением закона ввиду отсутствия судебного решения.

Оценивая доводы жалоб, Верховный Суд РФ указал, что осмотр мобильного телефона проведен следователем в соответствие со ст. 176 УПК РФ и, вопреки утверждениям осужденного, для этого не требовалось судебного решения [7].

Другой пример. Приморский краевой суд в феврале 2015 года рассматривал апелляционное представление прокурора, не согласившегося с решением районного суда *об отказе в удовлетворении ходатайства следователя о разрешении производства осмотра мобильных телефонов*, изъятых в ходе производства обыска в жилище.

В апелляционном представлении прокурор указал, что из положений ч. 2 ст. 23 Конституции РФ следует, что каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение такого права допускается только на основании судебного решения. Ввиду отсутствия судебного решения на осмотр телефона и получения информации, содержащей тайну переписки, следователь обоснованно обратился в суд с ходатайством о разрешении производства осмотра мобильного телефона, изъятого в ходе обыска в жилище.

Прокурор отметил, что суд, отказывая в удовлетворении ходатайства следователя, *мотивирует свое решение тем, что уголовно-процессуальным законом не предусмотрено получение разрешения на указанное следственное действие и фактически разъясняет возможность осмотра информации, содержащейся в мобильном телефоне*, что повлечет нарушение права лица на тайну переписки, предусмотренное ч. 2 ст. 23 Конституции РФ.

Однако *суд апелляционной инстанции согласился с доводами суда первой инстанции об отсутствии оснований для судебного санкционирования осмотра телефонов.*

Судом установлено, что обыск в жилище подозреваемого с целью отыскания мобильных телефонов и иных средств связи произведен в соответствии с требованиями норм УПК РФ, т.е. на основании судебного решения.

Обосновывая принятое решение, суд указал, что в соответствии со ст. 29 УПК РФ, судебное решение необходимо для производства контроля и записи телефонных и иных переговоров, получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами районного суда о том, что по смыслу закона ***получение судебного решения необходимо*** при производстве оперативно-розыскных либо следственных мероприятий ***для истребования информации, находящейся у оператора связи в целях обеспечения законности ее появления у соответствующего органа,*** осуществляющего уголовное преследование. При этом, суд отметил, что *уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрено получение органом, производящим ОРМ либо предварительное следствие судебного решения для производства осмотра, например, протоколов телефонных соединений между абонентами, предоставленных на основании судебного решения.*

По мнению суда апелляционной инстанции, суд обоснованно отказал следователю в разрешении производства осмотра мобильных телефонов, изъятых при обыске в жилище, так как это не предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством. При таких обстоятельствах оснований для удовлетворения заявленного следователем ходатайства по мнению суда апелляционной инстанции не имелось, а доводы апелляционного представления о возможном нарушении права лица на тайну переписки, преду-

смотренного ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, не основаны на нормах уголовно-процессуального закона, а потому удовлетворению не подлежат [8].

Таким образом, несмотря на неоднозначность поднятого вопроса, следует сделать вывод о том, что в ситуациях, когда сотовый телефон участника уголовного судопроизводства изъят и находится у следователя, получать судебное решение на его осмотр и ознакомление с цифровым содержимым не требуется.

Показательным в данном ключе является Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2018 № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». В данном постановлении Конституционный Суд подчеркнул, что проведение осмотра и экспертизы с целью получения имеющей значение для уголовного дела информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств, изъятых при производстве следственных действий в установленном законом порядке, не предполагает вынесения об этом специального судебного решения [9].

И, наконец**, в-четвертых,** вопросы внедрения цифровых технологий в экспертную деятельность.

Особое место среди судебных экспертиз сегодня заняли информационные технологии. Следствием этого явились, с одной стороны, определенная трансформация экспертного исследования как процесса познания, с другой – значительное расширение его возможностей, а также повышение научной обоснованности получаемых данных. В настоящее время сложилось несколько направлений компьютеризации судебно-экспертной деятельности.

Так, Информационно-поисковая система (ИПС) «Оружие» предназначена для хранения и поиска информации по нарезному оружию; Информационно-поисковая система (ИПС) «Патрон» предназначена для хранения и поиска информации по патронам для нарезного оружия. Генератор экспертных заключений (ГЭЗ) «Клинок» предназначен для создания экспертного заключения по холодному оружию; «Арсенал» – современная мощная компьютерная система, позволяющая автоматизировать всю технологическую цепочку исследований пуль, гильз и их фрагментов: от ввода информации и создания электронной базы данных, проверок и сравнительных исследований до получения экспертного заключения.

Кроме того, цифровые технологии применяются при производстве практически всех существующих судебных экспертиз: лингвистических, видеотехнических, фоноскопических, компьютерно-технических и др.

Современные цифровые технологии в области фиксации аудиовизуальной информации достигли такого уровня развития, что создаются предпосылки для применения этих технологий в криминалистических целях. Цифровые методы фиксации информации во многом превзошли в настоящее время аналоговые средства по качеству записи, воспроизведения и сохранения зафиксированной информации.

Центральным является вопрос о принципиальной допустимости использования ЭВМ при производстве собственно судебно-экспертных исследований и об условиях, при которых это становится возможным.

Ныне не ставится вопрос (в тех случаях, когда эксперт использует компьютер как орудие труда) познал ли он механизм «исследовательской» деятельности машины. Важно другое – надежно ли в техническом смысле работает данная машина и дает ли она верные результаты применительно к технологии осуществляемого процесса, например, применительно к анализу количественных характеристик выделенных признаков.

Несостоятельны и утверждения, будто эксперт не может объяснить ни характер работы ЭВМ, ни принципы формирования «выводов» машины. Дело в том, что любой компьютер работает по четким и однозначным алгоритмам, в принципиальной структуре которых может разобраться любой специалист-предметник. Если не говорить о редчайших сбоях, ЭВМ делает только то, что ей предписано человеком.

Подводя итог, можно отметить то, что экспертные системы не только не предполагают вытеснения человека из каких-либо интеллектуальных сфер деятельности, а наоборот, ориентируются на то, что профессиональные знания специалиста играют весомую роль в экспертных системах. Эта роль состоит в том, чтобы сделать знания одного или нескольких экспертов достоянием любого специалиста в данной области независимо от пространственно-временных ограничений. Немаловажным является и то, что, чем выше степень автоматизации экспертного исследования, тем меньше степень творческого участия эксперта, но с другой стороны при помощи автоматизации эксперт тратит меньше времени на работу и более точен в своих оценках.

Библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» //Российская газета, 2017, июнь.

2. *Бутенко О.С.* Криминалистические и процессуальные аспекты проведения осмотра мобильных телефонов в рамках предварительного следствия // «Lex Russica». – 2016. – № 4 (113) апрель. – С. 49–60.

3. *Бертовский Л.В.* Расследование преступлений экономической направленности: научно-практическое пособие. – М.: Проспект, 2016. – 305 с.; *Островский С.* Типичные нарушения, выявляемые в ходе надзора за расследованием уголовных дел о хищениях, совершённых с использованием средств мобильной связи // Законность. – 2017. – № 2 (988). – С. 23–26.

4. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Омского областного суда от 24 мая 2012 г. по делу № 22К-2225/2012 (Извлечение) // www.consultant.ru

5. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 20 января 2014 года по делу № 22-49/2014 (Извлечение) // www.consultant.ru

6. Федеральный закон № 126-ФЗ от 7 июля 2003 года «О связи» (ст.53, ч.3 ст.63) // www.consultant.ru; Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации (ст.16) // www.consultant.ru

7. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 30.09.2014 по делу № 55-014-6 // www.consultant.ru

8. Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 02.02.2015 по делу № 22-455/15 // www.consultant.ru

9. Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2018 № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // www.consultant.ru

Для цитирования: *Бастрыкин А.И.* Лекция: «Цифровые технологии современной криминалистики» // Юридическая мысль. – 2020. – № 3 (119). – С. 161–174. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.012

Lecture: “Digital technologies of modern forensics science”

Alexander I. Bastrykin*

Annotation. This lecture contains theoretical and practical material, reflecting the debatable issues of the introduction of digital technologies of the modern science of criminology in the Russian Federation. It is specially shown that the development of digital technologies imposes increased requirements for ensuring the activities of investigators when using digital technologies: when proving legal facts; optimization of procedural and managerial processes, both at the stage of initiating a criminal case and during the investigation of a crime; solving problems arising from the introduction of new information technologies into law enforcement practice.

The author proposes to carefully analyze the current regulatory legal framework in order to correct it in the direction of increasing the efficiency of using digital technologies in modern criminology.

Key words: criminal legislation, criminal procedural law, Investigative Committee, digital technologies, criminalistics.

The digitalization of public relations, of course, dictates new, previously unknown approaches in forensic theory and practice. The analysis of investigative practice reflects the fact that the legislator in this direction lags somewhat behind the development of high technologies, and, as a consequence, in the investigator's practice, questions often arise that require both scientific substantiation and practical testing and use.

These problems can be systematized and identified the main problems of digitalization.

Firstly, it concerns the use of digital technologies in proving legal facts.

We are talking about modern possibilities of collecting evidence-based information both by operational-search and investigative ways, namely:

✓ **Obtaining satellite photos of images of open areas of the terrain due to remote sensing of the Earth's surface**. To date, an agreement has

* ***Bastrykin Alexander Ivanovich,*** Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

been concluded between the Investigative Committee of the Russian Federation and the Scientific Center for Operational Monitoring of the Earth (NTs OMZ) of the Russian Space Systems (Roscosmos), according to which all relevant information is synchronized and supplied to the Main Department of Criminalistics (Forensic Center) of the Investigative Committee of Russia. Thus, any investigator has the ability to promptly through e-mail receive information about the availability of the necessary personnel at the time of interest in a specific place.

So, in the Republic of Adygea, the investigator proved the person's guilt in committing crimes under Art. 171 of the Criminal Code of the Russian Federation "Illegal Business" and Art. 198 of the Criminal Code of the Russian Federation "Evasion of an individual from paying taxes, fees and (or) an individual – a payer of insurance premiums from paying insurance premiums", which refused to acknowledge the fact of using the fenced area as an unauthorized parking lot. Photos from space not only confirmed such illegal actions for a long time. But they also allowed to count the number of cars (light trucks) that were parked in the parking lot.

Earth remote sensing data were successfully used in the investigation of the facts of sabotage and other illegal activities on the territory of Ukraine and Russia, Savchenko Nadezhda.

✓ **Use of digital devices in vehicles**. Computer systems of motor vehicles provide the investigators with quite useful information about the speed of the vehicle, the weight of passengers and driver, routes of movement, etc.

For example, the event data recorder AUTO (EDR ACU) in an accident or under conditions close to an accident can store (depending on the manufacturer of the device) up to 60 analog and 30 specific (on / off) parameters of a moving vehicle, many of which are forensically significant. Among such parameters, during a certain time interval before the collision (overturning), the following can be recorded:

– the state of the latch of the driver's and passenger's seat belt buckle in the front seat;
– position of the gear shift lever;
– the degree of pressing the accelerator pedal, brake;
– engine speed;
– readings of the speedometer;
– turns of the steering wheel;
– the state of the ABS, ESR, SRS systems;
– time of activation of emergency braking systems
– signals from light and rain sensors.

Moreover, the information in the electronic memory EDR is continuously updated. At the same time, the memory capacity of some EDR models allows storing per-second data recorded for a period of time covering 5 seconds before the collision (overturning), and ending with 1 second after it.

✓ **Receiving data from street, transport, internal video cameras. Video recording of the investigative actions themselves.** It is difficult to overestimate the value of video recording of investigative actions. This additional fixation allows:

firstly, the investigator should concentrate on the essence and purpose of the investigative action, its tactics, establishing psychological direct contact with the participants, and not documenting it in the form of a mechanical drawing up of a protocol;

secondly, visually, an unlimited number of times to reproduce the course and content of the investigative action, and not only its result, to focus the attention of the investigator on previously unnoticed details;

thirdly, he is critical of the change in the testimony by the person, since it confirms the absence of any influence in relation to him, leading questions, and also fixes the moral and physical state of the latter;

fourthly, to record the non-verbal reactions of the participant in the investigative action (facial expressions, rhythm and confidence of speech, reactions to the questions posed, the position of the limbs, etc.) when answering questions posed by the investigator or other participants that are important for a criminal case, demonstrating irrefutable evidence and so on;

fifth, to appoint a forensic phonoscopic and (or) psychological examination based on video recordings of investigative actions, including for the exclusion of alleged pressure on a person, possible leading questions, giving false testimony (psychological and vocalographic examination, psychological and linguistic or psychological acmeological);

sixth, to carry out the investigative action more effectively and offensively, to prevent violations of the law and ethical norms on the part of all its participants;

seventh, to demonstrate in the court session a video recording of the investigative action, including in the event that the participants did not appear at the session.

✓ **Criminally significant information contained in the memory of digital devices**. The widespread use of electronic devices by both endured and criminals (cellular telephones, smartphones, tablet computers, fitness bracelets, chip tickets for transport, navigators, portable GPS devices, etc.) in the preparation, commission of crimes, concealment traces, demanded from forensic experts to revise modern possibilities for collecting evidence. The issue related to the seizure, fixation and research of information contained in such media has become relevant.

The value of such information is obvious for the detection, disclosure and investigation of crimes, identification of unidentified corpses, etc. After all, with the help of this information, the investigator can obtain criminally important evidentiary or orienting information: to determine the location of the subject of the crime, his accomplices, witnesses, victims at a certain time, get acquainted with the log of calls, the content of SMS correspondence, chats, study the log of browsers – Internet pages visited by a person, etc.

The investigator can obtain this information either through a communications operator or directly from an electronic device seized from the person.

The first step towards the unification of the current procedural legislation of Russia and its adaptation, the modern capabilities of mobile operators in providing assistance in the disclosure and investigation of crimes, was the inclusion of Art. 186.1 – “Obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices” in the system of investigative actions.

Today, investigators expand the possibilities of such an investigative action indicate in the resolution not only the standard requested information about the subscriber, the interlocutor, the type of connection, its date, time and duration, but also the azimuth (the angle between the direction to the north (zero compass) and the direction to the place location of the subscriber), time energy (the time the signal travels from the subscriber's device to the base station). After receiving this information, forensic investigators go directly to the base station and, using a compass and a map of the area, designate the area where the verified subscriber was. Also, with the help of electronic reconnaissance sensors, all base stations are installed to which the user's phone could be switched.

So, for example, in the Republic of Dagestan, a forensic investigator, working on the fact of the unknown disappearance of an entrepreneur, using the azimuth of the last connection and the intersection of the coverage vectors of previous connections, managed to establish the place of his murder. A thorough examination of the scene made it possible to find a body drowned in the sea and to track the killers (the victim's daughter and her boyfriend).

Often, the location of the person of interest to the investigating authorities can be established subject to the seizure of gadgets that are constantly with this person and have a built-in receiving and transmitting GPS or GLONAS module (smartphone, tablet, electronic watch, books, heart rate monitor, pedometer, fitness bracelet, car registrar). These devices, provided that the navigation function is activated, store data on their location (and, most likely, the user's location) in memory. Also, user devices with wireless LAN WI-FI technology save information about the place and time of connection with the router;

In this vein, the “assistants” of the investigation are also media files (photos, videos) stored in various digital devices and social networks. Most modern photo cameras save the latitude and longitude of the location where the photo or video was taken. You can check the alibi of a person with the help of tickets for transport seized from him, card-passes equipped with microcircuits that are triggered by touching the validator in surface public transport, metro, at checkpoints to various institutions.

So, in Moscow, according to the metadata of a photograph of a carpet taken by a kidnapped child in the abuser's apartment, the address of the house was established and by way of a round-trip round the criminal's apartment. During the inspection of the apartment, it was possible to seize a sufficient amount of evidence confirming the guilt of the person and confirming the multi-episode nature of his actions.

Moreover, the sensors of the electronic situation received by the forensic departments, as well as the freely available Netmonitor, G-nettrack programs allow investigators to track and fix base stations (2G, 3G,) of all telecom operators and make a point request to the operator indicating the identification data of the stations (LAC, CID – for the type of network 2G, 3G or TAC and CL – for LTE).

For example, in the city of Oryol, a forensic investigator established the location of the wanted murderer of a minor girl. After receiving information from the telecom operator and finding out that the offender is connecting through the same base stations, a visit to the location of these repeaters was organized, with the

help of specialized programs, the boundaries of the person's stay in dense buildings were outlined. Through a door-to-door tour with a photograph of the killer, the latter was discovered and detained.

This information, subject to the operator's correct initial data and careful analysis (including using hardware and software systems in service with law enforcement agencies), allows you to establish information about the subscriber's area of residence at a certain time, the duration of stay in this place; confirm the fact of his presence at the sites of other (similar) incidents; to check the possibility of simultaneous stay of the suspect and the victim (the suspect with the victim's phone on) in one place at the same time.

If the gadget has already been seized by the investigator, then he has the opportunity to examine it using high-tech forensic technology. For example, the hardware and software complex "Oxygen Forensic Suite" or "UFED" can also view deleted data (call log, SMS, MMS, chat data, photo and video files, visited Internet resources), which help correctly build versions of unobvious crimes, prove the guilt (innocence) of the person being checked, confirm the preparatory actions, or actions to hide the traces of the crime, establish an additional witness or a new illegal episode.

So, during the investigation of the fact of committing violent acts of a sexual nature against a minor Golovanova O.V. (Amur Region) suspects Kuznetsov T.Sh. and Ivanishchev M.O. they completely denied their guilt.

Inspection of the cell phones seized from them with the help of the UFED complex made it possible to restore and copy previously deleted video recording files, one of which recorded the process of committing criminal acts.

At the same time, a video frame was recorded by a clearly visible license plate of the criminals' car, the brand of which and, moreover, the license plate the victim could not name. In the course of the investigative and operational-search measures, A.M. Rebrov was identified – the main perpetrator of the crime committed against Golovanova. The seized video became the decisive proof of his guilt.

In addition, the use of UFED when examining cell phones seized on the basis of fatal railway injuries made it possible in a number of cases to restore deleted SMS messages indicating suicidal intentions of citizens.

The Main Department of Criminalistics of the Investigative Committee of the Russian Federation has a hardware and software complex "Segment-S", which allows carring out analytical work of cellular networks, to identify possible periodic intersection of subscribers, their joint location, traffic routes, points of last registration, etc.

Search and analytical work in social networks and the study of the user's Internet activity are becoming widespread in forensics.

The LIS-M complex allows you to find a specific user, visually displays the social graph of users and groups, and also solves such problems as finding common acquaintances of a suspect, identifying clusters, calculating centrality metrics.

Secondly, the use of digital technologies to optimize procedural and managerial processes, both at the stage of initiating a criminal case and during the investigation of a crime.

It is obvious that modern criminal justice has a steady trend towards digitalization and this is inevitable. We are talking about those domestic and foreign regulatory innovations concerning the widespread use of various electronic devices for objectification and simplification to investigative checks, criminal investigations and court proceedings.

It should be admitted that the domestic criminal process lags behind in this direction. Communication with investigators, study of their daily work indicates the need to revise some conservative approaches. We are talking about the possibility of remote (using videoconferencing) interrogations of some participants, the inappropriateness of duplicating a video recording of an investigative action and drawing up a protocol, operational electronic requests in accordance with Article 21 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, and much more.

The work of an investigator, like any other, must keep pace with the times. High technologies and technologies of artificial intelligence are developing in our country, but, unfortunately, not in the field of jurisprudence. Most of the software used for lawyers is help systems (Consultant +, GARANT, etc.). This is definitely not enough. Until now, there is no high-quality and regularly updated automated workplace (AWS) for the investigator; virtual reality technologies are poorly used. Therefore, the only way to develop legal application software is to develop it by an organization independently. The Investigative Committee of the Russian Federation also took this path.

The information system “Electronic passport of a criminal case” was put into effect by Order of the Investigative Committee of Russia No. 27 / 108r dated 09.04.2014. According to the information of the State Investigative Committee of the North Caucasus Federal District, for the first half of 2016, this information system contains more than 45,000 cards of criminal cases, 600 user accounts, uploaded over 300,000 files related to criminal investigations. The information system allows real-time monitoring of the progress of the investigation of a criminal case, monitoring the execution of instructions in a criminal case, ensuring effective procedural control and planning the investigation of a criminal case.

The role of the information system “Electronic passport of a criminal case” cannot be underestimated. It allows you to reduce paperwork and simplify procedural control over investigated criminal cases.

At the same time, like any software, it is not without flaws. Most of them stem from the fact that the system “Electronic passport of a criminal case” is operating so far only on the territory of the South and North Caucasian Federal Districts. This system was developed by the employees of the Investigative Committee and is maintained by them in an up-to-date and efficient state. Scaling this information system to all departments of the Investigative Committee requires its completion. A number of proposals can be made to improve the information system “Electronic passport of a criminal case”:

1. Introduce methodological recommendations and information materials into the information system on the results of the investigation of various categories of criminal cases and the conduct of certain investigative actions.

2. Create an “Archive of Criminal Cases” so that when viewing the general list of criminal cases investigated by a specific investigative department, exactly those cases that are currently being processed are opened.

3. In order to ensure the completeness of procedural control over the investigation of criminal cases at all stages of criminal proceedings, add to the information system "Electronic passport of a criminal case" a book for registering messages about a crime of each territorial investigation department in electronic form.

It should also be noted that it is advisable to expand the database and connect all the investigative departments of the Investigative Committee of the Russian Federation to it.

At the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, all the necessary conditions have been created for the development of all educational programs being implemented through the purposeful organization of the educational process, the choice of forms, methods and teaching aids. Particular attention is paid to active forms of conducting training sessions, which ensure the rapid assimilation of educational material and form the necessary practical skills, including using the capabilities of a computer class.

Therefore, training managers in the skills of working in the “Electronic passport of a criminal case” system within the framework of advanced training programs will contribute to a deeper study of all its capabilities.

Thirdly, these are the problems that arise during the introduction of new information technologies in law enforcement practice.

First of all, let us dwell on the legal side of the issue, the admissibility of the actions of the investigator described above.

The current domestic legislation leaves open the question of whether law enforcement officers should receive a court decision to inspect the phones and the information contained in them of the participants in criminal proceedings. This problem is not specified in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 1, 2017 No. 19 “On the practice of consideration by the courts of petitions for the production of investigative actions related to the restriction of the constitutional rights of citizens (Article 165 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation)” [1].

In this regard, among the scientific community and practical workers, there are different opinions on this issue, as well as on the question of which information contained in the phone's memory the law enforcement agencies have the right to get acquainted with without a court decision, and which not. Judicial practice is also ambiguous in this direction [2, p. 58].

Some authors and representatives of the prosecutor's office, for example, suggest that during the examination of the mobile phone of the participants in the criminal process not to be limited only to an external examination, but to pay attention to and reflect in the protocol the technical characteristics, the contents of the memory of the mobile phone, information about subscriber connections, SMS messages, use special technical means for inspection, allowing you to recover deleted data. The relevant indications are reflected in the acts of the prosecutor's response [3, p. 23].

The prohibition on interference in a person's personal and family life, on familiarization with his correspondence is established in Article 12 of the Universal Declaration of Human Rights, as well as in Art. 8 of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. More-

over, the last Convention separately emphasizes *the prevention of interference by state bodies in the exercise of these rights.* At the same time, in both Conventions, *a reservation is made that in exceptional cases established by law such interference is still possible.*

In Art. 23 of the Constitution of the Russian Federation also proclaims that everyone has the right *to privacy of correspondence, telephone conversations, postal, telegraph and other messages. Limitation of this right is allowed only on the basis of a court decision.*

So, canceling the ruling of the court of first instance, the panel of judges noted the following. When making a decision, the court of the first in-station did not take into account the provisions of Article 23 of the Constitution of the Russian Federation, as well as the requirements of Articles 13, 38 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Inspection of the phone does not include inspection of its contents, since information about telephone connections, contacts and SMS messages are protected by the Constitution of the Russian Federation.

Despite the fact that Chapter 25 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation does not directly enshrine the duty of the investigator to obtain judicial permission to inspect SMS correspondence, this duty follows from other norms of both the criminal procedure law and the provisions of the Constitution of the Russian Federation, and from international norms enshrined in the Convention on the protection of human rights and fundamental freedoms, subject to unconditional application in the Russian Federation. Inspection of the personal correspondence contained in the suspect's mobile phone, taking into account the nature and degree of interference, is virtually identical to the inspection of postal and telegraph items or telegrams, for which Article 185 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation provides for the need for a court decision.

When examining a mobile phone, the investigator thoroughly described all connections between subscribers, namely between the victim and those persons to whom he sent SMS messages and from whom he received such messages, up to indicating the time of connections, phone numbers and names of persons who they use these phones. At the same time, article 186.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation provides for the need for judicial permission to obtain information about connections between subscribers and (or) subscriber devices [4].

The Judicial Collegium for Criminal Cases of the Yamalo-Nenets Autonomous District Court noted that the information that constitutes the secrecy of telephone conversations protected by the Constitution of the Russian Federation and laws in force on the territory of the Russian Federation is any information transmitted, stored and installed using telephone equipment, including information about incoming and outgoing signals for connecting the telephone sets of specific communication users, therefore, in order to obtain this kind of information by the authorities investigating crimes, in accordance with the requirements of Article 165, Part 3 of Article 183 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, a court decision is required.

However, as follows from the materials of the case, the examination of the information contained in the telephone by the bodies of the preliminary investigation was carried out without a court decision.

According to Article 75 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, evidence obtained in violation of the requirements of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is inadmissible; therefore, it has no legal force and cannot be used as the basis for an accusation. Hence, the protocol of the inspection of the object is subject to exclusion from the number of evidence admissible for assessment.

The Collegium emphasized that human and civil rights and freedoms can be limited by federal law only to the extent necessary in order to protect the foundations of the constitutional order, morality, health, rights and legitimate interests of others, to ensure the country's defense and security state (part 3 of article 55 of the Constitution of the Russian Federation) [5].

It should be noted that the investigator, due to the specifics of the functions assigned to him for the disclosure and investigation of crimes, the adoption of procedural decisions, more often than anyone else affects the constitutional rights and freedoms of citizens, including the right to privacy of correspondence. At the same time, of course, this is done in order to protect the rights and legitimate interests of other persons (part 1 of article 6 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, part 4 of article 1 of the Law "On the Investigative Committee of the Russian Federation", the foundations of the constitutional order, morality, health, ensuring the country's defense and state security.

The courts, recognizing as inadmissible evidence, the protocols of the examination of the information contained in the telephone, often referred to the Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 02.10.2003 No. 345-O No. 4 and to Art. 186.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation – "Obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices", which is not correct. It is necessary to clearly distinguish between situations and emerging legal relationships when the phone is seized during the course of an investigative action and is kept by the investigator from cases when the investigator turns to a cellular operator to obtain information.

Of course, the legislation on communications provides for the secrecy of communications and the protection of information. Information about subscribers and the communication services provided to them, which became known to communication operators by virtue of the execution of the contract for the provision of communication services, is information of limited access and is subject to protection in accordance with the legislation of the Russian Federation [6]. Access to them is possible only on the basis of a court decision. Moreover, it should be noted that both in the normative acts and in the decision of the Constitutional Court it is precisely about access to this information, and not about familiarizing the investigator with it. After all, the investigator, for example, having received information from the operator about connections between subscribers by a court decision, examines the submitted documents in accordance with Part 5 of Art. 186.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation already without a court decision, about which a separate protocol of examination of documents is drawn up.

If the phone has already been confiscated and is in the possession of the investigator, then its examination, which seems to include the examination of

the information contained in it (including deleted information), is carried out without a court decision.

Here many practitioners draw an analogy with confiscated computers, as well as electronic and ordinary notebooks, letters, etc.

So, on September 30, 2014, the Supreme Court of the Russian Federation considered the cassation appeals of the convict and his lawyer against the verdict of the Supreme Court of the Republic of Khakassia, which, among other things, indicated that the examination of the mobile phone seized from the convict, containing data on his telephone conversations, was carried out with violation of the law due to the absence of a court decision.

Evaluating the arguments of the complaints, the Supreme Court of the Russian Federation indicated that the examination of the mobile phone was carried out by the investigator in accordance with Art. 176 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and, contrary to the assertions of the convicted person, this did not require a court decision [7].

Another example. In February 2015, the Primorsky Regional Court considered an appeal by a prosecutor who did not agree with the decision of the district court *to refuse to satisfy the investigator's request for permission to inspect mobile phones seized during a search of a home.*

In the appeal, the prosecutor indicated that from the provisions of Part 2 of Art. 23 of the Constitution of the Russian Federation it follows that everyone has the right to privacy of correspondence, telephone conversations, postal, telegraph and other messages. Limitation of such a right is allowed only on the basis of a court decision. In the absence of a court decision to inspect the telephone and to obtain information containing confidentiality of correspondence, the investigator reasonably applied to the court for permission to inspect the mobile phone seized during the search in the home.

The prosecutor noted that the court, refusing to satisfy the request of the investigator, *motivates its decision by the fact that the criminal procedure law does not provide for obtaining permission for the specified investigative action and actually explains the possibility of examining the information contained in the mobile phone, which will entail a violation of the person's right to secrecy of correspondence, provided for in Part 2 of Art. 23 of the Constitution of the Russian Federation.*

However*, the appellate court agreed with the arguments of the first instance court about the absence of grounds for judicial authorization of the telephone inspection.*

The court established that the search in the suspect's home in order to find mobile phones and other means of communication was carried out in accordance with the requirements of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, i.e. based on a court decision.

Justifying the decision, the court indicated that in accordance with Art. 29 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, a court decision is necessary to control and record telephone and other conversations, to obtain information about connections between subscribers and (or) subscriber devices.

The appellate court agreed with the findings of the district court that, within the meaning of the law, **obtaining a court decision is necessary** in the course of operational-search or investigative measures **to retrieve informa-**

tion held by a telecom operator in order to ensure the legality of its appearance from the relevant body carrying out criminal prosecution. At the same time, the court noted *that the criminal procedural legislation does not provide for the receipt by the body producing ORM or preliminary investigation of a court decision to conduct an inspection, for example, protocols of telephone connections between subscribers, provided on the basis of a court decision.*

According to the court of appeal, the court reasonably refused to allow the investigator to inspect the mobile phones seized during the search of the home, since this is not provided for by the criminal procedure legislation. In such circumstances, in the opinion of the court of appeal, there were no grounds for satisfying the petition filed by the investigator, in the opinion of the court of appeal, and the arguments of the appeal submission about a possible violation of the person's right to privacy of correspondence, provided for in Part 2 of Art. 23 of the Constitution of the Russian Federation, are not based on the norms of the criminal procedure law, and therefore are not subject to satisfaction [8].

So, despite the ambiguity of the issue raised, it should be concluded that in situations where the cell phone of a participant in criminal proceedings is seized and is from the investigator, it is not required to receive a court decision for its examination and familiarization with the digital content.

Indicative in this vein is the Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 25.01.2018 No. 189-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Dmitry Alexandrovich Prozorovsky on violation of his constitutional rights by Articles 176, 177 and 195 of the Criminal Procedure Code Russian Federation". In this decision, the Constitutional Court emphasized that the conduct of an examination and examination in order to obtain information relevant to a criminal case in the electronic memory of subscriber devices seized during investigative actions in the manner prescribed by law does not imply the issuance of a special court decision on this [9].

And finally, **fourthly**, the issues of introducing digital technologies into expert activities.

Information technologies occupy a special place among forensic examinations today. The consequence of this was, on the one hand, a certain transformation of expert research as a cognitive process, on the other, a significant expansion of its capabilities, as well as an increase in the scientific validity of the data obtained. At present, there are several directions of computerization of forensic activity.

Thus, the Information Retrieval System (ISS) "Arms" is designed to store and search for information on rifled weapons; The information retrieval system (ISS) "Patron" is designed to store and search information on cartridges for rifled weapons. The generator of expert opinions (GEZ) "Blade" is designed to create an expert opinion on melee weapons; "Arsenal" is a modern powerful computer system that allows automating the entire technological chain of research of bullets, shells and their fragments: from entering information and creating an electronic database, checks and comparative studies to obtaining an expert opinion.

In addition, digital technologies are used in the production of almost all existing forensic examinations: linguistic, video-technical, phonoscopic, computer-technical, etc.

Modern digital technologies in the field of recording audiovisual information have reached such a level of development that prerequisites are created for the use of these technologies for forensic purposes. Digital methods of recording information have largely surpassed analogue means in the quality of recording, reproducing and storing recorded information.

The central issue is the question of the fundamental admissibility of using a computer in the production of forensic research itself and about the conditions under which this becomes possible.

Nowadays, the question is not raised (in those cases when an expert uses a computer as a tool of labor) whether he has learned the mechanism of the "research" activity of a machine. Another thing is important – whether this machine works reliably in a technical sense and whether it gives correct results in relation to the technology of the process being carried out, for example, in relation to the analysis of the quantitative characteristics of the selected features.

The assertions that the expert cannot explain either the nature of the operation of the computer or the principles of forming the "conclusions" of the machine are also untenable. The fact is that any computer operates according to clear and unambiguous algorithms, the fundamental structure of which can be understood by any subject specialist. If you do not talk about the rarest failures, the computer does only what it is prescribed by a person.

Summing up, it can be noted that expert systems not only do not imply the displacement of a person from any intellectual spheres of activity, but, on the contrary, are guided by the fact that the professional knowledge of a specialist plays a significant role in expert systems. This role is to make the knowledge of one or more experts the property of any specialist in the field, regardless of space-time constraints. It is also important that the higher the degree of automation of the expert research, the less the degree of creative participation of the expert, but on the other hand, with the help of automation, the expert spends less time on work and is more accurate in his assessments.

Bibliographic list

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 1, 2017 No. 19 "On the practice of consideration by the courts of petitions for the production of investigative actions related to the restriction of the constitutional rights of citizens (article 165 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation)" // Rossiyskaya Gazeta, 2017, June.

2. Butenko O.S. Criminalistic and procedural aspects of the examination of mobile phones in the framework of the preliminary investigation // Lex Russica. 2016. No. 4 (113) April. P. 49–60.

3. Bertovsky L.V. Investigation of economic crimes: a scientific and practical guide. Moscow: Prospect, 2016. 05 p.; Ostrovsky S. Typical violations revealed during the supervision of the investigation of criminal cases of thefts committed using mobile communications // Legality. 2017. No. 2 (988). P. 23–26.

4. The cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Omsk Regional Court dated May 24, 2012 in case No. 22K-2225/2012 (Extract) // www. consultant.ru

5. Appeal ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug Court dated January 20, 2014 in case No. 22–49 / 2014 (Extract) // www.consultant.ru

6. Federal Law No. 126-FZ of July 7, 2003 “On Communications” (Article 53, Part 3, Article 63) // www.consultant.ru; Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ “On Information, Information Technologies and Information Protection” (Article 16) // www.consultant.ru

7. The cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 30.09.2014 in case No. 55-014-6 // www.consultant.ru

8. The appeal decision of the Primorsky Regional Court dated 02.02.2015 in case No. 22–455 / 15 // www.consultant.ru

9. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 25.01.2018 No. 189-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of the citizen Dmitry Alexandrovich Prozorovsky on violation of his constitutional rights by Articles 176, 177 and 195 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // www. consultant.ru

For citation: Bastrykin A.I. Lecture: “Digital technologies of modern forensics” // Legal thought. 2020. No. 3 (119). P. 174–186. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.119.3.012

ТРЕБОВАНИЯ
к оформлению рукописей, представляемых для опубликования

1. Рукопись представляется **в одном экземпляре.** Текст должен быть отпечатан через 1.5 компьютерных интервала 14 шрифтом. Страницы должны быть пронумерованы. Сноски оформляются в виде затекстовых ссылок в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Библиографический список». Источники в списке располагаются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Справки по оформлению списка литературы». При ссылке на конкретный фрагмент текста источника в отсылке указывается порядковый номер и страницы. Например:

– в тексте [8, с. 15].

– в затекстовой ссылке: *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: учебник. – СПб.: Издательство Юридического института, 2012. – 520 с.

2. Объем статьи не должен превышать **8–10** машинописных страниц, а рецензии – **3** страниц.

3. Автор оплачивает расходы за редактирование, рецензирование и подготовку к публикации в размере ориентировочно **5600 руб.**, за превышение установленного объема – дополнительно **300 руб.** за каждую страницу.

Отдельно оплачивается перевод статьи на английский язык.

Перевод рукописи статьи на английский язык осуществляется редактором-переводчиком журнала.

4. К статье должны прилагаться:

– **справка об авторах (соавторах)** с указанием:

а) фамилии, имени, отчества;

б) ученой степени, ученого звания;

в) должности, основного места работы;

г) контактного e-mail, домашнего и служебного адресов и телефонов;

– **аннотация статьи (не менее 5 строк);**

– **ключевые слова (не менее 10 слов);**

– **рецензия от научного руководителя (для студентов, магистрантов, аспирантов);**

- справка о заимствованиях (антиплагиат)

5. Автором должен быть подписан экземпляр статьи и лицензионный договор (высылается после утверждения «в печать» редакционной коллегией).

6. Плата с аспирантов за публикацию не взимается (за исключением стоимости 1 экземпляра журнала, его пересылки адресату, перевода статьи на английский язык).

7. Статьи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок с производственными изменениями и исправлениями в тексте **(в отпечатанном виде)** и с **электронной копией**.

8. Рецензии присылаются вместе со статьями. В противном случае статьи опубликованы не будут.

9. Статьи направляются **по почте** (не заказной) на адрес редакции: **199106, Санкт-Петербург, В.О., ул. Гаванская, д. 3** и по электронной почте: **lawinst-spb@mail.ru; komarova_tl@mail.ru**

10. В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению публикации редакция оставляет за собой право ее не рассматривать.

REQUIREMENTS
for Manuscripts, submitted for publication

1. The manuscript is submitted **in one copy**. The text should be printed in 1.5 computer range 14 print. Pages must be numbered. Footnote out in the form of references in the endnotes according to bibliographic requirements are placed after the text of the article under the heading «References». Sources in the list are arranged in accordance with GOST R 7.0.5-2008 «Help on registration list of the literature». When referring to a specific piece of text is-sending source in the serial number and pages. For example:

– In the text [8, p. 15].

– In transtextual link: Komarov S.A. The general theory of state and law: the textbook. – St. Petersburg: Publishing House «Law Institute (St. Petersburg)», 2012. – 608 pp.

2. The paper should not exceed **8–10** printed pages and reviews – **3** pages.

3. The author pays for editing, review and preparation for the publication in the amount of 5 600 rubles., for exceeding the specified amount – an additional 300 rubles for each page.

Translation of the article into English is paid separately.

Translation of the manuscript of the article into English is carried out by the editor-translator of the journal.

4. Article shall be accompanied (in electronic form):

– **information about the author (co-author),** indicating:

a) surname, name and patronymic;

b) scientific degree, academic rank;

c) the principal place of work, position;

d) an e-mail, home and office addresses and phone numbers;

– **abstract of the article (not less than 5 lines)**

– **keywords (not less than 10 words)**

– **review**

5. The author must be signed copy of the article and a license agreement (sent after the approval of «print» the editorial board). Articles graduate students must be signed by their research supervisor(s) to review the application.

6. The fee for the publication of a post-graduate students will be charged.

7. Articles, aimed authors for revision shall be returned to the editor in the recommendatory term production changes and corrections in the text (**in the form of imprint**) and an **electronic copy**.

8. Reviews are sent along with the article. Otherwise, the article will not be published.

9. Article sent **by mail** (not registered) to the editorial office: **199106, 3, Gavanskayast., Saint Petersburg, Russia** and by e-mail: **lawinst-spb@mail.ru**; **komarova_tl@mail.ru**

10. In the case of non-compliance with these requirements by designing the publication editors reserve the right not to consider it.

Частное образовательное учреждение
высшего образования

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
(Санкт-Петербург)

основан в 1992 году

ЛИЦЕНЗИЯ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
специализации:

- ❖ гражданско-правовая;
- ❖ государственно-правовая;
- ❖ международно-правовая;
- ❖ уголовно-правовая

Документы:
1. Документ об образовании
2. Шесть фотографий размером 3х4 см
3. Свидетельства ЕГЭ по русскому языку, обществознанию, истории России

По окончании института выпускникам присваивается
степень бакалавра или ***магистра***
(в зависимости от срока обучения)
и выдается ***диплом о высшем образовании***

Срок обучения:
ДНЕВНОЕ – 4 года, ЗАОЧНОЕ – 5 ЛЕТ

Для лиц со ***средним юридическим*** и ***высшим образованием*** –
ускоренный курс обучения – *3 года*

Ведется прием в АСПИРАНТУРУ
по научным специальностям:
12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве
12.00.02 – конституционное право, конституционный судебный процесс;
муниципальное право
12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

199106, г. Санкт-Петербург,
ул. Гаванская, д. 3
(812) 325-46-25, 322-18-08

Официальный сайт: www.lawinst-spb.ru

Книжный интернет-магазин на сайте института

Редактор, переводчик **М.В. Старцева**
верстка **И.И. Каширина**

Адрес редакции: 199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д.3
E-mail: Legal_thought@mail.ru
Сайт: http://lawinst-spb.ru/magazine
http://matgip/ru
Телефон: (812) 325-4625; (499) 431-5806

Издатель: ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург)
Адрес издателя: 199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д.3
Издатель: МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»
Адрес издателя: 119415, Москва, Удальцова 19-1-12
E-mail: matgip2017@yandex.ru

Выход в свет 20.09.2020. Формат 61x86 $^{1}/_{8}$.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 23,03. Усл. п.л. 13,9. Тираж 200 экз. Заказ № __

Цена свободная

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5, «Технополис Москва»
www.onebook.ru